

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРВОБЫТНОЕ ПРАВО

ВЫПУСКЪ II.

С Е М Ь Я.

- а) Происхожденіе брака; б) древнѣйшіе способы его заключенія;
в) брачные подарки.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1886

У 1917

I.

Слѣды безпорядочнаго полового сожитія.

Когда Гоббсъ, характеризуя отношенія людей другъ къ другу въ первобытномъ, или, какъ тогда говорили, естественномъ состоянїи, называлъ его *bellum omnium contra omnes*, онъ дѣлалъ лишь одну вполне понятную въ его время ошибку. Онъ отпирался отъ воззрѣнїя, что люди живутъ особнякомъ, и приходилъ послѣдовательно къ выводу, что, питая взаимно тѣ чувства, какія волкъ питаетъ къ человѣку, они не могутъ относиться другъ къ другу иначе, какъ враждебно. Современная этнологія разсѣяла прежнее воззрѣнїе на жизнь людей особнякомъ даже на низшихъ ступеняхъ развитїя. Мы находимъ, правда, туземцевъ Новой Голландїи въ этомъ состоянїи; но большинство изслѣдователей согласны въ томъ, что современное намъ населенїе внутренней части австралійскаго материка — не болѣе, какъ разсѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ, и что по этой причинѣ, при всей его дикости, ихъ состоянїе не можетъ быть названо первобытнымъ. Вообще мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что, говоря о первобытномъ состоянїи, мы разумѣемъ лишь самую раннюю изъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитїя, не утверждая въ то же время, что ей не могла предшествовать болѣе ранняя и потому болѣе простая форма общественныхъ отношеній, которая, по недостаточности дошедшихъ до насъ слѣдовъ ея существованїя, не можетъ быть нами болѣе восстановлена. И такъ, повторяемъ, древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ періодовъ общественнаго развитїя застаётъ отдѣль-

ныя племена въ стадообразномъ состояніи, ведущими постоянную войну другъ съ другомъ.

По описанію Даннера, нѣкоторые негритянскія племена живутъ доселѣ этой формою быта. Женщины и дѣти считаются общимъ достояніемъ цѣлой группы, отдѣльные члены которой обозначаются не иначе, какъ по ихъ физическимъ особенностямъ, такъ напр., высокій, хромой и т. д. Эти племена, по единогласному утвержденію посѣтившихъ ихъ путешественниковъ, состоятъ въ постоянной войнѣ между собою и взаимно истребляютъ другъ друга. Тѣми же красками путешественники рисуютъ общественный бытъ туземцевъ въ нѣкоторыхъ округахъ Новой Зеландіи, въ южной Америкѣ, на островахъ Андаманскихъ и Никобарскихъ, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, насколько можно судить изъ описываемаго Пржевальскимъ свободного сожитія, по крайней мѣрѣ, до замужества молодыхъ людей обоого пола. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ стадій общественнаго развитія описанная есть наиболѣе первобытная. Утверждать, что она непременно должна быть найдена въ исторіи каждаго народа, значило бы вносить догматизмъ въ науку, которая, благодаря своему позднему появленію, не успѣла установить до сихъ поръ ничего, кромѣ въ высшей степени правдоподобныхъ гипотезъ; но говорить, что дошедшія до насъ свѣдѣнія касательно ранняго періода въ исторіи общественнаго развитія почти всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ, сохраняя еще многочисленные слѣды общенія женъ, даютъ право заключить, что ихъ первоначальный бытъ мало чѣмъ отличался отъ вышеописаннаго состоянія африканскихъ, американскихъ и австралійскихъ племенъ, значитъ не болѣе, какъ устанавливать согласную съ положительными данными и потому вполне научную гипотезу. Имѣя главнымъ образомъ въ виду арійскую семью народовъ, я ограничусь точнымъ приведеніемъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мнѣ кажется возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія. Изъ различныхъ вѣтвей арійской расы ни одни не сохранили столько остатковъ архаической старины, какъ Славяне; съ нихъ мы и начнемъ поэтому нашъ обзоръ.

Говоря о древнемъ бытѣ Чеховъ, Козьма Пражскій характеризуетъ его слѣдующими чертами: «народъ этотъ не знаетъ постоянства брачныхъ узъ: подобно скотамъ вступаютъ они въ связь каждую ночь съ новой женщиной и съ наступленіемъ зари разрываютъ, какъ онъ выражается, желѣзные оковы любви. «*Qui etiam ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos probant hymenaeos et surgente aurora trium gradiarum copulam et ferrea amoris rumpunt vincula*». Въ русской литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что рассказъ Козьмы Пражскаго объ общности женъ у древнихъ Чеховъ есть чистѣйшій вымыселъ, потому что такого быта не знаетъ исторія. Современная этнологія позволяетъ намъ скептически отнестись къ самимъ скептикамъ. Рассказъ Козьмы Пражскаго не можетъ быть названъ плодомъ фантазіи, во первыхъ, потому, что описываемый имъ бытъ дѣйствительно существовалъ и еще въ настоящее время существуетъ какъ на старомъ, такъ и на новомъ материкѣ; а во вторыхъ, потому, что прямое подтвержденіе свидѣтельство Козьмы Пражскаго находить въ приводимомъ Маціевскимъ извлеченіи изъ житія св. Адальберта. Изъ этого извлеченія видно, что главною причиною недовольства мѣстнаго населенія св. Адальбертомъ была его ревностная проповѣдь въ пользу брачной жизни и неустрашимые нападки на сожительство съ родственницами, — сожительство, которое цитируемое нами житіе характеризуетъ словами: «*populus miscebatur cum cognatis et sine lege cum iugibus multis*», и которое являлось необходимымъ результатомъ общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени. Что описываемый Козьмой Пражскимъ порядокъ общенія женъ не составляетъ исключительной особенности однихъ чеховъ и что на первыхъ порахъ онъ встрѣчается и у русскихъ славянъ, доказательствомъ этому служитъ свидѣтельство Нестора о бытѣ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. «Радимичи, Вятичи и Сѣверь», говорится въ лаврентьевской лѣтописи, «одинъ обычай имяху..... брацы же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имѣху же по двѣ и по три жены». Спрашивается теперь, имѣли-ли умыканія на игрищахъ необходи-

мымъ послѣдствіемъ личный бракъ, или они сами по себѣ составляли бракъ временный, сходный съ тѣмъ общимъ смѣшеніемъ половъ, о которомъ говоритъ Козьма Пражскій въ изображеніи древняго быта чеховъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, справедливо замѣчаетъ г. Якушкинъ въ своемъ любопытномъ предисловіи къ библиографіи русскаго обычнаго права, даютъ Переяславская лѣтопись и дошедшія до насъ извѣстія о подобныхъ игрищахъ, существовавшихъ въ позднѣйшее время. По словамъ Переяславской лѣтописи Радимичи, Вятичи и Сѣверяне не любили браковъ, но на игрищахъ между селами у нихъ допускалась свобода половыхъ сношеній. Еще подробнѣе говорится объ игрищахъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Въ правилахъ митрополита Кирилла, XIII вѣка, значится: «мы слышали, что въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсть водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ, чтобы это такъ было и повелѣваемъ это проклинать. Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь Святаго Воскресенія». То, что на первыхъ порахъ было общимъ правиломъ, съ теченіемъ времени продолжаетъ оставаться не болѣе, какъ исключеніемъ. Общенье женъ, имѣвшее первоначально мѣсто круглый годъ, ограничивается лишь періодомъ извѣстныхъ праздниковъ, имѣющихъ, правда, чисто христіанскій характеръ, но возникшихъ еще въ эпоху язычества и сохранившихъ поѣтому во всѣхъ производимыхъ на нихъ обрядахъ слѣды языческой старины. Кому неизвѣстенъ праздникъ Ивана Купалы, праздникъ, который въ малороссійскихъ селахъ до сихъ поръ не обходится безъ зажиганія большихъ огней въ поляхъ и благороднаго соребнованія между хлопцами и дѣвчинами въ томъ, кто ловчѣе перепрыгнетъ черезъ разставленные огни, не обжегши себѣ при этомъ босыхъ пятокъ. Извѣстно также, что по мнѣнію всѣхъ знатоковъ славянской миѣологии этотъ праздникъ возникъ впервые въ эпоху язычества и установленъ былъ въ честь Перуна, что съ введеніемъ христіанства Іоаннъ Предтеча вступилъ въ то положеніе, какое нѣкогда занималъ Перунъ, какъ это случилось со многими христіанскими святыми по отношенію къ языческимъ божествамъ. Неудивительно поѣтому, если на этихъ

праздникахъ, по свидѣтельству игумена Елеазарова монастыря Памфила отъ 1505 г., происходило то умыканіе дѣвицъ и то смѣшеніе половъ, о которомъ говорятъ какъ Лаврентьевская, такъ и Переяславская лѣтописи, и противъ которыхъ Стоглавъ счелъ нужнымъ принять весьма строгія, но едва ли успѣшныя мѣры. Не въ одинъ празднѣхъ Ивана Купалы имѣли мѣсто такія явленія, мы встрѣчаемъ ихъ, по свидѣтельству Стоглава, и на ночныхъ игрищахъ наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти игрища сохранились и до нашихъ дней съ ихъ первоначальнымъ значеніемъ. Въ Нижегородской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, въ настоящее время сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бывають и умыканія. Купальныя ночи (купальни) начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ праздники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается лада, потомъ сватовство.

Если индивидуальной семьѣ рано или поздно и удастся занять мѣсто полнаго общенія женъ въ предѣлахъ одного и того же племени, то слѣды первоначальнаго коммунизма долгое время сохраняются въ большой свободѣ половыхъ сношеній. Въ современномъ намъ крестьянскомъ быту эта свобода еще далеко не исчезла. Стоитъ вспомнить только о великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницахъ, сохранившихъ во многихъ мѣстностяхъ нашихъ сѣверныхъ и южныхъ губерній тотъ характеръ, какимъ отличались описываемыя Несторомъ игрища и сходки между селами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, говоритъ г. Якушкинъ, ссылаясь на данныя, почерпнутыя имъ изъ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей, сохранилась еще полная свобода половыхъ сношеній на вечеринкахъ. Сношенія эти не считаются тамъ предосудительными; напротивъ того, дѣвушка, не выбранная парнемъ на вечеринкѣ, нерѣдко должна бываетъ выслушивать горькіе упреки отъ своей матери. Въ Харьковской губерніи, на сколько мнѣ извѣстно, родители и родственники смотрятъ на вечерницы, какъ на дѣло очень обыкновенное, и только тогда обнаруживаютъ свое неудовольствіе ими, когда въ той или другой семьѣ оказывается беременная дѣвушка. Ежели

въ другихъ мѣстностяхъ посидѣлки и вечерницы, даже при обычаѣ ложиться спать попарно, имѣють вполне цѣломудренный характеръ, то это не опровергаетъ мысли, высказанной выше объ ихъ значеніи, но указываетъ только, что отъ существовавшаго прежде обычая остался одинъ обрядъ *).

Различныя формы гостепріимнаго гетеризма у русскихъ инородцевъ представляютъ самый наглядный примѣръ такого перехода обычая въ обрядъ, потерявшій всякое дѣйствительное значеніе. У сидячихъ Коряковъ и Чукчей гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ предоставлялъ въ распоряженіе гостя жену свою или дочь. Отказъ гостя составляетъ такое глубокое оскорбленіе, за которое онъ можетъ быть убитъ хозяиномъ. У нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ отъ обычая этого сохранился только обрядъ. У нихъ по тѣмъ же законамъ гостепріимства дочь хозяина спитъ въ одной комнатѣ съ гостемъ, но сохраняетъ вполне цѣломудріе. На ту же свободу половыхъ сношеній, о которой свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ нашемъ крестьянскомъ быту посидѣлки и вечерницы, указываютъ и свадебные обряды нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., Ставропольской губерніи, въ которой, согласно указаніямъ Алышанскаго, въ день дѣвичника послѣ пирушки, на которую приглашаютъ молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстой, а парубки съ прочими дѣвицами.

Слѣды нѣкогда существовавшаго общенія женъ сохранились не у одной славянской вѣтви арійской семьи народовъ. Если при изложеніи данныхъ въ пользу признанія факта безпорядочности полового сожителства въ средѣ арійскихъ народовъ мы прежде всего обратились къ изученію обломковъ брачнаго коммунизма у славянскихъ народностей, то лишь потому, что ни у одной вѣтви арійскаго племени мы не можемъ прослѣдить въ такой мѣрѣ, какъ у Славянъ, съ одной стороны, локализацию обычая, съ другой — ограниченіе его во времени, съ третьей — переходъ самаго обычая въ обрядъ. Зная

*) См. Сумцовъ. Статья о вечерницахъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1886 г., мартъ мѣсяцъ.

теперь, какіе фазисы проходить при своемъ вымираніи первоначальная свобода половыхъ сношеній, мы въ состояніи, на основаніи сохранившихся обломковъ архаическаго общенія женъ у другихъ отраслей арійской расы, возсоздать въ умѣ тотъ отдаленный періодъ, когда это общеніе было общераспространеннымъ въ ихъ средѣ обычаемъ.

Обратимся прежде всего къ Кельтамъ и посмотримъ, не даютъ ли намъ, съ одной стороны, свидѣтельства древнихъ писателей, съ другой—дѣйствовавшіе уже въ историческій періодъ ихъ жизни обычаи право заключить, что стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ было дѣйствительной формой ихъ общественныхъ отношеній. Въ пятой книгѣ своихъ знаменитыхъ комментаріевъ на войну съ Галлами Юлій Цезарь даетъ намъ слѣдующее описаніе Бритовъ: «*uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus, parentesque cum liberis*». Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидить, что описываемая здѣсь Цезаремъ форма общенія женъ между братьями есть форма позднѣйшая, возникновеніе которой обусловливается ограниченіемъ извѣстной категоріей лицъ безпорядочнаго на первыхъ порахъ полового сожитія. Въ настоящую минуту насъ интересуетъ лишь то обстоятельство, что въ эпоху Юлія Цезаря Кельты сохранили еще слѣды брачнаго коммунизма, если не на всемъ протяженіи Галліи, въ большей части провинцій которой самопроизвольный процессъ общественнаго развитія привелъ уже къ выдѣленію не только индивидуальныхъ семействъ и частныхъ помѣстій, но и привилегированныхъ сословій въ лицѣ друидовъ и рыцарей, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея (я разумѣю Бретань и Шотландію), въ которыхъ поступательное развитіе общества было задержано физическими условіями мѣстности. Свидѣтельство Цезаря пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если сопоставить его съ нѣкоторыми другими. Говоря это, я разумѣю, во 1-хъ, правила, принятые въ серединѣ V вѣка на одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ во Франціи противъ брака между родными братьями и сестрами; во вторыхъ, долго державшійся въ средѣ горныхъ Шотландцевъ обычай допускать сожительство жениха съ невѣстой до совершенія религіей освя-

щенного обряда и считать обязательство его вступить въ бракъ прекратившимся въ томъ случаѣ, если дѣвушкѣ не удастся забеременеть; въ третьихъ, наконецъ, — до сихъ поръ встрѣчающуюся въ крестьянскомъ населеніи Ирландіи свободу половыхъ сношеній, — свободу, которая ведетъ къ существованію безнравственнаго въ нашихъ глазахъ обычая *bundling*, другими словами — свободной любви между молодыми мужчинами и женщинами до самаго момента ихъ вступленія въ бракъ. Въ сборникѣ ирландскихъ пѣсень (изд. Whitley Stokes) встрѣчается много намековъ на существованіе нѣкогда въ Ирландіи такой безпорядочности половыхъ сношеній.

Отъ Кельтовъ перейдемъ къ Германцамъ. Ни Цезарь, ни Тацитъ не говорятъ намъ ни слова объ общеніи женъ въ ихъ средѣ. Но если у извѣстныхъ классическимъ писателямъ племенъ общеніе женъ въ эпоху первоначальнаго знакомства съ ними Римлянъ уже успѣло уступить мѣсто болѣе сложнымъ и потому высшимъ формамъ брачныхъ отношеній, если въ варварскихъ законахъ мы уже имѣемъ дѣло съ вполне индивидуализировавшейся семьей, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ отдѣльных частяхъ Германіи или Швейцаріи, въ которыхъ физическія условія страны являлись долгое время тормазомъ въ дѣлѣ развитія гражданственности изслѣдователю нельзя было бы обнаружить слѣдовъ первобытнаго общенія женъ. Одинъ изъ такихъ слѣдовъ мнѣ удалось найти въ обычномъ правѣ одного изъ округовъ кантона Граубюнденъ, именно въ округѣ *Kloster*. Населеніе этого округа, по единогласному утвержденію всѣхъ историковъ, составилось преимущественно, если не исключительно, изъ нѣмецкихъ колонистовъ аллеманскаго происхожденія. Обычное право его не было кодифицировано вплоть до начала XVIII в.; неудивительно поэтому, если въ число его постановленій вошло много обычаевъ, возникновеніе которыхъ относится къ несравненно болѣе ранней эпохѣ. Однимъ изъ такихъ должна быть признана статья, запрещающая такъ называемыя *Kilbenen*, или сходбища въ селахъ, — сходбища, результатами которыхъ, какъ сказано въ кодексѣ, является блудъ и прелюбодѣяніе. Запрещая на будущее время всѣ подобнаго рода собранія, власти округа поступаютъ точь-въ-точь, какъ это слѣ-

лали въ 1868 году жители села Воржа (Ярославской губ.), запретивши у себя навсегда ночныя бѣсѣды.

Но если въ современной намъ общественной жизни нѣмцевъ не сохранилось болѣе прямыхъ слѣдовъ хотя-бы временнаго общенія женъ, то свобода половыхъ сношеній до заключенія брака, державшаяся и по нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ нѣмецкой Швейцаріи, свидѣлствуетъ въ пользу господства нѣкогда безпорядочнаго полового сожитія у Германцевъ. Свобода, о которой я говорю, выражается въ существованіи еще въ наше время въ кантонахъ Швицъ и Аргау такъ наз. *Dorf-gehen* или *Kilchgang*, другими словами, обычая ходить по вечерамъ къ незамужнимъ женщинамъ и съ вѣдома родителей проводить съ ними ночь; обычай этотъ повсемѣстно господствовалъ не только въ нѣмецкой Швейцаріи, но и въ отдѣльныхъ округахъ Виртемберга и Баваріи, доказательствомъ чему служатъ собранныя Рохгольцемъ пѣсни, которыми молодые люди или даютъ знать о своемъ приходѣ своимъ любезнымъ или отгоняютъ своихъ случайныхъ конкурентовъ.

Изъ всего предыдущаго легко убѣдиться въ томъ, что безпорядочное половое сожитіе не составляетъ особенности однихъ малайскихъ, американскихъ, негритянскихъ или туранскихъ племенъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи и въ числѣ ихъ Мэнъ, но что оно можетъ быть обнаружено и на основаніи фактовъ переживанія отдѣльныхъ вѣтвей аріиской расы—Славянъ, Кельтовъ и Германцевъ. Спрашивается теперь, насколько примѣнимъ сдѣланный нами выводъ къ исторіи общественнаго развитія, съ одной стороны, древнихъ Индусовъ, а съ другой—народовъ греко-римскаго міра.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію немногихъ фактовъ, добытыхъ для разрѣшенія этого вопроса исторіей законодательства и міеологіей, я позволю сдѣлать себѣ слѣдующее общее замѣчаніе. Скучность и отрывочность нашихъ свѣдѣній по этому предмету обуславливается самымъ характеромъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они только и могутъ быть почерпнуты. Тогда какъ для изученія древнѣйшаго общественнаго быта Славянъ и Кельтовъ мы имѣемъ прямые свидѣтельства такихъ анналистовъ и историковъ, какъ Цезарь, Козьма Пражскій, Несторъ; при изу-

ченіи ранних форм общественной жизни Индусовъ и Грековъ мы не располагаемъ другимъ матеріаломъ, кромѣ мифологическихъ сказаній или произведеній народной поэзіи: Ригъ-Веда, Атарва-Веда, Иліада и Одиссея — таковы тѣ памятники, которыми по неволѣ, за неимѣніемъ другихъ, принужденъ ограничиться изслѣдователь древнѣйшей культуру Индіи и Греціи, тогда какъ историкъ общественнаго развитія Рима не представляется и этого сомнительнаго богатства матеріала. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ мы можемъ съ трудомъ извлечь лишь отрывочныя данныя касательно семейныхъ отношеній у первыхъ двухъ народовъ и совершенно принуждены игнорировать организацію семейства въ ранній періодъ римской жизни.

Аврелю Майеру первому пришло въ голову искать въ постановленіяхъ индусскаго наслѣдственнаго права слѣдовъ архаическаго общенія женъ. Находя въ цѣломъ рядъ законодательныхъ сборниковъ, начиная съ Яджнавалькии и оканчивая Митакшарой, правило о допущеніи къ наслѣдованію сына невѣрной жены, прижитаго ею въ сожителствѣ съ тѣмъ или другимъ, «изъ соплеменниковъ мужа, человѣка одной съ нимъ варна», по выраженію сборника Куллука, Майеръ пришелъ къ обнаруженію у Индусовъ обычая общенія женъ, по крайней мѣрѣ, въ его позднѣйшей формѣ, полового сожитія ближайшихъ родственниковъ съ одной и той же женщиной. Знакомство съ современными формами религіознаго гетеризма на берегахъ Ганга, въ Пондишерии Гоа, — гетеризма, состоящаго въ томъ, что женщины добровольно протитуируютъ себя въ храмъ Югернавта, только укрѣпило его въ этой мысли, доказывая ему существованіе еще въ современной Индіи слѣдовъ первобытнаго общенія женъ въ самой поздней по времени формѣ: я разумѣю ограниченіе этого первоначально принадлежавшаго всему племени права одними представителями его — жрецами. Замѣчанія Майера по вопросу о первобытномъ общеніи женъ у Индусовъ навели Всеволода Миллера на счастливую мысль — провѣрить на основаніи строгаго филологическаго и мифологическаго разбора гимновъ Ригъ-Веды справедливость выставленной Максомъ Мюллеромъ теоріи, будто бы арійскія племена вообще и Индусы въ частности не знали съ

древнѣйшихъ временъ другихъ формъ общественныхъ отношеній, кромѣ малой семьи. Хотя изслѣдованія Всеволода Миллера и привели его къ заключенію, что въ Ведическій періодъ эта послѣдняя является уже вполне организованной, тѣмъ не менѣе ему удалось открыть въ отдѣльныхъ гимнахъ слѣды первобытнаго общенія женъ. Въ 10-мъ гимнѣ X-ой книги Ригъ-Веды, содержащемъ въ себѣ діалогъ между братомъ и сестрой — Ямомъ и Ями, Вс. Миллеръ считаетъ возможнымъ видѣть не одно лишь мифологическое представленіе объ отношеніи дня и ночи, но и прямое указаніе на сожительство нѣкогда брата съ сестрой. «Кто бы ни были Яма и Ями», говоритъ онъ, «они прежде всего братъ и сестра». Гимнъ, затрогивая вопросъ о бракѣ между ними и указывая на существованіе на этотъ счетъ двухъ противоположныхъ воззрѣній, одного — разрѣшительнаго, представленнаго въ лицѣ сестры, другаго — запретительнаго, выразителемъ котораго является братъ, даетъ такимъ образомъ право заключить о допущеніи нѣкогда обычаемъ кровосмѣшенія, а слѣдовательно и объ отсутствіи всякаго препятствія къ полной свободѣ половыхъ сношеній. Если 10-й гимнъ X книги Ригъ-Веды даетъ право заключить о дозволеніи нѣкогда обычаемъ сожительства брата съ сестрой, то 2-й и 17-й стихи XIV-ой книги Атарва-Веды, въ которыхъ жена названа «любящей деверей», приводитъ къ выводу о сожительствѣ первоначально братьевъ съ одной и той же женщиной. Въ цѣломъ рядѣ весьма темныхъ стиховъ Вс. Миллеръ находитъ также слѣды сожительства отца съ дочерью. Въ свадебномъ гимнѣ Атарва-Веды онъ видитъ уподобленіе жены съ полемъ, при чемъ мужчинамъ дается такой совѣтъ: «Одушевленная пашня, эта женщина пришла сюда; сѣйте, о мужи, въ нее ваше сѣмя». Въ этомъ множественномъ числѣ Миллеръ, въ противность Веберу, ищетъ остатокъ тѣхъ временъ, — мы употребляемъ его подлинныя слова, — когда множественное число по отношенію къ мужьямъ было уместно.

Вс. Миллеръ не скрываетъ того обстоятельства, что представленные имъ доводы далеко не имѣютъ рѣшительнаго характера. Выраженіе «любящая деверей» легко можетъ быть, говоритъ онъ, ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ родственной

любви жены къ братьямъ мужа, а терминъ «мужи» въ стихѣ Аттарва-Веды легко можетъ быть *pluralis majestatis*. Едва ли не самымъ вѣскимъ подтвержденіемъ выставляемой имъ гипотезы является отмѣченный имъ въ послѣднее время и обязательно сообщенный имъ фактъ существованія въ индусскомъ ритуалѣ слѣдующей церемоніи. Жена въ присутствіи мужа должна отвѣтить на вопросъ жреца, кто до брака былъ ея любовникомъ; если у нея и не было такового, она тѣмъ не менѣе должна назвать чье нибудь имя. Эта церемонія важна для насъ въ томъ отношеніи, что указываетъ, во 1-хъ, на существованіе нѣкогда полной свободы половыхъ сношеній до заключенія брака, а во 2-хъ, на постепенное вымираніе этой свободы и удержаніе отъ нея въ концѣ концовъ одной лишь внѣшней формы или обряда. Миллеръ старается также поддержать защищаемый имъ взглядъ указаніемъ, на то обстоятельство, что уже въ гимнахъ Ригъ-Веды говорится о правѣ деверей на вдову, — правѣ, признанномъ законами Ману, а также—о правѣ жреца на вознагражденіе брачной сорочкой за добровольный и подразумеваемый отказъ отъ принадлежащаго ему, какъ представителю племени, права первой ночи,—права, признаваемаго за нимъ и до сихъ поръ въ храмѣ Югернавта. Къ оцѣнкѣ этого послѣдняго факта мы будемъ еще имѣть случай вернуться, когда поведемъ рѣчь о тѣхъ заключеніяхъ, къ которымъ приводитъ широкое распространеніе *jus prius postis*.

Какъ ни недостаточны и отрывочны данныя, сообщаемыя Ведами, касательно древнѣйшихъ формъ отношеній между полами, тѣмъ не менѣе они полнѣе тѣхъ, которыя мы имѣемъ по тому же вопросу въ примѣненіи къ древнимъ обитателямъ Греціи и Италіи. Распущенность, съ нашей точки зрѣнія, нравовъ спартанскихъ женщинъ и обязательное сожитіе съ женою умершаго брата, или такъ называемый левиратъ, не только въ древней Троѣ, но и въ Аѳинахъ въ періодъ, слѣдующій за Гомеромъ,—таковы тѣ немногіе факты, которые могутъ быть приведены въ пользу существованія нѣкогда въ Греціи обычая общенія женъ *).

*) См. Mac. Lennan Kinship in Ancient Greece въ его Studies in Ancient history.

Факты эти получают однако надлежащее освѣщеніе лишь при сопоставленіи ихъ съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Клеарка о времени установленія въ Аѣинахъ частной семьи: «Кекропсъ первый, говорить этотъ писатель, установилъ въ Аѣинахъ постоянную связь между мужчиной и женщиной, возложивши на обоихъ обязанность взаимной вѣрности; до этого же времени отношенія половъ не были регулированы никакими общепринятыми правилами или законами и не было ребенка, который бы могъ назвать своего отца» *). Это свидѣтельство важно для насъ не потому, что даетъ возможность опредѣлить хотя бы съ приблизительной точностью время возникновенія въ Аѣинахъ малой семьи. Этой точности изслѣдователь, имѣющій дѣло съ народными сказаніями, переданными анналистами, едва ли когда будетъ въ состояніи достигнуть. Народная фантазія слишкомъ охотно надѣляетъ наиболѣе любимыхъ ею героевъ славными дѣлами, самый характеръ которыхъ не допускаетъ мысли о совершеніи ихъ тѣмъ или другимъ частнымъ лицомъ, какъ бы гениально ни было это послѣднее. Такъ и въ данномъ случаѣ. Установленіе индивидуальной семьи въ Аѣинахъ не могло быть дѣломъ личной инициативы полумифическаго законодателя. Интересъ приведеннаго свидѣтельства лежитъ не въ фиксированіи имъ эпохи происхожденія въ Аѣинахъ индивидуальнаго брака, а въ констатированіи имъ факта существованія въ Греціи преданія объ отсутствіи нѣкогда опредѣляемыхъ закономъ отношеній между полами, что въ свою очередь обуславливало собою невозможность иной родственной связи, кромѣ той, которую сама природа устанавливаетъ между дѣтьми и произведшею ихъ на свѣтъ матерью.

Переходя отъ жителей древней Греціи къ обитателямъ Италійскаго полуострова, я принужденъ ограничиться приведеніемъ лишь слѣдующаго показанія историка Теопомпа касательно одного изъ народовъ, заселявшихъ полуостровъ задолго до возникновенія Рима—я разумѣю Тирренцевъ. «Законы послѣднихъ, говорить этотъ писатель, предписываютъ имъ общеніе женъ; дѣти

*) Clearque, ap. Athenae, XIII, 2. Это мѣсто цитировано Paul Gide въ его: «Étude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris. 1867.

всѣхъ и каждаго воспитываются совмѣстно, такъ какъ никто не можетъ сказать утвердительно, чей онъ сынъ» *).

Скудость свѣдѣній касательно первобытной формы отношеній между племенами у народовъ классической древности, по справедливому замѣчанію Поля Жюда, объясняется тѣмъ, что въ эпоху, къ которой относятся даже древнѣйшіе изъ греческихъ и латинскихъ писателей, общеніе женъ уже перестало существовать на правахъ общераспространеннаго обычая, и только немногіе слѣды архаическаго коммунизма продолжали держаться въ такихъ удаленныхъ отъ гражданскаго оборота мѣстностяхъ Европы, каковы Кавказъ, берега Чернаго моря. Далматія, Бретань, Ирландія и Балеарскіе острова.

*) Paul Gide, стр. 20.

II.

Общѣніе женъ.

Приступая къ изученію древнѣйшихъ формъ брачнаго права, я прежде всего остановился на изученіи тѣхъ, сравнительно немногихъ, данныхъ, которыя представляетъ какъ современный намъ общественный строй, такъ и пройденныя уже стадіи развитія, для рѣшенія вопроса: на сколько можетъ быть признанъ общимъ законъ поздняго возникновенія семьи изъ безпорядочнаго на первыхъ порахъ сожитія половъ. На этотъ счетъ существуетъ два противоположныхъ взгляда. Одни писатели, къ числу которыхъ нужно отнести безъ исключенія всѣхъ и каждого изъ этнологовъ, занимавшихся вопросомъ о первобытныхъ формахъ общенія людей между собою, признають позднее сравнительно происхожденіе семьи явленіемъ общимъ всѣмъ народностямъ, каковы бы ни были ихъ расовыя отличія. Другіе, и въ томъ числѣ большинство филологовъ и юристовъ, положительно отказываются отъ признанія факта отсутствія семьи у Аріевъ даже на низшихъ ступеняхъ ихъ общественнаго развитія. По ихъ мнѣнію, утверждаемый современной этнологіей фактъ поздняго возникновенія индивидуальной семьи примѣнимъ къ однимъ лишь народамъ туранской и малайской расы, и положительно не имѣетъ мѣста въ средѣ арійской семьи, древнѣйшіе памятники которой заключаютъ въ себѣ будто бы несомнѣнныя свидѣтельства касательно существованія вполне индивидуализировавшихся семейныхъ отношеній, даже въ самый ранній періодъ общественнаго развитія.

Послѣ сказаннаго понятно, что задача каждого изслѣдованія, пытающагося обосновать мысль о всеобщемъ распространеніи въ первобытныхъ обществахъ людей вѣббрачной формы по-

ловаго сожитія, должно быть приведеніе возможно большаго числа фактовъ изъ жизни арійскихъ народовъ въ подкрѣпленіе вышеуказаннаго положенія. Одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ прекраснаго труда Спенсера «Основанія соціологіи» состоитъ въ совершенномъ упущеніи изъ виду этой стороны вопроса. Говоря объ общераспространенности тѣхъ или другихъ формъ половаго сожитія, Спенсеръ не приводитъ почти ни одного факта изъ жизни арійской семьи народовъ и тѣмъ самымъ оставляетъ полный просторъ ходячимъ воззрѣніямъ на счетъ первоначальнаго существованія исключительно вѣббрачныхъ формъ сожителства лишь у такъ называемыхъ низшихъ расъ—Малайской и Туранской.

Въ виду тѣхъ возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ всеобщности утверждаемаго этнологами положенія, я счелъ нужнымъ обратиться къ изученію всѣхъ тѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ можно видѣть прямое или косвенное подтвержденіе тому, что беспорядочное половое общеніе было извѣстно и народамъ арійской крови.

Сдѣлавши это, я считаю возможнымъ обратиться въ настоящее время къ изученію формъ брачнаго коммунизма у современныхъ дикарей, являющихся во многихъ отношеніяхъ типомъ того, чѣмъ были нѣкогда наши прадѣды. Приводя различные факты изъ домашняго быта этихъ народовъ, я постараюсь расположить ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы читатель самъ имѣлъ возможность прійти къ извѣстнымъ заключеніямъ, какъ о характерѣ первобытныхъ отношеній между полами, такъ и о процессѣ постепеннаго народненія болѣе совершенныхъ и потому высшихъ формъ сожителства. Приводя эти факты, я буду держаться, съ одной стороны, показаній путешественниковъ, а съ другой—историческихъ свидѣтельствъ, которымъ въ настоящее время, послѣ блистательнаго подтвержденія ихъ этнологическими данными, едва ли можетъ быть отказано въ довѣріи.

По показаніямъ путешественниковъ, Бушмены Южной Африки не имѣютъ даже понятія о бракѣ; мужчины и женщины у этихъ племенъ состоятъ другъ съ другомъ въ беспорядочномъ половомъ сожитіи, не порождающемъ между ними никакихъ сколько нибудь продолжительныхъ союзовъ.

Одно изъ племенъ, встрѣчаемыхъ на Остѣ-Индскомъ полуостровѣ, а именно въ Удѣ,—я разумѣю племя Тихуровъ,—живетъ, согласно указаніямъ Буханана, ордами, въ средѣ которыхъ возникаютъ путемъ полового сожитія лишь кратковременные союзы. «Отдѣльные пары, говоритъ приводимый нами писатель, считаютъ себя иногда состоящими въ брачныхъ связяхъ; но послѣднія въ дѣйствительности существуютъ только по имени. У другаго народца того же Остѣ-Индскаго полуострова,—народца, обитающаго въ горахъ Нейльгери, капитанъ Юркнисъ нашелъ «отсутствіе всякаго брачнаго договора; мужчины и женщины вступали между собою въ связь почти безъ всякаго разбора; рѣшеніе того, продолжать ли связь или разстаться, зависѣло главнымъ образомъ отъ женщины».

Гарцилласо-де-ла-Вега утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ племенъ, заселявшихъ Перу до нашествія Инковъ, ни одинъ мужчина не владѣлъ исключительно той или другой женщиной. Въ Калифорніи въ средѣ краснокожихъ, по показаніямъ Беджера, индивиды разныхъ половъ вступаютъ въ связь другъ съ другомъ помимо совершенія какаго либо предварительнаго обряда. У нихъ нѣтъ даже слова для обозначенія акта женитьбы.

На островахъ Андаманскихъ мужчина и женщина сожительствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого требуетъ уходъ за народившимся младенцемъ, затѣмъ они расходятся и вступаютъ каждый въ новую связь съ лицами, принадлежащими къ одному съ ними стадному соединенію. Таково, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство Бельхера, помѣщенное въ бюллетенѣ занятій Лондонскаго Этнографическаго Общества.

По словамъ одного сипая, прожившаго болѣе года между Андаманцами, беспорядочное половое сожитѣльство настолько освящено у нихъ общественнымъ мнѣніемъ, что мужчина, получившій отказъ отъ незамужней женщины, смотритъ на него, какъ на оскорбленіе, и нерѣдко прибѣгаетъ къ немедленному отмщенію.

У Гайдаховъ, живущихъ на островахъ Королевы Шарлотты, по указаніямъ Потоля, понятія о бракѣ совершенно не существуютъ. «Женщины, говоритъ этотъ путешественникъ, повидимому считаютъ своими супругами всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ

одного съ ними племени и отказываютъ въ половомъ сожителствѣ лишь иностранцамъ.

Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ европейскихъ путешественниковъ о народахъ Азіи, Африки и Америки, присоединяются, съ одной стороны, — показанія древнихъ писателей и въ особенности Геродота и Страбона о безпорядочномъ половомъ сожитіи нѣкоторыхъ Эѳіопскихъ племенъ, Анзовъ и Гарамантовъ, и о полномъ отсутствіи самаго понятія о бракѣ у Массагетовъ, а, съ другой, — передаваемое Гоге ходячее у Китайцевъ преданіе о существованіи у нихъ начала общенія женъ вплоть до эпохи появленія Руги. Общее заключеніе, къ какому приводятъ перечисленные нами факты, состоитъ въ признаніи, что среди дикихъ или мало развитыхъ еще племенъ, какъ стараго, такъ и новаго материка, можно констатировать въ древности и въ наше время формы отношеній между полами, при которыхъ женщины состоятъ въ половомъ сожитіи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного съ ними стаднаго соединенія, и которыя Леббокъ обозначаетъ не вполне удачно терминомъ «коммунальнаго брака».

Какъ самый терминъ, такъ отчасти и выражаемое имъ понятіе, находятъ рѣшительнаго противника въ лицѣ Герберта Спенсера. Заслугой Спенсера должно быть признано то обстоятельство, что, не отвергая вполне, по примѣру Макъ-Ленана, мнѣнія Лѣббока о коммунальномъ бракѣ, онъ первый указалъ на существованіе одновременнаго съ нимъ стремленія ограничить послѣдній путемъ установленія личныхъ союзовъ между индивидами разнаго пола, союзовъ, имѣющихъ нѣкоторую продолжительность. Этому же писателю удалось показать ошибочность употребляемой Лѣббокомъ терминологіи и необходимость замѣны термина «коммунальный бракъ» описательнымъ названіемъ «безпорядочнаго полового сожитія».

Излагая мнѣніе Леббока о существованіи на первыхъ порахъ коммунальнаго брака, Спенсеръ прибавляетъ отъ себя: «я не думаю, чтобы факты оправдывали заключеніе, будто бы безпорядочное половое сожительство существовало когда либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того мнѣ кажется, что если бы оно даже и существовало въ этой формѣ, то всетаки названіе коммунальнаго брака не дало бы намъ вѣрнаго пред-

ставленія о немъ. Начальное общественное состояніе должно было представлять такой порядокъ вещей, при которомъ не существовало еще никакихъ общественныхъ законовъ. Общественные законы предполагаютъ нѣкоторую продолжительность общественнаго существованія, а послѣднее возможно лишь при смѣнѣ послѣдовательно нѣсколькихъ поколѣній. Вслѣдствіе этого, въ самомъ началѣ не могло существовать такого общественного закона, какъ законъ коммунальнаго брака, въ силу котораго каждый мужчина и каждая женщина извѣстнаго маленькаго племени считались въ одинаковой степени принадлежащими другъ другу, какъ мужъ и жена; въ самомъ началѣ не могло существовать ни малѣйшаго представленія о правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака. Слова «бракъ» и «право», въ приложеніи къ подобному общественному состоянію, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести насъ къ весьма ошибочнымъ представленіямъ. Каждое изъ этихъ словъ подразумѣваетъ нѣкоторое притязаніе и нѣкоторое ограниченіе. Но коль скоро притязаніе признается одинаково за всѣми членами даннаго племени, то единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть исключеніе членовъ другихъ племенъ; но мнѣ кажется невозможнымъ утверждать, что бы идея о бракѣ внутри племени явилась изъ отрицанія притязаній личностей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ. Но оставимъ вопросъ о терминологіи и перейдемъ къ разсмотрѣнію существеннаго вопроса: предшествовало ли то, что мы могли бы назвать племенной монополіей, т. е. общимъ владѣніемъ женщинами, индивидуальной монополіи. Сэръ Джонъ Лёббокъ полагаетъ, что отсутствіе индивидуальнаго супружескаго обладанія шло параллельно съ отсутствіемъ индивидуальнаго обладанія вообще, т. е., пока не существовало понятія объ индивидуальной собственности на другія вещи, не существовало и понятія объ индивидуальной собственности на женщину. Онъ полагаетъ, что какъ территорія даннаго племени была общей собственностью всѣхъ его членовъ, такъ точно и женщины племени были общей собственностью всѣхъ мужчинъ этого племени. Онъ думаетъ, что частная собственность на женщину установилась только, какъ результатъ похищенія женъ, вслѣдствіе того, что женщины, добытыя этимъ путемъ, начали считаться принадлежащими

своимъ похитителямъ. Хотя я тоже вполне согласенъ съ тѣмъ, что развитіе понятія о собственности вообще имѣло большое вліяніе на развитіе понятія о супружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе я нахожу вполне возможнымъ не раздѣлять мнѣнія Сэра Джона Лэббока, чтобы понятіе о собственности находилось хотя когда нибудь въ такомъ неразвитомъ состояніи, какое предполагается имъ. Обыкновенно дикари владѣютъ индивидуально своимъ оружіемъ и утварью, своими украшениями и одеждою. Даже у низко стоящихъ Огнеземельцевъ существуетъ частная собственность по отношенію къ лодкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то самое представленіе о будущихъ выгодахъ, которое заставляетъ разумное существо овладѣть какою нибудь полезною вещью, или изготовить ее для себя, побуждаетъ его сопротивляться отнятію этой вещи. Въ большинствѣ случаевъ ему не мѣшаютъ владѣть вещью, потому что самая вещь не стоитъ того, чтобы отваживаться изъ-за нея на драку; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь, не смотря на сопротивленіе хозяина, отбирается у него другимъ, этотъ другой опять-таки владѣетъ ею индивидуально, такъ что она снова становится частною собственностью. Побужденія, приводившія первобытныхъ людей къ монополизированію другихъ цѣнныхъ предметовъ, должны были приводить ихъ и къ монополизированію женщинъ. Между ними должна была возникнуть частная собственность на послѣднихъ».

«Мнѣ кажется, что такое заключеніе, прибавляетъ Спенсеръ, вполне подтверждается фактами. Беспорядочное половое сожителство, какъ-бы рѣзко ни было оно выражено въ томъ или другомъ случаѣ, всегда и повсюду оказывается ограниченнымъ союзами, имѣющими нѣкоторую продолжительность. У самыхъ низшихъ изъ существующихъ нынѣ расъ, у Огнеземельцевъ, Австралійцевъ и Андаманцевъ,—мы постоянно находимъ болѣе или менѣе продолжительныя и прочныя половыя отношенія, хотя завязываются они часто безъ всякихъ формальностей; и я не вижу причины, почему въ общественныхъ группахъ, стоящихъ еще ниже, не существовало бы индивидуальнаго обладанія женщинами со стороны мужчинъ. Мнѣ кажется, что мы должны допустить, что даже въ доисторическія времена беспорядочное половое сожителство сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ

связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вкусовъ и склонностей и поддерживаемыхъ противъ другихъ мужчинъ открытою силою *)».

«Впрочемъ, я допускаю вполне (такъ заканчиваетъ Спенсеръ свою замѣчательную критику Леббоковской теоріи), что на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія безпорядочное половое сожительство ограничивалось этимъ способомъ лишь въ очень слабой степени».

Соображенія Спенсера находятъ въ послѣднее время рѣшительное подтвержденіе въ работахъ натуралистовъ, посвятившихъ себя изученію быта животныхъ и успѣвшихъ открыть у высшихъ особей послѣднихъ то же состояніе слабо ограниченного безпорядочнаго полового сожитія, съ котораго начинается самый процессъ общественнаго развитія человѣчества.

Утверждая сравнительно позднее возникновеніе, и при томъ у однихъ лишь высшихъ особей животнаго царства, осмысленныхъ, какъ онъ выражается, соединеній индивидовъ обоего пола въ племена, французъ Эспинасъ и итальянецъ Занетти въ то же время констатируютъ существованіе недобровольныхъ стадныхъ соединеній на самыхъ низшихъ ступеняхъ животнаго царства, примѣромъ чему служить имъ стадное сожительство цѣлыхъ милліоновъ моллюсковъ, такъ часто наблюдаемое напр., по отношенію къ устрицамъ **). У этихъ низшихъ особей мы не находимъ еще никакихъ признаковъ существованія связи между нарождающимися поколѣніями и индивидами, вызвавшими ихъ къ жизни. Одинъ только видъ моллюсковъ, такъ называемая калиптріи, обнаруживаютъ нѣкоторую заботливость по отношенію къ своему потомству ***).

Чѣмъ выше стоятъ по органическому развитію тѣ или другіе виды животнаго царства, тѣмъ ярче выступаетъ впередъ заботливость ихъ насчетъ питанія и храненія нарождающихся поколѣній, по крайней мѣрѣ въ раннюю эпоху ихъ физическаго развитія. Эта заботливость составляетъ исключительную особенность лишь одного изъ родителей, а именно самки. Самецъ

*) Индукція Соціологіи, глав. V. стр. 699—702.

**) Sociétés animales, стр. 296.

***) Ibid. стр. 182.

не только не принимаетъ мѣръ къ сохраненію потомства, но самъ приходится даже не рѣдко охранять послѣднее противъ самца, что наблюдается даже у нѣкоторыхъ породъ млекопитающихъ и въ числѣ ихъ у оленей. Участіе самца въ дѣлѣ охраненія жизни малолѣтняго потомства выступаетъ впервые у рыбъ и пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе постоянный характеръ лишь въ птичьемъ царствѣ, въ которомъ собственно и слѣдуетъ искать первыя начала, если не постоянной, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе продолжительной семьи, какъ полигамической, такъ и моногамической, продолжительность которой не ограничивается больше однимъ періодомъ полового сожитія, но обнимаетъ собою и слѣдующій за нимъ періодъ воспитанія нисходящихъ поколѣній. Постоянной семьи въ строгомъ смыслѣ слова мы не находимъ, даже и у высшей породы животныхъ, у млекопитающихъ. Такъ напримѣръ, у плотоядныхъ продолжительность сожитія самца и самки, какъ замѣчаетъ разбираемый нами авторъ, не переходитъ за періодъ воспитанія народившихся поколѣній. У самихъ обезьянъ одно лишь ошибочное обозначеніе наименованіемъ семьи стадныхъ соединеній, предводительствуемыхъ обыкновенно сильнѣйшимъ самцомъ, даетъ возможность утверждать существованіе постоянныхъ полигамическихъ семействъ. На дѣлѣ мы имѣемъ передъ собою стадныя соединенія индивидовъ обоего пола, сожительствующихъ болѣе или менѣе продолжительно, при чемъ у одного изъ нихъ, а именно, у сильнѣйшаго самца, предводителя стада, высказывается стремленіе присвоить себѣ исключительное пользованіе самками. Чтò, въ самомъ дѣлѣ, какъ не это, разумѣетъ слѣдующее описаніе Brehm'омъ положенія, занимаемаго у обезьянъ предводителемъ стада среди входящихъ въ его составъ индивидовъ обоего пола. «Самый сильный самецъ въ стадѣ становится его предводителемъ, — и не въ силу избранія, а благодаря самому факту физическаго превосходства. Такъ какъ сильнѣйшимъ обыкновенно бываетъ старѣйшій, то между обезьянами неудивительно, если оба начала — силы и старшинства по лѣтамъ — соединяются нерѣдко одновременно въ лицѣ предводителя. Послѣдній требуетъ полного повиновенія отъ членовъ предводимаго имъ стада, къ какому бы полу ни принадлежали послѣдніе. Ревнивый и грубый суд-

танъ (я привожу подлинныя слова Брема), онъ присваиваетъ себѣ исключительное право на половое сожитіе съ самками стада, удаляя изъ послѣдняго тѣхъ изъ нихъ, которыя кажутся виновными въ несоблюденіи его требованій на этотъ счетъ *). И такъ, даже у высшихъ породъ животнаго царства мы находимъ еще существованіе безпорядочнаго сожитія вмѣстѣ впрочемъ съ попытками ограниченія послѣдняго въ интересахъ предводителей стадныхъ соединеній.

Послѣ сказаннаго неудивительно, если и въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, представляющихъ лишь высшую ступень по отношенію къ только что разсмотрѣннымъ нами животнымъ обществамъ, мы встрѣчаемъ еще наряду съ успѣшными попытками постепеннаго ограниченія полового сожитія лишь извѣстными категоріями лицъ и даже отдѣльными индивидами, и несомнѣнные слѣды безпорядочнаго сожитія.

*) Ibid, стр. 286.

III

Формы вымиранія безпорядочнаго полового сожитія.

Одинъ изъ основныхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ изученіе сравнительной исторіи учреждений, заключается въ признаніи консерватизма обычнаго права, другими словами, въ установленіи той несомнѣнной истины, что смѣна одной системы общественныхъ отношеній другой не происходитъ мгновенно, благодаря личной волѣ того или другаго законодателя—реформатора, но напротивъ того, что рожденіе новыхъ формъ жизни происходитъ одновременно и параллельно съ разложеніемъ старыхъ, и что по этой причинѣ процессъ общественнаго развитія не можетъ быть сознательно выясненъ иначе, какъ подъ условіемъ тщательнаго изученія переходныхъ типовъ между вымирающими старыми и нарождающимися новыми. Послѣ сказаннаго ясно, почему, прежде чѣмъ говорить о возникновеніи новой и болѣе совершенной системы отношеній между полами, я считаю нужнымъ остановиться на изученіи, съ одной стороны, вымирающихъ формъ безпорядочнаго полового сожитія, а съ другой—причинъ и процесса самого вымиранія послѣдняго.

Обращаясь прежде всего къ выполненію первой задачи (я разумѣю изученіе позднѣйшихъ по времени формъ безпорядочнаго полового сожитія), я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что всѣ и каждая изъ нихъ являются не болѣе, какъ ограниченіемъ, во первыхъ, во времени, во вторыхъ, въ пользу извѣстнаго постепенно уменьшающагося числа лицъ общаго на первыхъ порахъ права сожительства всѣхъ и каждаго изъ муж-

чинъ того или другаго стаднаго соединенія съ женщинами послѣдняго; ограниченіе во времени ведетъ къ тому, что изъ постоянного безпорядочное половое сожитіе становится моментальнымъ явленіемъ; что касается численнаго ограниченія, то оно происходитъ въ двухъ, если не противоположныхъ, то во всякомъ случаѣ крайне отличныхъ другъ отъ друга направленійхъ; съ одной стороны, оно стремится исключить изъ права общаго пользованія женщинами племени всѣхъ и каждаго изъ мужчинъ послѣдняго и оставить его лишь за представителями племени, свѣтскими и духовными; а съ другой—оно направлено къ тому, чтобы устранить отъ права сожительства съ той или другою женщиной иныхъ лицъ, кромѣ ближайшихъ родственниковъ ея мужа, обыкновенно братьевъ.

Я уже сказалъ, что безпорядочное половое сожитіе необходимо должно было вызвать и въ дѣйствительности вызвало уже съ древнѣйшихъ временъ въ отдѣльныхъ индивидахъ мужескаго пола, входившихъ въ составъ того или другаго племени, стремленіе къ ограниченію его путемъ образованія болѣе или менѣе продолжительныхъ союзовъ съ тою или другою женщиною. Неудивительно поэтому, если съ теченіемъ времени отъ первоначальнаго фактически осуществляемаго права сохранилось, съ одной стороны, одно лишь юридическое признаніе принадлежности женщинъ всему племени, имѣвшее своимъ результатомъ возникновеніе обычая обязательнаго проституированія себя со стороны выходящей замужъ дѣвицы въ освященныхъ для этого религіей мѣстахъ.

Извѣстно всеобщее распространеніе, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, культа производительныхъ силъ природы и челоуѣка. Извѣстно, что поклоненіе какъ гигантскимъ, такъ и миниатюрнымъ изображеніямъ дѣтороднаго органа подъ разными наименованіями, — лингама у Индусовъ, фегора у Евреевъ въ эпоху перехода девяти колѣнъ въ язычество, фаллуса у Римлянъ, пріапа у Грековъ и т. д., долго существовало въ Египтѣ, Сиріи, Персіи, Малой Азіи, Греціи, Италіи, что испанцы нашли его въ Мексикѣ и что даже въ наше время оно не только имѣетъ мѣсто въ Индіи и нѣкоторыхъ частяхъ Африки, но что слѣды его до сихъ поръ удержались во многихъ мѣстностяхъ Италіи и что

въ самой Франціи они исчезли не ранѣе начала XVII в. *). Извѣстно также, что этотъ культъ стоялъ въ связи, въ Индіи съ культомъ одного изъ членовъ Тримурти, бога Шивы, въ Египтѣ съ поклоненіемъ священному быку и козлу и т. д.

Не менѣе распространеннымъ является и культъ Венеры, именуемой восточными народами Милитой и Астартой, а Греками Афродитой (не рѣдко Котито—особенно у Аѳинянъ),—культъ, существовавшій въ Вавилонѣ, во всей Финикіи, въ Іудеѣ, Карѳагенѣ, на островахъ Кипрѣ и Самосѣ, наконецъ въ Коринѣ и Аѳинахъ. Чѣмъ въ Греціи были празднества въ честь Афродиты, тѣмъ въ Римѣ являлись Вакханаліи; культъ Вакха имѣлъ здѣсь тоже значеніе, какое имѣло поклоненіе Афродитѣ въ Греціи.

Съ вышеуказанными двумя культами, Пріапа и Венеры, связано совершеніе освящаемаго религіей обряда добровольнаго проституированія себя первому встрѣчному со стороны незамужнихъ женщинъ, получавшихъ въ силу этого акта право принадлежать впредь исключительно выбравшимъ ихъ въ жены мужьямъ.

Вотъ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этомъ обрядѣ, какъ у народовъ древняго міра, такъ и у современныхъ намъ дикарей.

Начнемъ съ Египтянъ. По свидѣтельству Геродота, женщины Египта разъ въ жизни были проституируемы священному козлу (Мендесу). Этотъ обычай былъ особенно распространенъ въ Хемнисѣ, одномъ изъ городовъ Дельты. «Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, пишетъ приводимый нами писатель, произошелъ необычайный фактъ. Священный козелъ, вступивъ въ связь съ одной изъ заключенныхъ съ нимъ женщинъ, сдѣлался виновникомъ рожденія у ней ребенка». Этотъ рассказъ показываетъ, что священный козелъ не обходился безъ субститутовъ и что лишеніе невинности дѣвушкамъ, какъ религіозный обрядъ, совершаемо было на дѣлѣ имѣвшимися при храмѣ Мендеса лицами. Рассказъ Геродота тѣмъ менѣе можетъ показаться баснословнымъ, что приводимыя имъ данныя были неоднократно подтверждены Страбономъ, цитировавшимъ съ этою цѣлью стихъ

*) Des divinités génératrices ou du culte du Phallus chez les anciens et les modernes, par J. A. D....., Paris, 1805, стр. 2; въ новомъ изданіи 1885 г. стоитъ полное имя автора Dulaure.

Пиндара, и Климентомъ Александрійскимъ. Одному изъ европейскихъ путешественниковъ, Vivant Denon, удалось даже быть въ полузасыпанныхъ землею сводахъ того храма, въ которомъ нѣкогда производимы были вышеописанные обряды. Онъ нашелъ въ немъ терпимыхъ и признаваемыхъ правительствомъ гетеръ, такъ называемыхъ *almès* *).

Отъ Египтянъ перейдемъ къ Евреямъ. Въ книгѣ пророка Осін, жившаго въ эпоху отпаденія десяти колѣнъ отъ культа Іеговы и перехода ихъ къ идолослуженію Bal-Phegor'y (соотвѣтствовавшему греческому Пріапу), можно найти между прочимъ указаніе на характеръ того религіознаго гетеризма, которому предавались моавитскія женщины въ храмѣ послѣдняго. Согласно свидѣтельству Филона и интерпретаціямъ Сельдена и Бейера, дочери Моавитянъ проституировали себя, подъ предлогомъ отдачи своей дѣвственности идоламъ, приходившимъ въ храмъ Израильтянамъ. Многія изъ нихъ затѣмъ навсегда оставались при храмѣ на правахъ его служительницъ, находя, согласно свидѣтельству св. Ириней, религіозное освященіе своему гетеризму **).

Въ окрестностяхъ Пондичери, по описанію Дидшта, выходящія замужъ дѣвушки лишаютъ себя предварительно невинности въ храмѣ Сивы при помощи желѣзнаго изображенія penis'a, почитаемаго здѣсь подъ наименованіемъ Lingam. Тотъ же обрядъ имѣетъ мѣсто въ Гоа, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Индіи роль Lingam'овъ принимаютъ на себя состоящіе при храмахъ жрецы. По описанію адмирала фонъ-Кердина въ Калькутѣ раджа самъ отдаетъ на одну ночь дочь свою какому нибудь жрецу и затѣмъ уже ищетъ ей мужа. Согласно свидѣтельству другаго путешественника, француза Bernier, въ теченіе ежегоднаго праздника, совершаемаго въ храмѣ Югернавта, жрецы имѣютъ обыкновеніе вводить торжественно въ храмъ одну изъ молодыхъ дѣвушекъ и оставлять ее тамъ на ночь подъ предлогомъ, что само божество вступитъ съ нею въ связь; растлѣнная дѣвушка пріобрѣтаетъ съ этого момента право на вступленіе въ бракъ ***).

Религіозный гетеризмъ, связанный въ Египтѣ, Индіи и Іудеѣ

*) Dulaure, стр. 27 и 28.

** Ibid, стр. 56.

*** Ibid, стр. 89 и 90.

съ культомъ Пріапа, практикуемъ былъ Вавилонянками въ храмахъ Милиты (Венеры). «Вавилоняне, говоритъ Геродотъ, имѣютъ одинъ весьма постыдный законъ. Каждая женщина, уроженка страны, должна разъ въ жизни prostituировать себя въ храмъ Милиты первому встрѣчному иностранцу. Она не ранѣе можетъ вернуться въ свой домъ, какъ удовлетворивши вышеприведенному предписанію и получивши отъ своего случайнаго любовника вознагражденіе той или другой, хотя бы самой ничтожной монетой, которая съ этого момента почитается священной. Исполнивши требуемый религіей обрядъ жертвоприношенія своей невинности, Вавилонянка пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право принадлежать исключительно избравшему ее или избранному ею супругу» *).

Въ заключеніе этой картины вавилонскихъ нравовъ Геродотъ прибавляетъ: «Почти однохарактерный обычай существуетъ и на островѣ Кипрѣ». Свидѣтельство Геродота подтверждается Юстиномъ, показывающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ господство того же религіознаго гетеризма и у Финикіянъ въ храмахъ Астарты и въ Карѳагенѣ въ особомъ мѣстѣ, посвященномъ Венерѣ (*Sicca Venerica* по имени). О немъ говорятъ также Валерій Максимъ, Лукіанъ и блаженный Августинъ. Тогда какъ, по описанію перваго, добровольное prostituированіе себя карѳагенскими дѣвушками давало имъ возможность составить хорошее приданое, тотъ же актъ, по свидѣтельству послѣднихъ двухъ писателей, не имѣлъ въ Финикіи другаго результата, кромѣ обогащенія храма полученной за совершеніе его платой. Лукіанъ повѣствуетъ, что въ его время дѣвушки могли даже избѣжать требуемаго религіей приношенія своей невинности, замѣнивши этотъ видъ жертвы другимъ, а именно—обрѣзываніемъ своихъ косъ — явный признакъ вымиранія прежде безусловно обязательнаго обряда. Слѣды послѣдняго продолжали, однако, держаться вплоть до царствованія Константина въ храмѣ Геліополиса, какъ видно изъ свидѣтельства Евсевія, приписывающаго этому императору полнѣйшее запрещеніе обряда на будущее время **).

*) Ibid, стр. 168.

**) Ibid, стр. 170—172.

Тотъ же обычай протитутитовать себя до вступленія въ бракъ имѣлъ мѣсто въ средѣ Лидійскихъ дѣвушекъ, какъ видно изъ показаній Геродота. Страбонъ говоритъ, что онъ существовалъ въ Арменіи. Помпоній Мела указываетъ на господство его у одного африканскаго племени, Авилонъ. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ мы встрѣчаемъ его и у племенъ Ливіи, среди которыхъ считается за правило, что первую ночь по совершеніи брака дѣвушка проводитъ съ друзьями мужа. Совершенно однохарактернымъ является описываемый Діодоромъ Сицилійскимъ порядокъ одновременнаго сожителства женщины въ первую брачную ночь со всѣми находящимися на лицѣ гостями (см. кн. 5, гл. 18). Наконецъ, имѣются свидѣтельства о религіозномъ гетеризмѣ у туземныхъ жителей Оракіи, въ Коринѣ, на островѣ Самосѣ, на которомъ преданіе приписываетъ отмѣну его Креонту, въ Александріи въ эпоху Птолемеевъ, въ Аѳинахъ каждый разъ при отправленіи мистерій въ пользу народной Венеры, извѣстной подъ наименованіемъ Котито, на такъ называемыхъ діонизіакскихъ празднествахъ, наконецъ въ Римѣ при совершеніи Вакханалій *).

Съ этими многочисленными и взаимно, хотя и не преднамѣренно повторяющими другъ друга свидѣтельствами древнихъ писателей не мѣшаетъ сопоставить показанія европейскихъ путешественниковъ о существованіи еще недавно и даже въ наше время обрядовъ и обычаевъ религіознаго гетеризма, совершенно тождественныхъ съ только что разсмотрѣнными.

Цитированный уже нами испанскій путешественникъ Гарсиласо-де-ла-Вега, говоря о бытѣ одного изъ перуанскихъ племенъ по имени Мантасъ, приписываетъ послѣднему тотъ же обычай полового сожитія въ первую ночь брака всѣхъ присутствующихъ гостей съ невѣстой, существованіе котораго на Балеарскихъ островахъ засвидѣтельствовано было Діодоромъ Сицилійскимъ, и этотъ обычай, въ свою очередь, находитъ аналогію себѣ въ томъ, который господствовалъ у жителей Нукагивы, какъ слѣдуетъ изъ описанія Лангсдорфа. У нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, согласно Ондеману, выходящая замужъ жен-

*) Ibid, стр. 177, 181 и 182.

щина вмѣстѣ со своими подругами проводить первую ночь въ безпорядочномъ половомъ сожитіи не только съ женихомъ, но и со всѣми имѣющимися на лицо гостями—мужчинами. На берегу Лаонго женщина не можетъ вступить въ бракъ раньше, какъ послѣ предварительнаго сожитія со всѣми желавшими имѣть ее мужчинами одного съ нею племени. На Филиппинскихъ островахъ существуютъ специально назначенныя племенными начальниками лица для лишенія невинности желающихъ вступить въ бракъ дѣвушекъ. Какъ на Золотомъ Берегу, такъ и въ Бразиліи, такъ, наконецъ,—согласно показаніямъ Марко-Поло, и въ Тибетѣ ни одна сохранившая свою дѣвственность дѣвушка не можетъ выйти замужъ. Наконецъ, на островахъ Мореплавателя безпорядочное половое сожитіе въ первую ночь по заключеніи брака допускается, но не иначе какъ съ согласія супруга.

У нѣкоторыхъ племенъ предшествующее брачной жизни проституированіе дѣвушки имѣетъ мѣсто лишь на правахъ рѣдкаго исключенія, такъ, напр., у многихъ краснокожихъ Сѣверной Америки, относительно которыхъ мы находимъ слѣдующія подробности въ отчетѣ о путешествіи Карьера. У одного изъ племенъ, которыя ему удалось посѣтить, а именно, у такъ называемыхъ Нодовессіевъ онъ нашелъ одну женщину, окруженную бѣлымъ почетомъ, нежели всѣ остальные. На его распросы о причинахъ такого преимущественнаго вниманія къ ея личности, ему отвѣчали, что въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій нельзя было указать ни на одну, помимо той, о которой идетъ рѣчь, какъ на имѣющую достаточно силы и энергіи, чтобы предпослать вступленію въ бракъ попеременное сожительство въ одну и ту же брачную ночь съ 40 лучшими воинами племени, которыхъ она нарочно пригласила для этой цѣли въ свою палатку. Сдѣлавшись въ послѣднее время рѣдкимъ, обычай безпорядочнаго сожитія, въ первую ночь вступленія въ бракъ налагаетъ на женщину особое отличіе и вызываетъ къ ней уваженіе всего племени.

Не смотря на бездну, отдѣляющую культуру христіанской Европы отъ той, которая выпала въ удѣлъ языческой древ-

*) Леббокъ, стр. 104.

ности и дикимъ и полудикимъ племенамъ Сѣверной Америки, мы тѣмъ не менѣе находимъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ средне-вѣковой Европы слѣды религіознаго гетеризма. Дѣло въ томъ, что принятіе христіанства нисколько не помѣшало дальнѣйшему удержанію культа Пріапа. Изъ прежняго бога послѣдній, правда, долженъ былъ снизойти до роли святаго католической церкви, но въ этой видоизмѣненной формѣ культъ его продолжался по прежнему не только въ Галліи и Германіи, но и въ самой Италіи, вызывая повсюду къ жизни вѣру въ таинственную силу извѣстныхъ талисмановъ, такъ называемыхъ мандрагоровъ, изображавшихъ собою въ миниатюрѣ мужской половой органъ, и поддерживая дальнѣйшее существованіе прежнихъ языческихъ мистерій, сдѣлавшихся нынѣ христіанскими праздниками. Смѣшивая въ своемъ представленіи сказанія о христіанскихъ подвигахъ Ліонскаго епископа Фотина съ языческими преданіями о Пріапѣ, народъ южной Франціи продолжалъ поклоняться послѣднему подъ новымъ и искаженнымъ наименованіемъ Футина, тогда какъ въ другихъ частяхъ Франціи и въ Италіи тотъ же Пріапъ ожилъ въ лицѣ святыхъ Рене въ Анжу, Гверлимоиа въ округѣ Бурга и Гиньоле въ Бретани. Въ ряду другихъ религіозныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ ихъ честь въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи и Франціи, мы находимъ между прочимъ одинъ, который, представляя рѣдкое сходство съ предписываемымъ Ригъ-Ведою обрядомъ поднесенія въ даръ жрецу брачной сорочки, способенъ по этой причинѣ приковать къ себѣ наше вниманіе. Одинъ изъ Германскихъ писателей XVII в., авторъ сочиненія, озаглавленнаго «*Theses inaugurales de virginibus, facetiae facetiarum*», на стр. 277-й названной книги упоминаетъ о святомъ Футинѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе любимыхъ простымъ народомъ. Этому святому, продолжаетъ онъ, дѣвушки наканунѣ выхода замужъ приносятъ въ даръ свой дѣвичій костюмъ. Втеченіи дальнѣйшаго изложенія, упоминая объ одной невѣстѣ, которая могла слыть дѣвственной лишь въ глазахъ ослѣпленнаго любовію къ ней жениха, приводимый мною писатель замѣчаетъ, что она давно уже сложила свое дѣвственное одѣяніе къ подножью алтаря св. Футина. Приношеніе новобрачной ея дѣвичьяго одѣянія за-

мѣнившему Пріапа христіанскому святому производится какъ бы на правахъ выкупа, потерявшаго всякое дѣйствительно значеніе и сохранившаго одинъ лишь символическій характеръ.

Существованіемъ на первыхъ порахъ беспорядочнаго поло- ваго сожитія въ предѣлахъ племени объясняется также въ на- шихъ глазахъ происхожденіе того уродливаго обычая, который привыкли называть не отвѣчающимъ ему терминомъ права первой ночи, и который по моему является результатомъ перенесенія на старѣйшинъ племенъ и родовъ тѣхъ преимуществъ, которыя нѣкогда раздѣляли всѣ мужчины одного съ ними кровнаго сое- единенія

Существованіе такого обычая не возбуждало ни малѣйшаго со- мнѣнія въ лучшихъ представителяхъ науки и беллетристики прошед- шихъ двухъ столѣтій. Стоитъ открыть знаменитую энциклопе- дію на словѣ «culage», чтобы найти весьма обстоятельныя свѣ- дѣнія о *jus primae noctis*, относимомъ авторомъ статьи къ числу злоупотребленій феодализма и одинаково констатируемымъ имъ по отношенію какъ къ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ владѣль- цамъ феодальныхъ леновъ. Въ періодъ клерикально-аристокра- тической реакціи, занимающей собою первые десятилѣтія XIX в., попытки отрицанія права первой ночи, какъ оскорбительнаго для чести превозносимаго ораторами и публицистами феодаль- наго строя, были весьма обычнымъ явленіемъ. Но если писа- тели реакціонныхъ памфлетовъ, въ родѣ Бональда и Деместра, и не отступали предъ рѣшительнымъ искаженіемъ смысла исто- рическихъ текстовъ, съ цѣлью доказать, что *jus primae noctis* не болѣе, какъ клевета либераловъ на старый порядокъ, то, съ другой стороны, серьезные изслѣдователи, даже въ томъ слу- чаѣ, когда они подобно Шатобріану, принадлежали по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ крайней правой партіи, не рѣ- шались отрицать слишкомъ очевиднаго и подкрѣпляемаго мно- гими свидѣтельствами факта всеобщей распространенности этого безобразнаго въ нашихъ глазахъ обычая.

Изданіе Bouthors'омъ «Сборника постановленій обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Аміенскаго бальяжа», изданіе, сдѣланное имъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ которомъ читатели нашли неоднократныя упоминанія о правѣ первой ночи, оживило на

время повидимому замершую полемику по вопросу о томъ, существовалъ ли когда либо такой обычай, или нѣтъ. Одинъ изъ членовъ французскаго института—Dupin, которому было поручено составленіе отчета о трудѣ Bouthors'a, вызвалъ противъ себя цѣлую бурю со стороны редактора клерикальнаго органа «l'Univers» извѣстнаго публициста Louis-Veuillot. 467 страницъ потребовались Veuillot для мнимаго опроверженія факта существованія обычая первой ночи. Задача, принятая на себя авторомъ «Droit du seigneur», слѣдующимъ образомъ формулируется имъ самимъ на первыхъ же страницахъ его книги. Право сеньера, le droit du seigneur, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно привыкли говорить о немъ; никогда не существовало. Все, что говорено или писано было въ доказательство противнаго, не болѣе какъ вымыселъ, открытая ложь и позорное невѣжество. Въ томъ видѣ, въ какомъ это право существовало на дѣлѣ, оно было правомъ справедливымъ, естественнымъ и невиннымъ. Очевидно, что для того, чтобы придти къ такому выводу, Veuillot пришлось подвергнуть своеобразному толкованію всѣ относящіеся къ вопросу тексты. Оставляя безъ всякаго вниманія встрѣчающіеся въ памятникахъ законодательства и юридической практики термины droit de cullage, droit de marquette, онъ рѣшился утверждать, что всѣ свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о «droit du seigneur», говорятъ лишь, съ одной стороны, о правѣ феодальнаго владѣльца выдавать замужъ дочерей подчиненныхъ ему вассаловъ или получать денежное вознагражденіе за свободный выборъ ими супруга, а съ другой—о правѣ тѣхъ или другихъ членовъ католической іерархіи освобождать вѣрующихъ отъ предписываемаго каноническими законами воздержанія отъ брачнаго сожитія въ первыя три ночи, слѣдующія за совершеніемъ свадебнаго обряда. Хотя мнѣніе Veuillot и нашло себѣ защитниковъ, съ одной стороны, въ лицѣ молодаго и талантливаго историка Леопольда Делиля, автора исторіи земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ въ Нормандіи, а съ другой въ лицѣ Анатоля де Бартелеми, высказавшагося въ томъ же смыслѣ, что и Veuillot, въ особой статьѣ, помѣщенной имъ по вопросу о правѣ сеньера въ начавшемъ выходить въ это время (я разумью 1854 г.) Обзорѣніи историческихъ вопросовъ «Revue

des questions historiques», но большинство французских историковъ и юристовъ, и въ числѣ ихъ Лафферьеръ и Лагрезъ, продолжали держаться прежняго воззрѣнія на счетъ дѣйствительнаго существованія *jus primae noctis* въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно привыкли связывать съ нимъ. Предпринятая частью ими самими, частью нѣмецкими и англійскими юристами и этнологами поиски за новыми данными по вопросу о существованіи его въ другихъ странахъ Европы, кромѣ Франціи, не оставляютъ въ настоящее время сомнѣнія въ общераспространенности его нѣкогда у различныхъ народовъ земнаго шара. Это не помѣшало, однако, появленію не далѣе, какъ въ 1881 г.—новой попытки категорическаго отрицанія факта существованія *jus primae noctis*. Карлъ Шмидтъ въ обширномъ трактатѣ, основанномъ на обстоятельномъ, по видимому, изученіи источниковъ, старается убѣдить читателей въ томъ, что сказаніе о существованіи такого права сложилось къ концу XV и началу XVI столѣтій, что ближайшимъ основаніемъ къ тому явилось распространеніе въ публикѣ повѣствованій о тиранахъ древности, нерѣдко оскорблявшихъ женскую стыдливость и прибѣгавшихъ къ насилію по отношенію къ дѣвушкамъ. Другимъ источникомъ того же сказанія, думаетъ Шмидтъ, надо принять рассказы путешественниковъ о лишеніи невинности дѣвушекъ жрецами у разнообразнѣйшихъ народовъ земнаго шара. Ко всему этому присоединилось еще непониманіе дѣйствительнаго характера тѣхъ платежей, какіе производимы были феодальнымъ сеньерамъ по случаю замужества крестьянскихъ дочерей. Въ XVI в. думали еще, что право первой ночи существовало лишь во времена язычества и отмѣнено было христіанствомъ. Но въ слѣдующія за тѣмъ столѣтія стали уже говорить о немъ, какъ о господствующемъ въ средѣ христіанской Европы, чуть не въ большинствѣ западно европейскіхъ государствъ. Чтобы прійти къ такому выводу, Шмидтъ слѣдитъ за постепеннымъ извращеніемъ послѣдующими писателями тѣхъ свѣдѣній, какія по вопросу о правѣ первой ночи даютъ анналисты XVI в., и въ большинствѣ случаевъ успѣшно доказываетъ, что позднѣйшая редакція не отвѣчаетъ первоначальной, что въ ней произошло смѣшеніе понятій и правомъ первой ночи окрещены такіе обычаи, корень ко-

торыхъ лежитъ или въ каноническихъ предписаніяхъ на счетъ соблюденія супругами цѣломудрія въ первую брачную ночь, или въ требованіяхъ феодальнаго права касательно платежа феодальному сеньеру свадебныхъ денегъ или производства въ его пользу особаго взноса за право гражданства, приобретаемое жительствомъ на его землѣ въ первое время, слѣдующее за бракомъ. Путемъ такой критики Шмидту удастся доказать, что фактъ существованія права первой ночи во многихъ странахъ Европы далеко не обоснованъ такъ прочно, какъ это думали до сихъ поръ; что нѣтъ, поэтому, достаточнаго основанія говорить о немъ въ Германіи, Италіи и Шотландіи, а тѣмъ болѣе Россіи, въ которой только одинъ г. Кулишеръ можетъ видѣть въ распущенности помѣщиковъ въ эпоху Пугачевского бунта доказательство существованія права первой ночи. Но за этими болѣе или менѣе сомнительными свидѣтельствами идутъ другія, менѣе поддающіяся критикѣ: записи обычнаго права тѣхъ или другихъ мѣстностей, судебныя рѣшенія, наконецъ законодательные акты, прямо говорящіе о правѣ сеньера вступать въ сожителство съ новобрачной въ первую ночь, слѣдующую за празднованіемъ свадьбы, или получать взаменъ того извѣстный выкупъ. Г. Шмидтъ не отступаетъ, однако, передъ мыслью подвергнуть и эти факты рѣшительному отрицанію. Съ этою цѣлью онъ придаетъ преувеличенное значеніе народному юмору и имъ старается объяснить появленіе въ официальныхъ актахъ подобнаго рода описаній. Но поступая такимъ образомъ, онъ, очевидно, совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что, если народный юморъ и сказывается нерѣдко въ юридическихъ пословицахъ и поговоркахъ, то отнюдь не въ судебныхъ рѣшеніяхъ или записяхъ обычаевъ, и что какого нибудь Фердинанда Католическаго довольно трудно заподозрить въ желаніи острить, когда въ 1486 г. онъ, въ ряду другихъ дурныхъ обычаевъ, приступилъ къ отмѣнѣ и права сожителства сеньеровъ съ крестьянскими дѣвушками въ ночь, слѣдующую за ихъ замужествомъ *).

Высказываясь отрицательно по отношенію къ общимъ резуль-

*) Karl Schmidt, *Jus primae noctis*, стр. 162—379.

татамъ, какіе пытаются установить одинаково Вельо и Шмидтъ, я въ то же время полагаю, что ихъ попытки отрицанія обычая первой ночи во многомъ подготовили почву для того объясненія его, какое будетъ представлено нами въ настоящей главѣ. Начать съ того, что ими вполне выяснена невозможность дальнѣйшаго смѣшенія всѣхъ платежей, получаемыхъ духовными и свѣтскими сенъерами по случаю отдачи въ замужество крестьянскихъ дѣвушекъ, съ тѣми, какіе слѣдуютъ имъ за отказъ отъ права первой ночи. При объясненіи первыхъ надо имѣть въ виду, что феодальному владѣльцу, какъ свѣтскому, такъ и духовному, принадлежало право выдавать замужъ дочерей подвластныхъ ему вассаловъ; это—то *maritagium*, о которомъ говорятъ какъ англосаксонскія и норманскія хартии, такъ и грамоты феодальныхъ владѣльцевъ Франціи, сборники обычнаго права отдѣльныхъ ея провинцій и округовъ. Въ силу этого права феодальный владѣлецъ могъ на первыхъ порахъ свободно распоряжаться рукою опекаемой имъ дѣвушки и выдавать ее замужъ помимо ея воли за избраннаго имъ однимъ жениха. Въ этомъ первоначальномъ видѣ *maritagium*, или *droit de mariage*, очевидно, не могло держаться долго, такъ какъ противорѣчило и естественному стремленію семействъ вассаловъ имѣть голосъ въ рѣшеніи судьбы своихъ женскихъ представителей, и предписываемой христіанскою церковью свободѣ заключенія брака. Необходимость уступки этимъ обоимъ моментамъ, съ одной стороны, и желаніе сохранить въ то же время за феодальнымъ владѣльцемъ выгоды, связанныя съ осуществленіемъ вышеуказаннаго права, съ другой,—необходимо должны были рано или поздно привести и въ дѣйствительности привели къ замѣнѣ прежняго обязательнаго для дочери вассала брака съ женихомъ, указаннымъ ей феодальнымъ владѣльцемъ, одной уплатой послѣднему извѣстныхъ натуральныхъ или денежныхъ сборовъ по случаю вступленія въ бракъ съ избраннымъ семействомъ дѣвушки или ею самою женихомъ.

Если мы зададимся вопросомъ, какія причины могли повести къ предоставленію феодальнымъ владѣльцамъ права выдавать замужъ дочерей своихъ вассаловъ, то изъ опасенія непослѣдовательности, мы не будемъ, какъ это дѣлало еще недавно

большинство изслѣдователей, сближать это право съ правомъ феодальной опеки и путемъ такого совершенно произвольнаго сопоставленія доказывать принадлежность его феодальному владѣльцу, какъ опекуну несовершеннолѣтнихъ дочерей его умершихъ вассаловъ. Дѣло въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, мы положительно принуждены были-бы игнорировать прямое и неоспоримое свидѣтельство англо-саксонскихъ и норманскихъ хартій, въ которыхъ *maritagium*, или право получать извѣстные денежные платежи по случаю выхода замужъ дочерей того или другаго вассала, не ставится ни въ какую зависимость отъ ея сиротскаго состоянія. И такъ, мы совершенно должны отказаться отъ мысли искать въ правѣ феодальной опеки источникъ и причину возникновенія *droit de mariage*, такъ какъ такому объясненію прямо противорѣчатъ имѣющіеся у насъ свидѣтельства хартій X и XI вѣковъ. Спрашивается, въ чемъ же, если не въ правѣ феодальной опеки, лежитъ корень возникновенія *maritagium*? Для правильнаго разъясненія только что поставленнаго вопроса, намъ придется познакомиться съ обычаями и обрядами, возникшими задолго до образованія феодализма въ періодъ разложенія первобытнаго стаднаго состоянія и перехода послѣдняго сперва въ общинно-родовой, а позднѣе въ общинно-сельскій бытъ. Такого рода восхожденіе къ обычаямъ и учрежденіямъ предшествовавшихъ феодализму формъ общественныхъ отношеній является въ моихъ глазахъ единственнымъ путемъ къ разъясненію причинъ возникновенія многихъ одновременныхъ съ нимъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ, до сихъ поръ составляющихъ загадку для изслѣдователей, незнакомыхъ съ методомъ переживаній или непривыкшихъ пользоваться имъ.

Въ ближайшей главѣ я познакомлю читателя съ тѣмъ процессомъ, въ силу котораго безпорядочное половое сожитіе въ предѣлахъ племени сведено было постепенно къ факту совмѣстнаго пользованія женщинами со стороны членовъ отдѣльных родовъ, позднѣе семейныхъ общинъ. Я прошу пока принять этотъ фактъ на вѣру и дѣлать изъ него тотъ выводъ, къ какому необходимо приводить его признаніе. Разъ мы допустимъ право собственности родовъ и семей на входящихъ въ составъ

ихъ женщинъ, мы тѣмъ самымъ принуждены признать, съ одной стороны, запрещеніе свободного выхода ихъ въ бракъ за членовъ чужаго рода и чужой семейной общины, а съ другой — права послѣднихъ на полученіе извѣстнаго выкупа за выходящую изъ ихъ среды дѣвушку. По мѣрѣ сосредоточенія на родовыхъ, а позднѣе на семейныхъ старѣйшинахъ, совокупности правъ отдѣльных членовъ рода и семейной общины, общее на первыхъ порахъ право выкупа становится ихъ личнымъ правомъ и ведетъ къ возникновенію того *maritagium*, или права феодальнаго владѣльца, какъ самому выдавать за члена рода или семейной общины ту или другую изъ незамужнихъ женщинъ, такъ и получать извѣстное вознагражденіе за выходъ ея замужъ и слѣдующій за нимъ переходъ ея въ другой родъ и въ другую семейную общину. Такому праву и отвѣчаетъ существованіе такъ наз. *maritagium*, но послѣдній составляетъ не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ тѣхъ платежей, поводъ къ взиманію которыхъ феодальнымъ сеньеромъ даетъ фактъ заключенія брака подвластными ему лицами.

Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ, правда, у однихъ лишь духовныхъ владѣльцевъ, существованіе права на полученіе извѣстныхъ платежей за свободу полового сожитія съ женою, гдѣ въ одну лишь первую, а гдѣ въ первыя три ночи по совершеніи обряда вѣчанія. Это право, какъ встрѣчающееся у однихъ лишь духовныхъ владѣльцевъ, можетъ по этому самому найти объясненіе себѣ лишь подъ условіемъ привлеченія къ изслѣдованію матеріала каноническаго законодательства. Обращаясь къ этому послѣднему, мы находимъ въ немъ предписаніе одного помѣстнаго собора IV вѣка (четвертаго по счету собора въ Кароагенѣ), въ которомъ молодымъ супругамъ воспрещается половое сожительство въ первыя три ночи, слѣдующія за заключеніемъ брачнаго союза. Что это предписаніе не оставалось мертвой буквой, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, лучшимъ доказательствомъ тому служить свидѣтельство Dom Calmet («*Dictionnaire de la Bible*», т. IV, слово *Noces*), подлинный текстъ котораго гласитъ въ переводѣ слѣдующее: «въ былое время молодые имѣли обыкновеніе исповѣдываться и приобщаться въ день вступленія въ

бракъ въ той самой церкви, въ которой совершенъ былъ свадебный обрядъ, и воздерживаться всю слѣдующую ночь отъ брачнаго сожитія. Этотъ обычай до сихъ поръ продолжаетъ держаться, какъ я слышалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ», — такъ заканчиваетъ Dom-Calmet свои любопытныя сообщенія.

По мѣрѣ того, какъ феодальный характеръ общественныхъ отношеній началъ проникать во всѣ сферы жизни, не исключая и церковной, во владѣльцахъ церковныхъ помѣстій необходимо должно было возникнуть и въ дѣйствительности возникло стремленіе извлекать извѣстныя выгоды изъ осуществленія предоставленнаго имъ церковными законами права слѣдить за выполненіемъ вышерассмотрѣнныхъ предписаній. Тѣ самые мотивы, которые вызвали къ жизни существованіе индульгенцій, повели и къ возникновенію натуральныхъ и денежныхъ платежей въ пользу отдѣльныхъ членовъ духовенства, получавшихъ эти сборы не на правахъ феодальныхъ собственниковъ, а на правахъ церковныхъ іерарховъ, способныхъ по этой причинѣ освобождать вѣрующихъ отъ соблюденія тѣхъ или другихъ церковныхъ предписаній. Этимъ путемъ объясняется возникновеніе надѣлавшаго столько шуму права епископа аміенскаго получать извѣстныя денежные пошлины за предоставленіе новобрачнымъ права полового сожителства въ первыя три ночи, слѣдовавшія за совершеніемъ брачнаго обряда. Приговоромъ парламента отъ 19 марта 1409 г. это право было отмѣнено и новобрачнымъ было дозволено проводить совмѣстно даже первую брачную ночь *).

Наряду съ указанными двумя основаніями къ производству извѣстныхъ платежей феодальному сеньеру по случаю празднованія свадьбы, еще Юстусомъ Мезеромъ указано было третье, корень котораго лежитъ частью въ наслѣдственномъ правѣ, дѣйствовавшемъ среди крестьянъ, частью въ средневѣковомъ законодательствѣ о подданствѣ и приобрѣтеніи правъ гражданства. Согласно средневѣковому праву, только тотъ наслѣдуетъ имущество въ предѣлахъ феода, кто подчиненъ власти его сеньера, а имъ не можетъ быть дѣвушка, выходящая замужъ за крестьянина чужаго помѣстья. Чтобы обойти такое

*) Bouthors. Coutumes locales du baillage d'Amiens.

запрещеніе, придумана была слѣдующая практика. Новобрачные проводили первую ночь на земляхъ того феодальнаго сеньера, которому подсудна была невѣста. Согласно обычаямъ многихъ сельскихъ и городскихъ округовъ, этимъ фактомъ устанавливалось разъ навсегда подданство молодыхъ тому сеньеру, на земляхъ котораго проведена была ими первая ночь, а слѣдовательно, въ частности пріобрѣталось и право наслѣдованія въ имуществѣ отца невѣсты. Очевидно, что такое пріобрѣтеніе могло быть сдѣлано лишь съ согласія феодальнаго сеньера, который въ вознагражденіе требовалъ производства ему извѣстнаго платежа со стороны новобрачныхъ. Таковъ источникъ происхожденія многихъ изъ тѣхъ правъ, которыя долгое время смѣшиваемы были съ правомъ первой ночи *).

Изъ разсмотрѣнныхъ нами правъ ни одно не заключаетъ въ себѣ намека на существованіе обычая полового сожителства феодальныхъ владѣльцевъ съ женами ихъ вассаловъ въ первую ночь, слѣдующую за заключеніемъ брака. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдній никогда не имѣлъ мѣста, а только то, что цѣлый рядъ фактовъ, привлекаемыхъ къ обсужденію этого вопроса, въ дѣйствительности находятъ себѣ совершенно иное объясненіе.

Дальнѣйшее изложеніе будетъ заключать въ себѣ приведеніе неоспоримыхъ данныхъ въ пользу распространенности *jus primae noctis*. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія свидѣтельствъ путешественниковъ о существованіи его еще въ наше время у нѣкоторыхъ дикарей, какъ стараго, такъ и новаго материка.

Въ Антропологіи Вайца, въ сочиненіи Бастіана о правовыхъ отношеніяхъ у различныхъ племенъ земнаго шара, наконецъ, въ специальной монографіи Либрехта о правѣ первой ночи, я нашелъ цѣлый рядъ свѣдѣній касательно существованія его на островахъ Маріанскихъ и Андаманскихъ, въ Южной Америкѣ у племени краснокожихъ, извѣстнаго подъ наименованіемъ Каликосъ, и т. д.

Какъ писатели классической древности, такъ и средневѣковые путешественники неоднократно констатируютъ существованіе

*) См. Шмидтъ, стр. 158, 162.

этого обычая у тѣхъ или другихъ народовъ стараго материка. Такъ, напримѣръ, Геродотъ говорить о немъ, какъ о существующемъ у одного изъ ливійскихъ племенъ, именно у племени Адирмахидовъ, Солинусъ свидѣтельствуетъ о признаніи его за племенными старѣйшинами Гебридскихъ, такъ называемыхъ имъ Эбудскихъ острововъ. Переходя отъ писателей древности къ средневѣковымъ, мы прежде всего должны остановить наше вниманіе на слѣдующемъ свидѣтельствѣ Марко-Поло, одного изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣрія путешественниковъ. Описывая бытъ жителей юго-восточной части полуострова Камбоджа, расположеннаго, какъ извѣстно, къ югу отъ Кохинхины и посѣщеннаго имъ лично въ 1280 г., Марко - Поло замѣчаетъ (я привожу здѣсь въ переводѣ подлинныя его слова), что во владѣніи короля Ціамбы ни одна молодая дѣвушка не можетъ быть отдана замужъ иначе, какъ послѣ предварительнаго лишенія ея невинности королемъ. Прибавимъ ко всѣмъ этимъ даннымъ приводимый Caussin de Perceval въ первомъ томѣ его «Исторіи Аравитянъ» фактъ пользованія этимъ правомъ нѣкимъ Амлекомъ, королемъ или, лучше сказать, старѣйшиною надъ племенами Дшадисъ и Тасмъ,—и мы получимъ довольно полное представленіе о господствѣ этого права нѣкогда или еще въ наше время у народовъ какъ стараго, такъ и новаго материка.

Если отъ племенъ малайскаго, туранскаго или американскаго происхожденія мы перейдемъ къ аріямъ, то у народовъ германороманскаго міра мы найдемъ не одни преданія объ осуществленіи тѣмъ или другимъ полумифическимъ героемъ *ius primae noctis*, но цѣлый рядъ прямыхъ постановленій обычнаго права, нерѣдко даже письменно закрѣпленныхъ въ томъ или другомъ средневѣковомъ кодексѣ, въ томъ или другомъ постановленіи отдѣльныхъ городовъ, округовъ и общинъ.

Доказывая превосходство древне-германскихъ нравовъ надъ нравами народовъ кельтическаго происхожденія, нѣкоторые германскіе писатели, и въ числѣ ихъ Яковъ Гриммъ, Гирке и Карлъ Вейнгольдъ, тщетно пытались установить фактъ отсутствія у народовъ германскаго племени обычая, однохарактернаго съ французскимъ *droit du seigneur*. Неоспоримый текстъ статутовъ нѣсколькихъ швейцарскихъ общинъ, а именно: Мауръ, об-

щины, лежащей въ окрестностяхъ Цюриха, и Гирсланденъ и Штадельгофенъ, расположенныхъ обѣ на берегахъ Грейфензе, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ существованія *jus primae noctis* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ германцами, не далѣе еще, какъ въ половинѣ XVI вѣка (Offnungen, о которыхъ идетъ рѣчь, составлены—одна въ 1543 году, другая—въ 1538 году). И той, и въ другой, говорится о правѣ мѣра каждой изъ общинъ проводить первую ночь съ новобрачной того или другаго изъ поселянъ. Мужъ можетъ избавить свою жену отъ такого сожитія уплатой мѣру извѣстной денежной суммы (5 шиллинг. 4 пфенига въ общинѣ Мауръ, и 4 шиллинг. 3 пфенига въ общинѣ Гирсланденъ и Штадельгофенъ). Вальтеръ, а за нимъ Блунчи, имѣя передъ глазами одну Offnung von Maur, пытались объяснить происхожденіе вышеуказаннаго предписанія шуткой самаго составителя Offnung. Это объясненіе падаетъ само собою передъ однообразнымъ включеніемъ постановленія о *jus primae noctis* въ другія Offnungen того же кантона. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что составители послѣднихъ сговорились между собою шутить, да притомъ еще такимъ святымъ правомъ, какъ право мужа на исключительное обладаніе своею женою. Не болѣе удачной должна быть признана попытка Озенбрюгена объяснить происхожденіе вышеприведенныхъ постановленій желаніемъ составителя послѣднихъ дать пластическое выраженіе крѣпостной зависимости жителей обѣихъ общинъ отъ ихъ феодальныхъ владѣльцевъ, такъ какъ при такомъ объясненіи все таки остается открытымъ вопросъ, почему составители обѣихъ Offnungen придали именно такую, а не иную форму выраженію этой крѣпостной зависимости.

При составленіи моей исторіи полицейской администраціи въ Англіи въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, мнѣ неоднократно приходилось пользоваться толкованіями англо саксонскихъ юридическихъ терминовъ, толкованіями, встрѣчающимися въ до сихъ поръ неизданныхъ сборникахъ документовъ XII и XIII вв., каковы, наприм., красная книга казначейства, или помѣщенный мною въ извлеченіи текстъ одного монастырскаго свода конца XII в. или начала XIII в. Въ этомъ текстѣ между прочимъ, можно прочесть слѣдующее опредѣленіе термина *legervite* или *legerwita*. Ле-

гервита, говорится въ немъ, есть право помѣщика взимать извѣстную сумму денегъ съ лица, растлившаго ту или другую изъ подчиненныхъ его власти крестьянскихъ дѣвушекъ помимо его позволенія (*sine licentia vestra*). Я попрошу обратить особенное вниманіе на эти послѣднія слова. Было бы крайне ошибочно толковать ихъ въ томъ смыслѣ, что отъ помѣщика (глафорда, позднѣе норманскаго барона) зависѣла выдача замужъ дочери крестьянина; дѣло идетъ здѣсь не о выдачѣ въ бракъ, а о дозволеніи акта растлѣнія, *corruptio*. Право помѣщика отдавать замужъ дочерей подчиненныхъ ему лицъ извѣстно англо-саксонскому праву: только терминъ для него не *legerwite*, а *maritagium*. *Legerwite* указываетъ поэтому на совершенно другія отношенія, нежели тѣ, которыя порождаемы были обычаемъ полученія извѣстныхъ денежныхъ платежей по случаю выхода замужъ дочери того или другаго виллана. Объяснить возникновеніе его нельзя иначе, какъ допустивши признаніе за англо-саксонскимъ глафордомъ права на совершеніе самого акта *corruptio* или растлѣнія незамужней дѣвушки до выхода ея въ бракъ, права, которое глафордъ могъ перенести и на третье лицо, на что указываетъ самый текстъ разбираемаго документа, говоря о *licentia domini* на совершеніе акта *corruptio*.

Извѣстно, что однимъ изъ немногочисленныхъ остатковъ племени Иберовъ, принадлежность котораго къ арійской семьѣ народовъ не могла быть до сихъ поръ съ точностью констатирована, являются Баски, заселяющіе въ наше время часть южныхъ, прилежащихъ къ Пиренеямъ департаментовъ Франціи и сѣверныя окраины испанскихъ провинцій. Въ обычномъ правѣ отдѣльныхъ мѣстностей, заселенныхъ Басками, можно открыть слѣды сравнительно недавняго существованія права первой ночи; говоря это, я разумѣю въ частности соглашеніе, заключенное между феодальнымъ владѣльцемъ Louvie и жителями деревни Aas, расположенной среди той вѣтви Пиренейскихъ горъ, которая извѣстна подъ названіемъ Ossau. Это соглашеніе впервые было составлено въ 1538 г.; около затѣмъ полутора столѣтъ спустя, въ 1674 г., заключено было подобное-же между сеньоромъ Луви и жителями селенія Базакосъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, мы встрѣчаемъ постановленіе, смыслъ ко-

торого сводится къ предоставленію сеньору Луви права полового сожителства съ только что вышедшею замужъ крестьянскою дѣвушкою въ первую же ночь по совершеніи брачнаго обряда, или, буде онъ не захочетъ лично воспользоваться этимъ правомъ, къ уплатѣ ему извѣстнаго выкупа, если не деньгами, то натуральными продуктами. Въ эпоху составленія перваго соглашенія, т. е. въ 1538 г., осуществленіе права натурою, повидимому, было весьма обычнымъ явленіемъ, такъ какъ размѣръ выкупа вовсе не былъ опредѣленъ и поставленъ такимъ образомъ въ зависимость отъ личнаго произвола сеньора, и въ соглашеніи въ то же время выговорено, что первый родившійся въ крестьянской семьѣ сынъ долженъ быть почитаемъ свободнымъ, такъ какъ, читаемъ мы дальше, виновникомъ его жизни легко можетъ быть сеньоръ Louvie. Въ позднѣйшемъ по времени появленія соглашенія сеньора Луви съ жителями Базакоса отъ 1674 г. о выкупѣ говорится уже, какъ о нормальномъ, даже единственномъ способѣ осуществленія *jus primae noctis*. Самый размѣръ выкупа точно опредѣленъ. Молодой супругъ обязанъ доставить сеньору курицу, каплуна, баранье плечо, два хлѣба, пирогъ и три горшка нѣкоего навару, извѣстнаго на мѣстѣ подъ наименованіемъ *Vibaran*.

Отъ Басковъ перейдемъ къ Гельтамъ и прежде всего къ жителямъ сѣверныхъ провинцій Испаніи. Существованіе нѣкогда *jus primae noctis* прочно установлено въ одной лишь Каталоніи, въ которой, какъ видно изъ любопытной монографіи испанскаго историка Nongues'a, *jus primae noctis* было если не совершенно уничтожено, то по крайней мѣрѣ замѣнено уплатой феодальному владѣльцу 6-ти динаріевъ во второй половинѣ XV в., благодаря специальному приговору, изданному на этотъ счетъ Фердинандомъ Католическимъ 11 апрѣля 1468 г. Цитируемый нами писатель ссылается на каталонскую хронику донна Jером'a Pujades, въ которой это уродливое право описано въ слѣдующихъ чертахъ: право это было величайшею несправедливостью, какую только можно придумать; когда кто либо изъ подданныхъ вступалъ въ бракъ, сеньоръ, въ награду за свое согласіе, удерживалъ за собою право провести первую ночь въ постели новобрачной, предупреждая тѣмъ самымъ всякое предварительное прикосновеніе ея со стороны супруга».

Въ судебномъ рѣшеніи отъ 21 апрѣля 1486 г. Фердинанда Католическаго мы читаемъ на этотъ счетъ буквально слѣдующее: «Мы присудили и постановляемъ, чтобы феодальные сеньеры не могли ни для себя, ни для своихъ дѣтей или кого либо другаго присвоивать себѣ женъ своихъ крестьянъ (*pagenses de gemença*), съ платою или безъ платы, иначе, какъ съ ихъ согласія; и чтобы въ такой же мѣрѣ они не могли проводить съ новобрачной первую ночь, слѣдующую за свадьбой; или, въ знакъ принадлежности имъ сеньеріальныхъ правъ, перешагаты черезъ нее въ то время, когда она впервые ляжетъ въ постель^{*)}). Повидимому, вышеприведенный текстъ не оставляетъ никакого простора для сомнѣнія. Это не мѣшаетъ, однако, Шмидту посвятить цѣлыхъ 14 страницъ совершенно неудачной, какъ намъ кажется, попыткѣ доказать, что и этотъ актъ имѣетъ въ виду не право первой ночи, а только право символически заявлять о подчиненности новобрачныхъ феодальнымъ сеньерамъ. Но съ такимъ толкованіемъ уже потому нельзя согласиться, что о фактическомъ сожителствѣ господъ съ новобрачными женщинами въ первую ночь, слѣдующую за свадьбой, говоритъ далеко не одинъ лишь вышеприведенный нами приговоръ, какъ ошибочно думаетъ Шмидтъ, а также и другія, столь же неоспоримыя свидѣтельства. Въ путешествіи поляка Попеллова по Испаніи и Португаліи отъ XV вѣка, упоминается о существованіи такого права помѣщиковъ въ Каталоніи. Въ свою очередь запись обычаевъ города и округа Героны въ древнѣйшей ея редакціи, уцѣлѣвшей въ рукописяхъ Эскуріала, говоритъ о такомъ сожителствѣ, а также о частой замѣнѣ его денежнымъ или натуральнымъ взносомъ. Въ одной позднѣйшей редакціи, въ которой ученые юристы, ея ближайшіе составители, удержали лишь желательные въ ихъ глазахъ обычаи, о правѣ первой ночи не встрѣчается болѣе и помину.

Переходя въ настоящее время къ приведенію многочисленныхъ фактовъ существованія этого права на всемъ протяженіи Франціи, мы постараемся расположить ихъ такимъ обра-

*) См. Каталонскій текстъ приводимый Marichalar-y-Manrique, т. VI, стр. 50. *Historia del derecho espanol.*

зомъ, чтобы читатель самъ имѣлъ возможность констатировать, какъ древнѣйшія, такъ и позднѣйшія формы этого обычая, такъ, наконецъ, и самый процессъ медленнаго и постепеннаго его вымиранія.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ касательно существованія права первой ночи во Франціи, двоякаго происхожденія: съ одной стороны, это юридическіе акты, постановленія того или другаго сборника обычнаго права, судебные приговоры и т. п.; съ другой—это произведенія народной поэзіи, впечатлѣвшей въ себѣ характеръ общественныхъ отношеній современной ей возникновенію эпохи. Обратимся прежде всего къ свидѣтельствамъ перваго рода. Несомнѣнно важнѣйшимъ изъ нихъ являются постановленія обычнаго права нѣкоторыхъ мѣстностей Аміенскаго бальяжа и именно сеньоріи Drucat и аббатства Blangy en Ternois. Смыслъ обоихъ постановленій таковъ, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ въ существованіи на первыхъ порахъ натурой осуществляемаго права, такъ и въ замѣнѣ послѣдняго съ теченіемъ времени однимъ полученіемъ денежныхъ взносовъ со стороны супруга новобрачной. Въ первомъ изъ приводимыхъ двухъ источниковъ хотя и допускается выкупъ, но говорится въ то же время о правѣ сюзерена, «*conchiez avecq la dite de poerse*» (спать или правильно—лежать съ молодой), и самое это право называется *droit de cullage* и почитается такимъ стариннымъ «*qu'il n'est mémoire du contraire*» — буквально: что нѣтъ и памяти о томъ времени, когда бы оно не существовало. Во второмъ изъ цитируемыхъ мною источниковъ сохранилось въ моихъ глазахъ несомнѣнное доказательство тому, что вопреки противодѣйствію, какое вызывало осуществленіе *jus primae noctis*, даже въ формѣ уплаты извѣстнаго выкупа членамъ духовенства и монастырей, послѣднее въ этой позднѣйшей формѣ,—формѣ выкупа, продолжало быть осуществляемо и духовными владѣльцами феодальныхъ леновъ, какъ таковыми. Недаромъ же анализируемый нами текстъ прямо употребляетъ терминъ «*cullage*» для обозначенія права монаховъ аббатства Blangy en Ternois требовать уплаты въ ихъ пользу 2 солидовъ парижскаго чекану со стороны супруга новобрачной. При постепенномъ огрубѣніи нра-

вовъ духовенства, благодаря постоянному соединенію въ членахъ высшей іерархіи обязанностей священства съ правами феодалныхъ владѣльцевъ, неудивительно, если нѣкоторые изъ нихъ обнаруживали стремленіе осуществлять самое право натурой, не ограничиваясь однимъ полученіемъ опредѣленной суммы натуральныхъ или денежныхъ поборовъ. Если свидѣтельства французскихъ хронистовъ, и въ числѣ ихъ Borellus'a, и въ особенности историковъ ХVII и ХVIII вѣковъ, какъ лицъ, завѣдомо враждебныхъ церкви, на счетъ осуществленія натурою, какъ монахами монастыря Св. Теодоберта, близъ Монтобана, такъ и капитуломъ кафедральнаго собора въ Ліонѣ, такъ называемаго этими историками «*juris sui*», и можетъ быть до нѣкоторой степени заподозрѣно, то едва ли тотъ же скептицизмъ мыслимъ при обсужденіи точнаго и рѣшительнаго свидѣтельства президента парламента въ Буржѣ, по имени Bouchier, который въ составленномъ имъ сборникѣ судебныхъ рѣшеній буржескаго парламента между прочимъ помѣстилъ слѣдующія слова: «я лично присутствовалъ при обсужденіи въ апелляціонномъ порядкѣ, въ присутствіи мѣстнаго епископа, одного процесса по иску приходскаго священника касательно предоставленія ему права сожитія въ первую ночь по заключеніи брака съ женою подчиненнаго ему виллана. Парламентъ, такъ заканчиваетъ приведеніе этого судебного случая Bouchier, не только отказалъ истцу въ его просьбѣ, но и приговорилъ его еще къ уплатѣ штрафа». Если изъ приведеннаго факта и можно вывести заключеніе насчетъ существованія индивидуальныхъ попытокъ личнаго осуществленія *jus primae noctis* тѣми или другими лицами духовнаго званія, на правахъ феодалныхъ владѣльцевъ, то изъ него же видно, что какъ церковь, такъ и магистратура, постоянно отказывали въ своей санкціи всѣмъ притязаніямъ подобнаго рода.

Сборники обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Аміенскаго балъжа далеко не составляютъ единственнаго источника, въ которомъ изслѣдователи вопроса о *droit du seigneur* во Франціи могутъ черпать данныя для его разрѣшенія. Всюду, гдѣ этотъ вопросъ подвергнуть былъ спеціальной разработкѣ, изслѣдователямъ его удавалось открывать крайне любопытныя данныя ка-

сательно его существованія. Такъ Делиль, отрицающій, какъ извѣстно, существованіе этого обычая во Франціи, въ то же время приводитъ слѣдующій, крайне любопытный документъ начала XV в. (именно 1419 г.), въ которомъ при перечисленіи феодальныхъ правъ одного норманскаго сеньера, между прочимъ упоминается о правѣ его «буде онъ пожелаетъ, пойти ночевать съ женой его вассала въ первую ночь, слѣдующую за заключеніемъ брака, чему, — читаемъ мы далѣе, — никто не можетъ воспрепятствовать». Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Франціи, — въ однихъ раньше, въ другихъ позднѣе, личное осуществленіе этого права было замѣнено полученіемъ лицомъ, призваннымъ къ его отправленію, извѣстнаго выкупа натуральными повинностями или деньгами. Въ Нормандіи, по отзыву Gardin, автора историческаго этюда объ округѣ Берне, выкупъ замѣнилъ собою личное осуществленіе права уже въ XV вѣкѣ. Причемъ въ народной поэзіи, судя по отрывку, приводимому Делилемъ, продолжала держаться память о происхожденіи послѣдняго изъ перваго. Въ этой позднѣйшей формѣ, — формѣ выкупа, право первой ночи просуществовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вплоть до XVII в., такъ напр., въ общинѣ Sauloire, около Кодебека, гдѣ оно и въ то время было еще извѣстно подъ стариннымъ наименованіемъ «jambage».

Оставимъ теперь германо-романскій міръ и перейдемъ къ восточной вѣтви индо-арійской семьи — къ Славянамъ. Единственное свидѣтельство, имѣющееся о существованіи, по крайней мѣрѣ, у восточныхъ Славянъ права первой ночи заключается въ приводимомъ Татищевымъ извлеченіи изъ одной раскольничьей лѣтописи, въ которой подъ 964 г. мы встрѣчаемъ сообщеніе слѣдующаго факта. «Тогда же отрѣши Ольга княжее и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ (т. е. деньгами) какъ князю, такъ и боярину отъ его подданныхъ». Это мѣсто приводится Буслаевымъ, — въ доказательство существованія и у насъ нѣкогда права первой ночи. Надо замѣтить, что по своей краткости и неопредѣленности выраженія это свидѣтельство раскольничьей лѣтописи одинаково можетъ быть приводимо, какъ въ доказательство существованія у насъ подобія *jus maritagiі*, такъ и права или обычая первой ночи. Поэтому мы не считаемъ себя вправе

сдѣлать В. Н. Лешкову упрекъ въ томъ, что, разбирая мнѣніе Буслаева, онъ въ приводимомъ мѣстѣ изъ раскольниковъ лѣтописи, видитъ лишь «нѣчто въ родѣ еще такъ недавно существовавшаго «вывода» или сбора въ пользу помѣщика за потерю дѣвушки, выданной замужъ за чужаго крестьянина». Намъ не кажется поэтому также удачной попытка г. Смирнова пополнить недостатокъ данныхъ по вопросу о существованіи у насъ права первой ночи совершенно не относящимися къ нему фактами взиманія большей противъ обыкновенной пошлины съ невѣсты, выходившей замужъ за челоуѣка не одной съ нею общины. Эти факты скорѣе доказываютъ возможность толкованія текста раскольниковъ лѣтописи въ томъ смыслѣ, въ какомъ толкуетъ его и профессоръ Лешковъ, и отнюдь не подкрѣпляютъ вывода, что въ этомъ текстѣ рѣчь идетъ о *jus primae noctis*.

Сводя къ немногимъ положеніямъ результаты, добытые путемъ обстоятельнаго изученія слѣдовъ нѣкогда существовавшаго обычая первой ночи у различныхъ племенъ земнаго шара, я считаю себя вправѣ признать прежде всего то, что этотъ обычай не стоитъ въ прямой причинной связи съ феодальнымъ строемъ жизни, среди которой онъ дѣйствовалъ. Феодализмъ не могъ создать его уже потому, что при изученіи слѣдовъ его существованія у разноплеменныхъ народовъ, мы между прочимъ констатируемъ фактъ распространенія его у племенъ, не имѣющихъ понятія о феодальной системѣ. Феодализмъ не могъ создать его еще и потому, что преслѣдовалъ интересы радикально противоположные тѣмъ, выразителями которыхъ являлось въ ряду другихъ право первой ночи. Не усиленіе власти племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ было задачей феодализма, а напротивъ—обеспеченіе интересовъ отдѣльныхъ и соподчиненныхъ другъ другу классовъ путемъ добровольныхъ договоровъ и соглашеній, ограничивающихъ власть прежнихъ старѣйшинъ и признающихъ извѣстныя привилегіи за зависимыми отъ нихъ лицами. Признанію *jus primae noctis* порожденіемъ феодальнаго безправія, какимъ считали его писатели XVIII в., противорѣчитъ уже такъ часто упоминаемый федистами фактъ прекращенія дальнѣйшаго обязательства вѣрности со стороны вассала, разъ сеньеръ по-

звояетъ себѣ оскорбленіе его чести насиліемъ надъ его дочерью или женою.

Если *jus primaе noctis* не стоитъ въ причинной связи съ феодальнымъ строемъ жизни, если оно встрѣчается одинаково у народовъ, какъ переживающихъ эту стадію развитія, такъ и выходящихъ только изъ болѣе первобытныхъ стадій общественности, то источникъ его возникновенія необходимо долженъ лежать въ постепенномъ ограниченіи извѣстными лицами, племенными и родовыми старѣйшинами, первоначальнаго общенія женъ въ предѣлахъ того или другого стаднаго соединенія. Съ теченіемъ времени племенные и родовые старѣйшины сдѣлались королями и феодальными владѣльцами, и одновременно *jus primaе noctis* изъ достоянія начальниковъ племенъ и старѣйшинъ родовъ сдѣлалось правомъ князей и феодальныхъ сюзереновъ. Таковъ источникъ происхожденія права первой ночи. Спрашивается теперь, какія были причины и каковъ былъ процессъ его постепеннаго вымиранія?

Что касается до причинъ, то мнѣ кажется, что главной причиной должно быть признано развитіе феодальнаго строя жизни, — того самаго строя, которому ошибочно приписывали до сихъ поръ созданіе самаго обычая. Въ самомъ дѣлѣ, при опредѣленіи всѣхъ жизненныхъ отношеній началомъ договорнымъ, естественно должно было зародиться стремленіе и должна была вмѣстѣ съ тѣмъ возникнуть возможность къ выкупу этого права сперва одними вассалами благороднаго происхожденія, а затѣмъ и остальными.

Рядомъ съ этой главной причиной дѣйствовали одновременно и другія, и на первомъ планѣ—стремленіе церкви положить конецъ этому противному ея нравственнымъ представленіямъ институту.

Переходя къ разсмотрѣнію самаго процесса вымиранія послѣдняго, мы должны замѣтить, что онъ состоялъ въ замѣнѣ *de facto* осуществляемаго права одной уплатой сперва натуральныхъ, а затѣмъ и денежныхъ платежей князьямъ и феодальнымъ владѣльцамъ,—платежей, имѣвшихъ на первыхъ порахъ реальное, а потомъ одно лишь символическое значеніе. Не смотря на постепенное расширеніе системы выкупа, слѣды

фактическаго осуществленія *jus primae noctis* долгое время продолжали держаться въ отдѣльных мѣстностяхъ и между прочимъ въ Каталоніи и нѣкоторыхъ частяхъ Нормандіи въ особомъ символическомъ обрядѣ, состоявшемъ въ томъ, что феодалный владѣлецъ переносилъ ногу черезъ постель, на которой лежала только-что вышедшая замужъ дѣвица. Объ этомъ обрядѣ говорить какъ *Pragmatica de Cataluña* Фердинанда Ка-толика, такъ и почти одновременные съ ея появленіемъ обычаи и распорядки нѣкоторыхъ общинъ Нормандіи.

1800

СПбГу

IV.

Полиандрія. Снохачество. Левиратъ.

До сихъ поръ я имѣлъ случай говорить объ ограниченіи безпорядочнаго полового сожителства частью во времени, частью въ пользу извѣстныхъ только лицъ—племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ. Въ настоящей главѣ я намѣренъ приступить къ разсмотрѣнію самаго процесса вымиранія архаическаго начала отношеній между полами путемъ постепеннаго суженія круга лицъ, въ средѣ которыхъ оно дѣйствовало. Читатель увидитъ, что признаваемое на первыхъ порахъ за всѣми безъ различія мужчинами того или другаго стаднаго соединенія право на половое общеніе съ женщинами послѣдняго было съ теченіемъ времени удержано лишь за членами одной и той же семейной общины и въ концѣ концовъ предоставлено однимъ ближайшимъ родственникамъ мужа въ восходящей и боковой линіяхъ, его отцу и слѣдующему за нимъ по возрасту брату, при томъ сперва при жизни самого супруга, позднѣе только въ случаѣ его смерти или безплодія. Указавши вслѣдъ за тѣмъ на самый ходъ вымиранія этихъ послѣднихъ остатковъ безпорядочнаго полового сожитія, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о процессѣ рожденія новыхъ формъ отношеній между полами, отношеній, зародышъ которыхъ кроется въ состоящиіхъ безпорядочнаго полового сожитія и окончательное сложеніе которыхъ обуславливается фактомъ совершеннаго вымиранія послѣдняго.

Изъ всѣхъ писателей, занимавшихся вопросомъ о древнѣйшихъ формахъ семейныхъ отношеній, Спенсеръ, на сколько мнѣ извѣстно, первый указалъ на ограниченіе со временемъ полового общенія сравнительно небольшимъ числомъ индивидовъ.

какъ мужскаго, такъ и женскаго пола въ предѣлахъ одного и того же стаднаго соединенія. Въ подкрѣпленіе высказаннаго имъ взгляда, Спенсеръ приводитъ извлеченіе изъ путешествія адмирала Фицроя на Огненную землю. Описывая бытъ огнеземельцевъ, Фицрой между прочимъ говоритъ: «мы имѣемъ основаніе думать, что между ними (огнеземельцами) попадаются группы, состоящія изъ немногихъ женщинъ и многихъ мужчинъ, которые всѣ находятся въ безпорядочномъ половомъ сожителствѣ».

Такое сожителство можетъ имѣть мѣсто одинаково какъ при отсутствіи, такъ и при существованіи родственной связи, съ одной стороны, мужчинъ между собою, съ другой—женщинъ другъ съ другомъ. Первая форма, какъ наиболѣе близкая къ архаической безпорядочности полового общенія всѣхъ мужчинъ стаднаго соединенія съ женщинами послѣдняго, независимо отъ того, состоятъ ли эти мужчины въ родственной связи другъ съ другомъ или нѣтъ, должна быть признана древнѣйшей. Несравненно позднѣйшей по времени должна быть почитаема та общность женъ, какую мы встрѣчаемъ у народовъ, которые, какъ наприм. Тодасы, допускаютъ половое общеніе родственниковъ только съ родственными между собою женщинами. О Тодасахъ путешественникъ Шортъ сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія. «Когда имѣется четверо или пятеро братьевъ и когда старшій изъ нихъ, достигнувъ брачнаго возраста, возьметъ себѣ жену, то эта жена заявляетъ притязаніе и на всѣхъ его остальныхъ братьевъ, какъ на своихъ мужей, такъ что подростая и достигая возраста половой зрѣлости, всѣ они послѣдовательно сожительствуютъ съ нею, какъ мужья; точно также, когда у жены имѣется сестра или нѣсколько сестеръ, эти сестры, по мѣрѣ достиженія ими брачнаго возраста, становятся поочередно женами мужа или мужей своей старшей сестры. Такимъ образомъ, семья, состоящая изъ нѣсколькихъ братьевъ, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, имѣть или одну жену на всѣхъ или нѣсколько женъ. Но будетъ ли ихъ одна или нѣсколько, во всякомъ случаѣ вся семья живетъ подъ одною кровлею и всѣ сожительствуютъ другъ съ другомъ безъ разбора».

Половое общеніе одного и того же мужчины со всѣми сестрами избранной имъ женщины, — общеніе, о которомъ гово-

рить Вайцъ, какъ о существующемъ въ средѣ Гренландцевъ, согласно свидѣтельству американца Моргана, можетъ быть до сихъ поръ констатировано въ бытѣ сѣверо-американскихъ краснокожихъ; оно является не болѣе какъ результатомъ удержа- нія имъ одной стороны безпорядочнаго полового сожитія, точно такъ, какъ система полиандріи, къ разсмотрѣнію которой я перейду въ настоящее время, обязана своимъ возникновеніемъ продолжительному господству другой стороны того же начала, — я разумѣю переходъ при немъ женщины изъ рукъ въ руки.

Воззрѣніе на полигамію, какъ на такую систему отношеній между полами, которая стоитъ въ ближайшей связи съ безпорядочнымъ половымъ общеніемъ, является въ наше время вполне установленнымъ. Какъ Швейцарецъ Giraud-Teulon и Американецъ Morgan, такъ и англійскій позитивистъ Спенсеръ, согласны между собою въ томъ, что фактъ возникновенія многомужества, полиандріи, нѣсколькихъ мужчинъ, какъ совершенно неродственныхъ между собою, такъ и состоящихъ другъ съ другомъ въ агнатическомъ родствѣ, съ одною и тою же женщиною, не можетъ быть объясненъ иначе, какъ подъ условіемъ допущенія на первыхъ порахъ безпорядочнаго полового общенія у народа, въ бытѣ котораго онъ былъ констатированъ. Постепенный упадокъ его и вызвалъ къ жизни появленіе полиандріи, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиною допускается лишь небольшое число лицъ, обыкновенно родственныхъ между собою. «Безпорядочное половое сожительство, говоритъ Спенсеръ, можетъ быть разсматриваемо, какъ неопредѣленное многомужество (полиандрія), въ соединеніи съ неопредѣленнымъ многоженствомъ (полигамія). Мы должны, поэтому, смотрѣть на многомужество, какъ на одинъ изъ типовъ супружескихъ отношеній, возникающихъ изъ первобытнаго безпорядочнаго сожитія». При такомъ воззрѣніи на источникъ полиандріи намъ невозможно будетъ, слѣдуя за Леббокомъ, признать не входящей въ обычный, нормальный ходъ развитія брачнаго права ту форму полиандріи, при которой одна и та же женщина сожителствуетъ съ нѣсколькими неродственными другъ другу мужчинами, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто еще и въ наше время у Наировъ, у которыхъ, по описанію путешественниковъ, женщина живетъ въ

домъ своей матери съ большимъ или меньшимъ числомъ неродственныхъ между собою мужчинъ. Эта форма полиандріи должна быть признана древнѣйшею, какъ болѣе другихъ приближающаяся къ архаическому началу безпорядочнаго полового сожитія. Позднѣйшей по отношенію къ ней является та, при которой къ половому общенію съ одною и тою же женщиной допускаются одни лишь родственныя другъ съ другомъ лица, обыкновенно братья, какъ кровные, такъ и сводные. Примѣръ подобной формы полиандріи мы находимъ въ Тибетѣ. При ней, по описанію Тернера, одна и та же женщина сожительствуетъ со всѣми братьями одной и той же семьи, все равно, каково бы ни было ихъ число. Этотъ видъ полиандріи является весьма распространеннымъ. Для моей ближайшей цѣли достаточно будетъ указать на господство его не только у американскихъ туземцевъ на рѣкѣ Ориноко, въ Новой Зеландіи, на островѣ Цейлонѣ и у подошвы Гималайскихъ горъ, въ Кашмирѣ, и т. д., но и у отдѣльныхъ вѣтвей аріійской семьи—Кельтовъ и Славянъ. О существованіи его у Бритовъ въ эпоху знакомства съ ними Юлія Цезаря мы имѣемъ несомнѣнныя данныя въ знаменитыхъ комментаріяхъ, въ которыхъ объ общеніи женъ говорится, какъ о встрѣчающемся всего чаще въ средѣ родственниковъ и особенно братьевъ. О томъ, что полиандрія держалась въ русскомъ обществѣ еще въ XII в., мы имѣемъ неоспоримое свидѣтельство церковнаго Устава Ярослава, гдѣ содержится такое постановленіе: «Оже два брата будутъ съ единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный».

О господствѣ нѣкогда полиандріи въ средѣ индусской вѣтви аріійской семьи я нахожу слѣдующія свѣдѣнія въ уже не разъ цитированномъ мною сочиненіи Всеволода Миллера, озаглавленномъ «Очерки аріійской міеологіи». «Если, говоритъ авторъ, искать культурныхъ фактовъ въ индусскихъ легендахъ, то примѣръ полиандріи и здѣсь можно найти. Оба Ашвина называются въ гимнахъ Ригъ-Веды мужьями дочери солнца, а изъ Магабгараты извѣстно, что пять братьевъ были женаты на одной и той же дѣвушкѣ, красавицѣ Драупади. Нѣтъ доказательства, такъ заканчиваетъ Миллеръ свой остроумныя соображенія, значительнаго распространенія полиандріи въ Индіи, но

можно думать, что иногда она встрѣчалась въ жизни, конечно, въ глубокой древности».

Отъ Индусовъ перейдемъ къ Грекамъ. Существованіе полиандріи у Спартанцевъ прямо засвидѣтельствовано двумя классическими писателями—Тимеемъ и Полибіемъ, которые оба одинаково говорятъ о сожительствѣ братьевъ съ одною и тою же женщиною.

Остается еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, на сколько полиандрія можетъ быть признана существовавшей нѣкогда у древнихъ Германцевъ. Нѣкоторые писатели, и въ числѣ ихъ Леббокъ, опираясь на текстъ 20 главы тацитовской Германіи, доказываетъ господство нѣкогда и у Нѣмцевъ полиандріи, по крайней мѣрѣ, въ ея позднѣйшей формѣ, — формѣ сожительства братьевъ съ одною и той же женщиною. Текстъ, на который обыкновенно ссылаются, не оправдываетъ такого рода заключенія. Тацитъ рисуетъ предъ нами не полиандрическую форму общенія, а моногамическій бракъ, раннее возникновеніе котораго въ средѣ германскихъ племенъ обусловливается, какъ я постараюсь показать впослѣдствіи, неблагоприятными физическими условіями ихъ жизни, затруднявшими добываніе средствъ къ пропитанію и поневолѣ принуждавшими ихъ довольствоваться каждый одною женщиною. Выраженіе « *pares validaeque miscentur*», приводимое въ доказательство признанія Тацитомъ полиандрической семьи у Германцевъ, при такомъ толкованіи его, положительно не согласно съ другими мѣстами того же писателя, предполагающими существованіе личнаго брака. Интерпретація его поэтому должна быть совершенно иная, и новѣйшіе толкователи этого мѣста согласны между собою въ томъ, что терминъ «*miscentur*» употребленъ здѣсь не въ смыслѣ вступленія въ безпорядочное общеніе, а въ смыслѣ осуществленія личнаго брака, при заключеніи котораго требовалось по возможности равенство въ возрастѣ и положеніи вступающихъ въ него лицъ.

Рядомъ съ полиандрической семьей, въ которой нѣсколько братьевъ или родственниковъ сожительствуютъ съ одною и тою же женщиною, мы встрѣчаемъ одновременно и такую, при которой имѣетъ мѣсто сожительство жены не только съ своимъ мужемъ, но и съ отцомъ послѣдняго или старшимъ родствен-

никомъ. Свѣдѣнія объ этой формѣ полового общенія я почерпнула изъ «Очерковъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву» г. Смирнова. «У нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, говоритъ онъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи указаніямъ Леббока, женою одного изъ членовъ семьи могли, кромѣ его братьевъ, пользоваться и другіе члены послѣдней. У Реддеевъ Южной Индіи женщина лѣтъ 16 или 20 выходитъ иногда за мальчика 5 или 6 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ она живетъ обыкновенно съ какимъ нибудь взрослымъ мужчиною, наприм., съ дядей или двоюроднымъ братомъ со стороны матери, но никакъ, впрочемъ, не съ родственниками отца; случается, что она живетъ съ отцомъ своего малолѣтняго мужа, т. е. со своимъ свекромъ. Если отъ подобной связи у нея появятся дѣти, они считаются дѣтьми ея малолѣтняго мужа. Къ тому времени, когда мальчикъ вырастетъ, жена его оказывается обыкновенно уже слишкомъ старой. Тогда и онъ, въ свою очередь, сходитъ съ женою какого нибудь другаго мальчика на тѣхъ же основаніяхъ, и та производитъ на свѣтъ дѣтей, которыя считаются дѣтьми ея малолѣтняго мужа. Изъ этого примѣра видно, что когда снохачество, т. е. сожителство отца мужа съ женою послѣдняго, начинается въ народномъ понятіи принимать характеръ злоупотребленія, тогда отецъ, желающій пользоваться женою своего сына и въ то же время опасющійся столкновеній съ послѣднимъ, для достиженія своихъ желаній прибѣгаетъ обыкновенно къ ранней женитьбѣ сына, чтобы такимъ образомъ жить безъ всякаго препятствія со снохою. М. В. Ломоносовъ обыкновенно крестьянъ Архангельской губерніи женить малолѣтнихъ парней приписываетъ происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ челоѣское достоинство, и въ то же время препятствующихъ естественному росту населенія. «Хотя по деревнямъ, говоритъ онъ, и показываютъ причиной, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустое». Причина была не та: отцы очевидно женили малолѣтнихъ сыновей для того, чтобы пользоваться ихъ женами. Подобное пользованіе женами малолѣтнихъ сыновей было въ недавнее время весьма распространено въ Сибири. На факты подобнаго рода встрѣчаются указанія въ ея архивахъ. Въ 1749 г. одинъ Енисейскій крестьянинъ

жаловался, что отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже 60 лѣтъ и она не способна быть женой. Нѣкоторые факты свидѣлствуютъ о значительной распространенности снохачества и въ настоящее время. Отецъ, женивъ своего очень молодого сына, начинаетъ ухаживать за своей снохой. Пословицы говорятъ: «сношка у свекра госпоженька»; «смалчивай, невѣстка, — сарафанъ куплю». Большею частью дѣло кончается тѣмъ, что между отцомъ и женою молодого парня возникаетъ связь. Женщина обыкновенно вступаетъ въ нее изъ боязни, которую питаетъ къ свекру. Если свекру не придется овладѣть снохою вслѣдствіе ея несогласія, то онъ начинаетъ ее преслѣдовать, а ему подражаетъ и вся семья. Если же эти сношенія возникаютъ, то часто служатъ къ семейнымъ раздорамъ и даже страшнымъ дракамъ. Въ послѣднее время народъ начинаетъ смотрѣть на снохачество, какъ на развратъ.

Но остатки прежняго порядка вещей, когда отецъ имѣлъ определенное право на жену своего сына, еще встрѣчаются въ народѣ и до сихъ поръ. Такъ, по словамъ г. Никулина, на Дону между раскольниками сожителство свекровъ со снохами рѣдко считается за грѣхъ. Хотя вообще теперь народъ и видитъ въ снохачествѣ преступленіе, но не относитъ его къ разряду особенно важныхъ. Это видно изъ сравнительной незначительности налагаемыхъ народнымъ судомъ наказаній за снохачество.

Снохачество не является чѣмъ то новымъ въ нашемъ юридическомъ быту. Существованіе его съ древнѣйшихъ временъ нашей общественной жизни доказывается какъ держащимися еще въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оригинальными обрядами, совершаемыми при входѣ невѣсты въ домъ мужа, такъ и прямыми законодательными постановленіями, принятыми противъ него церковью и правительствомъ уже въ XII в. Въ Мезенскомъ уѣздѣ до сихъ поръ имѣетъ мѣсто слѣдующій обрядъ: когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца въ избу родителей молодого, то молодая бываетъ закрыта фатою (платкомъ). Отецъ молодого старается поднять фату. Молодая не дается. Ее хлопаютъ тогда ковригою хлѣба по лбу и сулятъ денегъ и нарядовъ. Она ни за что не соглашается. «Ну, вотъ же», говоритъ отецъ новобрачнаго, «даю тебѣ сына своего». Тогда новобрач-

ная открываетъ фату. Однохарактерные съ только что описаннымъ обряды встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Россіи. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Псковскаго уѣзда, когда новобрачныхъ приведутъ отъ вѣнчанія въ домъ родителей молодого, тогда чрезъ нѣсколько времени дружка говоритъ родителямъ. Батюшка и матушка! любо-ли вамъ приведеніе мое? Отецъ молодого говоритъ: «мнѣ любо, но нужно посмотрѣть», послѣ чего онъ беретъ кнутъ, снимаетъ имъ покрывало, которымъ была закрыта молодая, потомъ обводитъ кнутомъ три раза вокругъ головы молодыхъ и бѣжитъ съ покрываломъ изъ комнаты. Гости стараются отнять покрывало; если это имъ удастся, то отецъ молодого долженъ ихъ угостить, и тогда они отдаютъ ему покрывало. Понять смыслъ этого обычая намъ кажется, не труднымъ. Закрываніе молодой покрываломъ, какъ свадебный обрядъ, имѣетъ то значеніе, что имъ выражается поступленіе жены въ исключительное обладаніе мужа. Въ приведенномъ обрядѣ видимъ борьбу домохозяина, отца новобрачнаго, съ свадебными гостями изъ за покрывала. Очевидно, эта борьба происходитъ изъ за того, что это покрывало символически обозначаетъ, т. е. изъ-за тѣхъ исключительныхъ правъ, которыя мужъ пріобрѣтаетъ надъ женою и на которыя заявляетъ временное притязаніе отецъ мужа и свадебные гости. Замѣтимъ, что кнутъ, а въ Малороссіи палка, играющіе роль въ этомъ обрядѣ, очевидно, не иное что, какъ символы той власти, въ силу которой домовладыка заявляетъ свои права на новобрачную. Въ другихъ мѣстахъ отецъ молодого уже безъ противодѣйствія съ чьей либо стороны снимаетъ покрывало съ лица невѣсты.

Если отъ толкованія обрядовъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при входѣ невѣсты въ домъ жениха, мы перейдемъ къ анализу памятниковъ древне-русскаго права, то принуждены будемъ признать древность и общераспространенность снохачества въ русскомъ юридическомъ быту, главнымъ образомъ, въ виду слѣдующаго свидѣтельства Церковнаго Устава Ярослава: «Аже свекоръ со снохою будетъ», постановляетъ ст. 17 этого устава, «епископу 100 гривенъ и епитимья по закону».

Отъ полиандріи и снохачества перейдемъ къ послѣдней, въ нашихъ глазахъ, стадіи въ процессѣ вымиранія первобытнаго об-

щенія женъ,—я разумѣю систему левирата, другими словами систему обязательнаго сожительства не только вдовы съ оставшимся въ живыхъ ближайшимъ родственникомъ ея покойнаго мужа и прежде всего съ деверемъ или левиромъ (откуда и самое названіе левиратъ), но и жены въ случаѣ безплодія или болѣзни ея мужа, въ виду произведенія ему потомства. Я имѣлъ уже случай говорить, что изъ всѣхъ областей права того или другаго народа ни одно не удерживаетъ въ себѣ такъ долго и столько слѣдовъ архаическихъ формъ жизни, какъ право наслѣдственное. Не удивительно поэтому, если въ наслѣдственномъ правѣ Индусовъ удержались до позднѣйшаго времени слѣды нѣ. когда существовавшаго у этого народа левирата и при томъ въ его древнѣйшей формѣ,—формѣ обязательнаго сожитія жены при жизни мужа не только съ деверемъ, обыкновенно слѣдующимъ по возрасту братомъ, но, въ случаѣ неимѣнія послѣдняго, съ любымъ родственникомъ мужа, членомъ одного съ нимъ рода (*gens*, по санскритски называемаго *gotra*). Такое обязательное сожительство имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда бракъ мужа съ женой не сопровождался рожденіемъ ребенка мужескаго пола. Хотя прекращеніе дальнѣйшаго сожительства и поставлено Ману въ зависимость отъ факта рожденія такого ребенка, но тѣмъ же Ману засвидѣтельствовано существованіе до него въ Индіи болѣе ранней практики продолжающагося сожительства жены съ деверемъ, даже послѣ достиженія цѣли этого сожитія—я разумѣю рожденіе наслѣдника мужчины. Въ книгѣ IX, ст. 61, говоря о различныхъ мнѣніяхъ касательно срока продолженія левирата, Ману констатируетъ существованіе такихъ, которые допускаютъ сожитіе деверя съ женою мужа вплоть до момента рожденія втораго ребенка мужескаго пола. Самъ Ману высказывается противъ этого мнѣнія, давая тѣмъ самымъ возможность заключить объ ограниченіи съ теченіемъ времени братской полиандріи въ Индіи однимъ лишь сожитіемъ деверя съ женою брата въ интересахъ и до момента рожденія ему наслѣдника. Мальчикъ, произошедшій отъ такой связи, пріобрѣталъ двойное право наслѣдованія: съ одной стороны,—своему родителю, съ другой—мужу своей матери. Въ ряду родственниковъ наслѣдниковъ, индійскіе своды знаютъ и сына деверя или ближайшаго

родственника мужа, прижитаго послѣднимъ въ кровосмѣсительномъ и прелюбодѣйномъ союзѣ съ женою его бесплоднаго брата или родственника. Имя такому наслѣднику Ksetraḡa (кшетраджа). Тогда какъ древнѣйшіе индійскіе своды и въ числѣ ихъ Vasiṣṭha и Viṣṇu прямо призываютъ кшетраджа къ наслѣдованію вслѣдъ за собственнымъ сыномъ лица, смертью котораго было открыто наслѣдство; позднѣйшіе по времени появленія кодексы стараются отодвинуть его права по возможности на задній планъ. Въ этомъ приниженномъ сравнительно состояніи кшетраджа и донынѣ является въ числѣ наслѣдниковъ, сохраняя тѣмъ самымъ въ нашихъ умахъ память о древнѣйшей формѣ левирата,—формѣ переходной отъ братской полиандріи къ моногамическому браку *).

Рядомъ съ только что описанной формой левирата мы еще встрѣчаемъ другую, пользующуюся большимъ распространеніемъ на всей поверхности земнаго шара, я разумѣю ту, при существованіи которой вдова обязана вступить въ бракъ съ родственникомъ мужа, обыкновенно младшимъ братомъ послѣдняго, ея деверемъ. Въ этой формѣ левирата встрѣчается, судя по показаніямъ путешественниковъ, еще и въ наше время у нѣкоторыхъ кавказскихъ горцевъ, у отдѣльныхъ племенъ восточной Африки, и въ числѣ ихъ у Кафровъ, Полинезій и Новой Голландіи, у цѣлаго ряда племенъ американскихъ краснокожихъ Сѣверной и Средней Америки и т. д.

Тотъ же видъ левирата, на ряду съ описаннымъ уже нами, встрѣчается и въ древней Индіи. Въ одномъ гимнѣ, посвященномъ Ашвинамъ, читаемъ мы у Всеволода Миллера, мы находимъ слѣдующій стихъ: «Гдѣ вы вечеромъ, о Ашвины, гдѣ вы утромъ, гдѣ вы имѣете ночлегъ, гдѣ пребывали? Кто васъ принимаетъ въ жилище, какъ вдова, на ложѣ деверя, какъ женщина мужа»? На основаніи этого текста Миллеръ приходитъ къ заключенію о существованіи левирата въ ведическій періодъ. Въ позднѣйшее время левиратъ въ только что описанной формѣ допускался самымъ закономъ. Ману (кн. IX, ст. 69 и 70) заключаетъ въ себѣ по этому поводу слѣдующее предписаніе:

*) Mayr. Das Indische Egbrecht., стр. 97 и слѣд.

«если у дѣвицы умереть мужъ послѣ бракосочетанія, то пусть ея деверь возметъ ее, соблюдая при этомъ слѣдующее предписаніе: одѣвъ ее въ бѣлое платье, да приближается онъ къ ней цѣломудренной, постоянно до рожденія потомка.

Въ позднѣйшей формѣ дозволеннаго закономъ сожителства вдовы съ деверемъ левиратъ извѣстенъ наряду съ индусскимъ и еврейскому праву.

Источникомъ для ознакомленія съ этимъ любопытнымъ институтомъ у Евреевъ является Библія и въ ней книги «Руѡ» и «Второзаконіе». Приводя извлеченіе изъ первой, я буду руководствоваться русскимъ переводомъ, исполненнымъ Синодомъ и напечатаннымъ въ 1876 году. Содержаніе книги «Руѡ», какъ извѣстно, составляетъ разсказъ о томъ, какъ одна молодая моавитянка, именемъ Руѡ, потерявшая мужа своего, выходца изъ Виѡлеема, Елимелеха, оставляетъ родину, въ надеждѣ найти пропитаніе въ Іудеѣ для себя, своей свекрови Ноемини, и вдовы мужнинаго брата Орфы. Въ теченіи разсказа Ноеминь не разъ убѣждаетъ своихъ снохъ, Руѡ и Орфу, оставить ее на произволъ судьбы, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: «Зачѣмъ вамъ идти со мною? Развѣ есть еще у меня сыны въ моемъ чревѣ, которые были бы вамъ мужьями. Да еслибъ я и сказала: есть мнѣ еще надежда, и если бы я сію ночь была замужемъ и потомъ родила сыновей, то можно ли вамъ ждать, пока они выросли бы? Можно ли вамъ медлить и не выходить замужъ». Эти тексты важны для насъ, такъ какъ указываютъ на господствующій въ эпоху ихъ составленія взглядъ, что вдова вправѣ сдѣлаться женою деверя, хотя бы родившагося на свѣтъ и послѣ кончины ея мужа. Но вотъ еще нѣкоторые другіе тексты, способные подобно предыдущему бросить яркій свѣтъ на институтъ левирата. Руѡи указываютъ на Вооза, допустившаго ее собирать колосья на своемъ полѣ, какъ на одного изъ родственниковъ ея мужа. «Не поискать ли тебѣ пристанища, дочь моя», говоритъ Руѡи ея свекровь, Ноеминь. «Вотъ Воозъ, съ служанками котораго ты была, родственникъ намъ. Вотъ въ эту ночь онъ вѣдетъ на гумнѣ ячмень. Умойся, помажься, наѣнь на себя нарядныя одежды свои и поди на гумно, но не показывайся ему, доколѣ не кончитъ ѣсть и пить. Когда же онъ ляжетъ спать,

узнай мѣсто, гдѣ онъ ляжетъ; тогда прійдешь и откроешь у ногъ его и ляжешь. Онъ скажетъ тебѣ, что тебѣ дѣлать». Руѡбъ, читаемъ мы далѣе въ библейскомъ разсказѣ, сдѣлала все такъ, какъ приказывала ей свекровь ея. Воозъ наѣлся и напился, и развеселилъ сердце свое, и пошелъ и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, открыла у ногъ его и легла. Въ полночь онъ содрогнулся, приподнялся—и вотъ у ногъ его лежитъ женщина. И сказалъ ей Воозъ: «кто ты»? Она отвѣчала: «я Руѡбъ — раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственникъ»... На это заявленіе Воозъ не нашелъ другаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: «хотя и правда, что родственникъ, но есть еще родственникъ болѣе меня. Если онъ приметъ тебя, то хорошо, пусть приметъ; а если онъ не захочетъ принять тебя, то я приму». На слѣдующее утро Воозъ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ призвалъ родственника, о которомъ шла рѣчь между нимъ и Руѡбою, и въ присутствіи старѣйшинъ города объявилъ ему слѣдующее: «Ноеминь, возвратившаяся съ полей Моавитскихъ, продаетъ часть поля, принадлежащую брату нашему Елимелеху; я рѣшился довести до ушей твоихъ и сказать: «купи при сидящихъ здѣсь и при старѣйшинахъ народа моего. Если хочешь выкупить, выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мнѣ, и я буду знать, ибо кромѣ тебя некому выкупить, а по тебѣ я». Тотъ сказалъ: «я выкуплю».—Воозъ сказалъ: «когда ты купишь поле у Ноемини, то долженъ купить поле у Руѡи, Моавитянки, жены умершаго, и долженъ взять ее въ замужество, чтобы возстановить имя умершаго въ удѣлъ его». И сказалъ тотъ родственникъ: «не могу я взять ее себѣ, чтобы не разстроить своего удѣла; прими ее ты, ибо я не могу принять».

Прежде такой былъ обычай у Израиля, прибавляетъ отъ себя самъ повѣствователь; при выкупѣ и при мѣнѣ, для удостовѣренія самаго акта сдѣлки, одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому (который получалъ въ силу этой передачи право родственника). Согласно съ этимъ обычаемъ, родственникъ снялъ сапогъ и далъ его Воозу, говоря: купи. И сказалъ Воозъ старѣйшинамъ и всему народу: «вы теперь свидѣтели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махла-

ново (всѣ ея поземельные надѣлы), также и Руѡъ, Моавитянку, жену Махланову, беру себѣ въ жену, чтобы оставить имя умершаго между братьями его и у воротъ мѣстопробыванія его: вы сегодня свидѣтели тому». Разсказъ заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ: «И взялъ Воозъ Руѡъ, и она сдѣлалась его женою. И вошелъ онъ къ ней, и Господь далъ ей беременность, и она родила сына».

Этотъ разсказъ важенъ для насъ въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, мы констатируемъ на основаніи его существованіе у Евреевъ левирата, а съ другой—мы въ состояніи, благодаря ему, дать сами себѣ отвѣтъ на вопросъ, какъ о причинѣ продолжительнаго удержанія левирата у народовъ, вышедшихъ уже вполне изъ стадной формы общенія, такъ и о характерѣ тѣхъ интересовъ, которымъ съ теченіемъ времени онъ призванъ былъ служить. Итакъ, мы приходимъ прежде всего къ заключенію о существованіи у Евреевъ левирата, по формѣ своей совершенно тождественнаго съ однимъ изъ видовъ его у Индусовъ,—левирата, въ силу котораго Руѡъ признаетъ себя въ правѣ требовать сожителства съ нею отъ Вооза, а послѣдній считаетъ себя обязаннымъ вступить съ ней въ бракъ. На основаніи того же разсказа мы приходимъ, далѣе, къ заключенію о существованіи въ эпоху его составленія извѣстной связи между имущественнымъ и семейнымъ правомъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Ближайшему родственнику Руѡи принадлежитъ право вступить съ ней въ бракъ, повидимому, на томъ же основаніи, на какомъ ему принадлежитъ право предпочтительной покупки и выкупа ея поземельнаго участка. Отсюда до мысли о томъ, что самое право родственника на вдову есть право имущественное, право обусловливаемое возрѣніемъ на женщину, какъ на вещь, по отношенію къ которой наслѣдованіе открывается вслѣдъ за смертью ея мужа,—всего одинъ шагъ. Это именно возрѣніе на источникъ происхожденія левирата и высказываютъ одинаково, какъ Леббокъ, такъ и Спенсеръ. «Въ древнихъ общественныхъ системахъ, говоритъ послѣдній изъ названныхъ писателей, на женщинъ смотрѣли, какъ на собственность, и наслѣдовали наравнѣ съ прочимъ имуществомъ. У насъ поэтому, продолжаетъ Спенсеръ, невольно возникаетъ по-

дозрѣніе, что левирать, или вступленіе во владѣніе женою покойнаго брата, не имѣетъ никакой связи съ многомужествомъ, полиандріей, и что, напротивъ того, всюду, гдѣ жены считаются просто цѣнными вещами, наслѣдованіе ихъ братьями разсматривается лишь какъ часть ихъ права на наслѣдство». Ни мало не отрицая существованія у слабо развитыхъ народовъ воззрѣнія на женщину, какъ на объектъ имущественныхъ сдѣлокъ, я въ то же время положительно отказываюсь видѣть въ левиратѣ одинъ лишь результатъ признаваемого за родственниками права наслѣдовать женщинъ наравнѣ съ прочимъ имуществомъ покойнаго. Такому воззрѣнію противорѣчитъ фактъ существованія левирата при жизни мужа, по крайней мѣрѣ, въ Индіи.— Удержаніе сравнительно развитымъ правомъ такого архаическаго остатка, какимъ является левирать, объясняется привхожденіемъ въ общественную жизнь новыхъ началъ, сдѣлавшихся условіями его консерватизма. Такимъ началомъ далеко не было одно лишь постепенное расширеніе института индивидуальной собственности, подчиненіе ей наряду съ движимостью и недвижимостью; хотя въ то же время я и не рѣшусь отрицать важность этого момента въ данномъ вопросѣ. При объясненіи причинъ продолжительнаго удержанія левирата нужно, по моему, принять во вниманіе возникшій съ теченіемъ времени культъ предковъ и воззрѣніе на необходимость имѣть наслѣдника въ интересахъ спасенія и блаженства на небѣ. Этого-то наслѣдника, являющагося, по выраженію греческихъ источниковъ, спасителемъ домашняго очага, и долженъ былъ доставить левирать, или сожительство вдовы, а также незачавшей по винѣ мужа женщины, съ ближайшимъ родственникомъ послѣдняго. Не даромъ же законодательство разсматривало порожденнаго этимъ сожитіемъ мужчину какъ наслѣдника покойнаго или бесплоднаго мужа.

Левирать принадлежитъ къ числу исконныхъ учрежденій еврейства, доказательствомъ чему служитъ упоминаніе о немъ впервые еще книгою Бытія (XXXVІІІ). Онъ продолжаетъ держаться и во II вѣкѣ до Р. Х., какъ слѣдуетъ изъ редактированнаго въ это время Второзаконія. «Если братья живутъ вмѣстѣ, читаемъ мы въ этомъ источникѣ (XXV, 5—6) и одинъ изъ нихъ умретъ, не оставивъ сына, то жена умершаго не

должна выходить на сторону за челоѣка чужаго, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жены. И первенецъ, котораго она родить, получить имя умершаго брата, дабы имя его не изгладилось во Израилѣ». Какъ слѣдуетъ изъ приведенныхъ словъ, левиратъ во II вѣкѣ перестаетъ уже быть правомъ сожителства всякаго родственника со вдовою покойнаго; такое сожителство дозволено только деверю. Мы далеки уже отъ той эпохи, когда возможно было бракосочетаніе молодой Тамари съ ея дряхлымъ тестемъ (случай, упоминаемый книгою Бытія) или взятіе въ жены Руѣи ея отдаленнѣйшимъ родственникомъ. Бракъ съ вдовою обязателенъ только для деверя и можетъ быть вынужденъ страхомъ такъ называемаго *халица*, особаго обряда, производимаго въ присутствіи старѣйшинъ и состоявшаго приблизительно въ слѣдующемъ. Обиженная вдова подходила къ нежелавшему взять ее въ жены деверю, снимала башмакъ съ его ноги и плевала предъ нимъ на землю, восклицая: «Такъ поступаютъ съ челоѣкомъ, который отказывается отъ созиданія дома брату своему (Второзаконіе XVI, 6—10)». Сниманіе сапога выражало символически готовность вдовы подчиниться деверю на правахъ законной жены; плевокъ же означалъ негодованіе и презрѣніе, вызываемое въ ней его поступкомъ. Церемонія, о которой идетъ рѣчь, удержалась до нашихъ дней, несмотря на то, что Талмудическое право вообще неблагопріятно левирату, запрещая его въ томъ случаѣ, когда деверь родился послѣ смерти мужа вдовы, а также въ случаѣ, если въ моментъ его кончины деверь будетъ уже женатъ. Отказъ отъ него разрѣшается Маймонидомъ не только родственнику, но и заинтересованной въ томъ вдовѣ *).

Переходя отъ Евреевъ къ жителямъ Большой и Малой Греціи, мы прежде всего имѣемъ возможность констатировать фактъ существованія левирата въ древней Троѣ, какъ видно изъ одного мѣста Иліады, въ которой говорится о выходѣ Елены, вслѣдъ за кончиною Париса, замужъ за брата его Дейфоба. Примѣръ такихъ же браковъ представляетъ намъ и быть древнихъ Спар-

*) См. Гурвача, Къ исторіи еврейскаго брако-разводнаго права 1882 г., стр. 33—45.

танцевъ. «Ликуръ, говоритъ Ксенофонтъ, хотѣлъ, чтобы браки были заключаемы, по возможности, между индивидами одного и того же возраста. На тотъ же случай, если въ бракъ вступалъ старикъ, а невѣстой была молоденькая женщина, дозволялось мужу приводить къ женѣ молодаго мужчину, одареннаго, по возможности, веѣми физическими и нравственными качествами. Сближеніе молодыхъ людей должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ рожденіе сына, который объявляемъ былъ наслѣдникомъ старика» *). Ксенофонтъ не говоритъ о томъ, былъ ли доставляемый самимъ мужемъ любовникъ родственникомъ его или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе изъ единственнаго извѣстнаго намъ случая существованія на дѣлѣ вышеописаннаго права явствуется, что къ сожителству съ женою допускались именно родственники. Вотъ этотъ случай. Клеонимъ женился на старости лѣтъ на прекрасной Хилонисъ. Не будучи болѣе способенъ къ брачной жизни, онъ самъ свелъ ее со своимъ внукомъ, храбрымъ Акротатусомъ, сыномъ короля Ареуса. Ихъ отношенія пользовались не только всеобщимъ признаніемъ, но, можно сказать, покровительствомъ народа, охотно привѣтствовавшаго любовника словами: «Акротатусъ! живи съ прекрасной Килонисъ и рождай Спартѣ могучихъ и храбрыхъ дѣтей». Нечего и говорить, что эти послѣдніе почитались наслѣдниками Клеонима. Весь приведенный мною разсказъ взятъ изъ плутарховой біографіи Пирра и любопытенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на старинную форму левирата, — форму неопредѣленнаго въ своей продолжительности сожителства жены съ родственникомъ мужа.

Переходя отъ Спарты къ Аѣинамъ, мы находимъ въ послѣднихъ одни лишь слѣды нѣкогда существовавшаго левирата. Извѣстно предписаніе Солона о томъ, чтобы оставшаяся сиротою наслѣдница (эпиклера) не вступала въ бракъ иначе, какъ съ родственникомъ по отцу. Позднѣйшій мотивъ существованія такого правила лежитъ въ стремленіи законодательства поддержать имущественное положеніе старинныхъ родовъ, но первоначальный несомнѣнно кроется въ существованіи нѣкогда левирата въ средѣ эллинскаго населенія Аттики.

**) Claudio Jannet. Les institutions sociales et le droit civil à Sparte, Paris, 1880, стр. 101.

Если вѣрить Плутарху, Солонъ дозволилъ также эпиклерѣ при безплодіи ея супруга вступить въ связь съ любимымъ изъ его родственниковъ по собственному ея выбору *). Греческій біографъ даетъ своеобразное толкованіе только что упомянутой мною нормѣ. Она, думаетъ онъ, вызвана была желаніемъ парализовать корыстолюбіе тѣхъ стариковъ, которые вступаютъ въ бракъ съ эпиклерами изъ одного расчета. Зная, что имъ грозитъ, они, по всей вѣроятности, предпочтутъ безчестью отказъ отъ пользованія принадлежащимъ правомъ и эпиклера приобрѣтеть возможность вступить въ бракъ по естественной склонности. Не таковъ, однако, дѣйствительный мотивъ разбираемаго нами предписанія. Стоитъ только сопоставить его съ однохарактерными нормами индусскаго права, чтобы вывести заключеніе, что въ Греціи, какъ и въ Индіи, законодатель считаетъ возможнымъ удержатъ унаслѣдованную отъ старины форму левиратнаго брака въ интересахъ продленія рода и дарованія предкамъ готоваго совершать по нимъ поминальныя жертвы наслѣдника **).

*) Caillemer. Le droit de succession à Athènes, стр. 47.

**) Ibid., стр. 48.

Полигамія и моногамія.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что изъ первоначальнаго стаднаго состоянія, основаннаго на полномъ общеніи женъ, выдѣляются постепенно полиандрическія группы. Въ настоящей мы покажемъ, что одновременно съ ними возникаютъ и другія, представляющія союзъ одного мужчины съ одной или нѣсколькими женщинами. «Отправляясь отъ первобытной ступени безпорядочнаго полового сожитія», справедливо говоритъ Спенсеръ, «развитіе семейныхъ отношеній происходитъ въ нѣсколькихъ различныхъ направленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ связи болѣе или менѣе прочнаго характера образуются между одною женщиною и нѣсколькими мужчинами; въ другихъ случаяхъ, и это всего чаще, такія связи заключаются между однимъ мужчиною и нѣсколькими женщинами. Наконецъ, рядомъ съ тѣми и другими, существуютъ обыкновенно еще связи между однимъ мужчиною и одною женщиною».

Изучивши въ предыдущихъ главахъ причины и процессъ возникновенія многомужества (полиандрія), мы обратимся въ настоящее время къ вопросу о многоженствѣ. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами или подлежащихъ дальнѣйшему разсмотрѣнію, намъ придется считаться съ существованіемъ цѣлаго ряда теорій, пытающихся объяснить возникновеніе общечеловѣческаго явленія климатическими, національными, политическими или религіозными причинами. Чтобы показать несостоятельность подобныхъ объясненій полигаміи въ частности, а также съ цѣлью обнаружить любопытный про-

цессъ позднѣйшаго по времени возникновенія моногаміи въ средѣ полигамическихъ племенъ, я обращусь къ изученію данныхъ, доставляемыхъ намъ какъ этнологіей, такъ и сравнительной исторіей учреждений по вопросу о полигамической формѣ семьи у различныхъ племенъ земнаго шара.

Я не буду приводить въ подробности всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ по вопросу о существованіи полигаміи у низко стоящихъ по своему общественному развитію племенъ стараго и новаго материка и ограничусь однимъ буквальнымъ перечисленіемъ ихъ по Спенсеру (Основанія соціологіи, т. II, стр. 720). Говоря о полигаміи, этотъ писатель замѣчаетъ, что она существуетъ у Огнеземельцевъ, Австралійцевъ и Тасманійцевъ. Многоженство, продолжаетъ онъ, составляетъ обычное явленіе у Негритосовъ Новой Каледоніи и острововъ: Такны, Эреманги и Лифу. Народы Малайо-Полинезійской расы представляютъ примѣръ его повсюду: на Таити, на Сандвичевыхъ островахъ, на Тонго, Новой Зеландіи, Мадагаскарѣ и Суматрѣ. Въ Америкѣ мы находимъ его у отсталыхъ народностей сѣвернаго континента, начиная съ Эскимосовъ и кончая Москитосами Панамскаго перешейка, и у столь же грубыхъ племенъ южнаго континента, начиная съ Караибовъ и кончая Патагонцами. Оно господствовало въ древнихъ полукцивилизованныхъ американскихъ государствахъ: Мексикѣ, Перу и Центральной Америкѣ. Оно составляетъ общее явленіе для всѣхъ народовъ Африки: для Готтентотовъ, Дамаровъ и Кафровъ южной ея оконечности; для обитателей Конго, береговыхъ Негровъ, Дагомейцевъ и Ашантиевъ средней Африки; для Фулаховъ и Абиссинцевъ на сѣверѣ. Въ Азіи оно свойственно одинаково и осѣдлымъ Сингалезцамъ, и полукочевымъ горнымъ племенамъ Индіи, и кочевымъ Якутамъ.

Отъ низко стоящихъ по своему общественному развитію племенъ стараго и новаго материка перейдемъ къ народамъ древняго Востока и прежде всего къ Евреямъ. Въ сочиненіи Сельдена «*de iure hebraica*» (о женѣ у евреевъ) собрано не мало данныхъ по вопросу о существованіи полигаміи въ древней Іудеѣ. Моисеево законодательство прямо говоритъ о немъ: примѣры ея неоднократно встрѣчаются въ книгѣ Бытія. Ука-

жу хотя бы на сожительство Іакова съ двумя женами, Рахилью и Лией, не считая большого числа наложницъ. На господство полигаміи въ законодательствѣ Моисея указываютъ и нѣкоторыя изреченія, влагаемая въ уста Іисусу Христу Евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ (см. Еванг. Матѳ., гл. XIX, ст. 8 и Марка гл. X, ст. 5): «Моисей дозволилъ вамъ многоженство въ виду черствости вашихъ сердець». Довольно рано проявляется въ еврейскомъ правѣ стремленіе ограничить полигамію. Второзаконіе воспрещаетъ даже царямъ множить себѣ женъ (XVIII, 17). Одинъ изъ комментаторовъ халдейскаго перевода книги Руфъ. — Алмона влагаетъ въ уста Воозу слѣдующія слова: «я не могу жениться на ней, Руфи, ибо я уже имѣю одну жену»; — цѣнное указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что за долго до появленія талмудическаго ученія начался среди евреевъ поворотъ къ моногаміи. Что касается до послѣдняго, то, запрещаая совершенно первосвященникамъ имѣть нѣсколькихъ женъ, оно для мірянъ дозволило одну ограниченную полигамію въ томъ смыслѣ, что установило извѣстный максимум по отношенію къ числу женъ: дозволяется имѣть не болѣе четырехъ женъ, не считая, разумѣется, наложницъ *).

Процессъ постепеннаго ограниченія полигаміи у Евреевъ повелъ къ вытѣсненію ея моногамическимъ бракомъ въ періодъ времени, слѣдующій за возвращеніемъ изъ плѣна Вавилонскаго. Эта замѣна одного начала брака другимъ совершилась подъ вліяніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Желаніе удержать Евреевъ отъ общенія съ невѣрными побудило Эздру и Неемію запретить на будущее время браки между Іудеями и сосѣдними съ ними племенами. Принужденные вступать въ бракъ съ одними только единоплеменными имъ женщинами, Іудеи нашли въ строгомъ соблюденіи этого предписанія фактическое препятствіе къ установленію полигамическихъ связей. Развитіе единоженства такимъ образомъ было вызвано необходимостью и ускорено въ періодъ господства Римлянъ въ Іудеѣ. При переходѣ Іудеевъ подъ владычество Римскихъ императоровъ полигамія

*) Гурвичъ, Исторія развитія еврейскаго бракоразводнаго права, 1882, стр. 13 и 14.

совершенно вымираетъ и въ первые вѣка по Р. Х. мы не находимъ уже слѣдовъ ея существованія. Насильственное сближеніе еврейскаго быта съ римскимъ и существованіе рядомъ въ одной и той же странѣ двухъ законодательныхъ системъ, изъ которыхъ одной, я разумѣю римскую, полигамическое начало въ бракѣ было неизвѣстно, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовало установленію въ еврейскомъ обществѣ начала единоженства. Современное возникновенію христіанства, оно было усвоено послѣднимъ и разнесено имъ затѣмъ въ различные концы міра.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ Египтянамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ полное и неограниченное господство полигаміи, если не во всѣхъ безъ различія кастахъ, то по крайней мѣрѣ въ низшихъ. Что касается до высшихъ кастъ, то, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, членамъ жреческой касты законодательство предписывало воздержаніе отъ одновременнаго сожителства съ нѣсколькими женщинами.

Подвигаясь на западъ отъ Ирана, мы встрѣчаемъ на почвѣ Аравіи, въ средѣ заселяющихъ ее арабскихъ племенъ, полное господство полигамическаго брака въ эпоху появленія Магомета, который въ своемъ законодательствѣ далъ признаніе этому существовавшему до него началу. Допуская многоженство, Магометъ въ то же время старался ограничить его установленіемъ извѣстнаго шахішм'а женъ. Этотъ послѣдній тотъ же, что и въ позднѣйшемъ еврейскомъ (талмудическомъ) правѣ, я разумѣю четыре жены, не считая наложницъ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для одного пророка: «пророкъ, читаемъ мы въ стихѣ 49 главы 23, ты можешь жениться на всѣхъ и каждой изъ женщинъ, надѣленныхъ тобою приданымъ», и нѣсколько далѣе: «всякая благовѣрная женщина, отдающая свободно свою душу пророку, можетъ сдѣлаться его женою, буде онъ того захочетъ. Это преимущество, которое онъ имѣетъ надъ другими людьми». Отъ пророка право имѣть неограниченное число женъ перешло къ арабскимъ имамамъ, какъ къ его преемникамъ, представителямъ и вождямъ правовѣрныхъ.

Если полигамія является до сихъ поръ предписываемою закономъ формой брака, если законоучители четырехъ главнѣй-

шихъ школъ мусульманскихъ юристовъ даютъ ей полное признаніе въ своихъ юридическихъ комментаріяхъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы на практикѣ моногамія у мусульманъ вовсе не встрѣчалась. Свидѣтельства путешественниковъ, посѣтившихъ въ разное время тѣ или другія страны магометанскаго міра, приводятъ насъ къ совершенно обратному заключенію; изъ ихъ сообщеній оказывается, что полигамія встрѣчается въ средѣ однихъ состоятельныхъ классовъ общества,

Ламэ и Бурхгардъ даютъ намъ слѣдующія данныя касательно численнаго отношенія магометанскихъ моногамическихъ браковъ къ полигамическимъ. Изъ ста человѣкъ, говорятъ они, трудно встрѣтить одного, который бы имѣлъ двѣ жены, а изъ 500 мусульманъ едва ли окажется одинъ, имѣющій болѣе двухъ женъ. Итакъ, экономическія причины препятствуютъ распространенію полигаміи въ средѣ большинства населенія и ограничиваютъ господство этого начала одними состоятельными классами.

Мы покончили съ народностями не одинаковаго съ Арійцами происхожденія и стоимъ въ настоящее время предъ вопросомъ, насколько примѣнимо къ народамъ индо-европейской семьи выставленное нами въ началѣ положеніе о всеобщей распространенности полигаміи на низшихъ ступеняхъ историческаго развитія и о постепенной замѣнѣ ея моногамическимъ принципомъ.

Изъ того обстоятельства, что жена обозначается въ Ригъ-Ведѣ терминомъ *ratnā*, а мужъ словомъ *ratī* (оба наименованія отъ одного и того же корня *rat*, означающаго господство), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ сравнительнаго языкознанія, нѣмецкій ученый Фикъ *) считаетъ себя вправѣ дѣлать заключеніе касательно существованія моногаміи даже въ древнѣйшемъ періодѣ аріиской культуры. «Бенфей, говоритъ онъ, первый призналъ, что въ обозначеніи жены госпожею высказывается начало полного равенства мужчины и женщины. Многоженство и рабское положеніе женщины—явленіе, которое никогда не было извѣстно Арійцамъ». Съ мнѣніемъ Фика нельзя согласиться уже потому, что какъ въ религіозныхъ, такъ и въ законода-

*) См. Die ehemalige Spracheinheit der Indo-germanen Europas, гл. VII, gemeinsam-europäischer Wortschatz.

теляхъ и литературныхъ памятникахъ древнихъ Индусовъ встрѣчаются прямыя указанія на существованіе полигаміи. Въ гимнахъ Ригъ-Веды, какъ замѣчено было Всеволодомъ Миллеромъ, говорится иногда о женахъ во множественномъ числѣ; въ одномъ мѣстѣ Ригъ-Веды мы встрѣчаемъ ясный намекъ на ссоры между женами соперницами, (кругомъ тѣснить меня ребра, сказано въ гимнѣ, какъ жены одного мужа).

Не меньше данныхъ въ пользу существованія полигаміи заключаютъ въ себѣ древнѣйшіе памятники индусскаго права. Такъ въ книгѣ 9-й свода Ману, ст. 198, мы между прочимъ читаемъ: все имущество, данное отцомъ замужней женщинѣ, принадлежащей къ одной изъ трехъ низшихъ кастъ, — женщинѣ, мужемъ которой является браминъ, имѣющій другихъ женъ помимо ея, должно достаться, въ случаѣ ея бездѣтной смерти, дочери брамина, или же дѣтямъ этой дочери. Въ другомъ сборникѣ индусскаго права—Яджнавалькѣи, книга 1, ст. 58, говорится о правѣ брамина имѣть три жены, кшатрію дозволяется состоять въ бракѣ одновременно только съ двумя женщинами, а вайсію и судрасу только съ одною». Вишну еще снисходительнѣе въ этомъ отношеніи: число дозволенныхъ имъ женъ зависитъ отъ того, къ какой кастѣ принадлежитъ мужъ: браминъ можетъ имѣть четыре жены, кшатрій три, вайсій двѣ, судрасъ одну *). Указанія на существованіе въ Индіи многоженства встрѣчается и въ памятникахъ народной поэзіи и письменности. Въ Рамайнѣ Душъ-Рута имѣетъ 3 женъ, а въ Сакунталѣ Душъ-Манта гаремъ изъ ста женъ.

Въ числѣ легендъ, собранныхъ въ Кашгарѣ нашимъ извѣстнымъ санскритологомъ Минаевымъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ, въ которыхъ имѣются указанія на полигамическую форму брака. Такъ въ одной изъ нихъ мы читаемъ: «былъ царь Малусай; три раза онъ женился, отъ 3-хъ женъ было у него двѣ дочери и одинъ сынъ. Однажды мать его сказала ему: отчего ты не спишь сегодня въ полночь, или нѣтъ при тебѣ женъ? отвѣчалъ царь: мои царицы при мнѣ».

«Семь свадебъ сыгралъ отецъ Жираужа, изъ роду Бханара,

*) Vishnu, XXIV, 1—4.

своему сыну Калуве», читаемъ мы въ другой легендѣ, «но ни одна жена не была его сердцу мила».

Если полигамія и должна быть признана общераспространеннымъ явленіемъ въ быту древнихъ Индусовъ, то въ то же время нельзя отрицать и того, что идеаломъ ихъ религіознаго законодательства, со временъ Ману, является моногамическій бракъ. Это всего рѣзче выступаетъ изъ слѣдующихъ изреченій Ману: мужъ тогда лишь совершененъ, когда состоитъ изъ трехъ лицъ: жены (а не женъ), себя самого и сына. Семья, въ которой мужъ довольствуется одною женою, всегда будетъ счастлива». Изъ позднѣйшихъ законодательныхъ сводовъ, въ особенности изъ Катіаяны, глав. 19, ст. 13, видно, что съ теченіемъ времени въ индусскомъ обществѣ въ ряду другихъ женъ и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей привилегированное положеніе стала занимать первая жена и ея дѣти, впрочемъ лишь въ томъ случаѣ, если первою женою была женщина высшей касты *), что обыкновенно и имѣло мѣсто, ввиду того, что по индусскому праву первая жена необходимо должна быть одной съ мужемъ касты.

Привилегированное положеніе первой жены проявляется въ томъ, что она одна призвана раздѣлять съ мужемъ обязанности по совершенію домашнихъ жертвоприношеній и поддержанію домашнего очага. Рожденные отъ нея дѣти допускаются къ болѣе высокой, сравнительно съ другими, долѣ участія въ оставленномъ ихъ отцомъ наслѣдствѣ. Изъ всего сказаннаго видно, что и на примѣрѣ Индіи можно провѣрить правильность мнѣнія, высказаннаго впервые Унгеромъ и защищаемаго мною, насчетъ самопроизвольнаго возникновенія моногаміи въ средѣ полигамическихъ обществъ.

Придерживаясь буквально текста одного изъ предписаній Зороастра, можно, пожалуй, прійти къ убѣжденію, что многоженство было неизвѣстно народамъ, заселявшимъ въ древности Иранское плато. На вопросъ о томъ, что всего угодно Богу, Агура-Мазда отвѣчаетъ, что Богу желательно, чтобы

*) Прямое указаніе на этотъ счетъ содержитъ въ себѣ Вишну: „если у человѣка нѣсколько женъ одной съ нимъ касты, старшая та, съ которой онъ обязанъ осуществлять свои религіозныя обязанности; если же онъ разныхъ кастъ, то и съ младшей, если она одной съ нимъ касты“, (XXVI, 1—2).

благочестивый человекъ жилъ въ пространномъ, имъ самимъ построенномъ жилищѣ, жилищѣ, снабженномъ огнемъ, женою (а не женами), дѣтьми и стадами. Изъ того обстоятельства, что о женѣ въ приведенномъ мѣстѣ говорится въ единственномъ, а не множественномъ числѣ, нѣкоторые изслѣдователи считаютъ себя вправѣ выводить то заключеніе, будто бы Иранцы съ древнѣйшихъ временъ знали одно единоженство. Самое большее, что мы можемъ утверждать на основаніи этого текста, это то, что у Зороастра было стремленіе ввести въ Персіи моногамическое начало брака. Отъ существованія такого стремленія до факта исключительнаго господства у Персовъ единоженства еще далеко. Неоднократные случаи многоженства въ средѣ персидскихъ царей даютъ намъ право сдѣлать обратное заключеніе. Полигамія продолжала существовать въ Персіи вопреки неодобренію, выраженному ей законодателемъ.

Переходя отъ восточныхъ вѣтвей аріійской семьи къ западнымъ и прежде всего къ Славянамъ, мы находимъ несомнѣнные доказательства существованія у нихъ полигаміи, въ слѣдующемъ словахъ начальнаго лѣтописца. «Радимичи, Вятичи и Сѣверь... имѣютъ по двѣ и по три жены». Это свидѣтельство находитъ подтвержденіе себѣ въ показаніяхъ, какъ арабскихъ, такъ и нѣмецкихъ писателей о русскихъ, а равно и о другихъ славянскихъ народахъ. По словамъ Фредегара, Само имѣлъ 12 женъ. У русскаго князя, по сказанію Ибнъ-Фоцлана, было 40 женъ, считая въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и наложницъ. Казвини († 1283) говоритъ, что у Славянъ было позволено имѣть 20 и болѣе женъ. О многоженствѣ у балтійскихъ поморцевъ говоритъ Сеффридъ, у Чеховъ—Козьма Пражскій, и житіе св. Войтеха. Какъ и другія народности аріійской семьи, славяне далеко не признавали за всѣми женами равнаго достоинства. У Владиміра I, по словамъ нашего начальнаго лѣтописца, было 800 наложницъ и только 6 женъ. Въ свою очередь Сеффридъ, свидѣтельствуя о многоженствѣ балтійскихъ Славянъ, говоритъ, что только одна жена считалась у нихъ законною; остальные же были наложницами. По словамъ Козьмы Пражскаго у Чеховъ могло быть двѣ или три жены, но только одна законная.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, вѣрно замѣ-

часть Макушевъ, мы придемъ къ слѣдующему заключенію: у Славянъ преобладала моногамія, хотя дозволено было и многоженство. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, число женъ было ограничено, число же наложницъ неопредѣленно. Не смотря на введеніе христіанства, слѣды полигаміи продолжали держаться въ русскомъ народѣ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій. Въ числѣ задачъ русскаго проповѣдничества въ періодъ времени отъ XI до XIV вѣка анонимный изобразитель его историческихъ судебъ выставяетъ между прочимъ и постоянный протестъ противъ многоженства. Послѣднее, продолжаетъ онъ, встрѣчалось особенно часто въ средѣ инородцевъ. Изрѣдка оно попадалось и между Славянами, какъ видно изъ посланій митрополита Іоны къ Вятичамъ (XV вѣка). «Слышу я, дѣти, говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ, что у васъ въ Вяткѣ творится весьма много дѣлъ, противныхъ и ненавистныхъ Богу, на погибель христіанъ: многіе христіане живутъ беззаконно съ многими женами безъ вѣнчанія». Сравнительно рѣдкіе случаи упоминанія въ проповѣдяхъ о многоженствѣ въ средѣ славянскаго населенія въ Россіи находятъ себѣ, по мнѣнію автора «Историческаго очерка русскаго проповѣдничества», слѣдующее объясненіе: «Надобно думать, пишетъ онъ, что духовенство, имѣвшее въ древности надзоръ за домашнимъ поведеніемъ мірянъ, истребляло подобныя заблужденія не столько словомъ, сколько властью и полицейскими мѣрами». — Отъ славянъ обратимся къ кельтамъ и германцамъ. Указаніе на существованіе у нихъ полигаміи заключаетъ въ себѣ книга 6-я, глава 19-я комментаріевъ Юлія Цезаря о войнѣ съ Галлами. «Когда умираетъ глава благороднаго семейства, читаемъ мы въ ней, его родственники сходятся и, буде возникнетъ сомнѣніе на счетъ причинъ его смерти, жены (uxores) подвергаются пыткамъ наравнѣ съ рабынями *). — Отрывочное свидѣтельство Тацита о полигаміи у Германцевъ получаетъ надлежащее освѣщеніе лишь при сопоставленіи его съ показаніями Цезаря объ Аріовистѣ, имѣвшемъ двухъ женъ, — и меровингскихъ хроникъ о короляхъ Клотарѣ, Дагобертѣ и Пипинѣ II, имѣвшихъ по двѣ и по три

*) Види въ этомъ текстѣ доказательство существованія полигаміи, я слѣдую интерпретаціи, даваемой ему Шарлемъ Жиро, въ противность Лаферьеру.

жены *) «*Nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt, говорить о Германцах Тацитъ, exceptis admodum paucis, qui non libidine, sed propter nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur*». Баумштаркъ почти одинъ переводить: «между варварами они одни довольствуются каждый одною женой, за исключеніемъ немногихъ. Эти послѣдніе не столько въ виду ихъ сластолюбія, сколько благодаря принадлежности къ дворянскому роду, получаютъ большое число предложеній на вступленіе съ ними въ бракъ». Такому толкованію противорѣчатъ не только вышеприведенныя данныя насчетъ существованія полигаміи въ дворянскихъ и княжескихъ родахъ, но и тѣ факты, съ которыми знакомить насъ современная этнологія, говоря о полигаміи между богатыми классами, при одновременномъ господствѣ единоженства, если не *de jure*, то *de facto*, въ средѣ бѣднаго населенія. Поэтому вмѣстѣ съ Тудихумомъ и большинствомъ историковъ германскаго права мы не откажемся отъ буквального перевода текста и въ словахъ: «оказываютъ себя многими браками» признаемъ указаніе на существованіе полигаміи въ средѣ состоятельныхъ и знатныхъ германскихъ родовъ, при одновременномъ распространеніи моногаміи въ остальной части населенія. Въ Скандинавскомъ мірѣ полигамія удержалась весьма долго. По словамъ Адама Бременскаго, Шведы отличались умѣренностью во всемъ, если не говорить о числѣ женъ. Каждый беретъ ихъ извѣстное число — обыкновенно двѣ, три, смотря по состоянію. Князья и богатые имѣютъ неопредѣленное число женъ. Скандинавскія хроники даютъ полное оправданіе этому утвержденію, упоминая, напр., о десяти женахъ Гаральда Прекрасноволосаго; или о выборѣ, сдѣланномъ королемъ Альрекомъ между двумя своими женами, одной, въ виду постоянныхъ ихъ ссоръ между собой, при чемъ избранной оказалась та, которая сдумѣла сварить лучшее пиво **).

Для полноты этого очерка не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ и классическіе народыдревняго міра. Въ гомерической Греціи мы встрѣчаемся только съ однимъ примѣромъ полигаміи, именно съ многоженствомъ Пріама. Въ

*) Weinhold. Die deutschen Frauen, Wien 1882. изд. 2, т. II, стр. 15.

**) Ibid., стр. 13 и 14.

Аѳинахъ попадаются нѣкоторые случаи многоженства; такъ про Сократа преданіе говоритъ, что онъ имѣлъ двѣ жены, изъ которыхъ одна, Ксантиппа, была на время уступлена имъ Аяки-віаду.

Въ Спартѣ также встрѣчаются рѣдкія упоминанія о полигаміи, но лишь при бездѣтности перваго брака и съ цѣлію произведенія потомства. Такъ царь Анаксагорасъ имѣлъ съ этою цѣлью двухъ женъ вопреки господствующему моногамическому принципу.—Приведенные факты скорѣе говорятъ намъ о господствѣ въ Греціи единобрачія, нежели наоборотъ. Примѣръ Пріама ничего не доказываетъ, такъ какъ можетъ быть вызванъ подражаніемъ обычаями восточныхъ деспотовъ; многоженство же Сократа и Анаксагора каждый разъ отмѣчается, какъ исключеніе изъ общаго правила.

Что касается древняго Рима, то въ исторіи его нельзя открыть слѣдовъ полигаміи ранѣе законовъ Діоклетіана, запрещающихъ двоеженство, «*cum etiam in edicto praetoris hujusmodi viri infamia notati sunt*».

Изъ предшествующаго очерка не трудно прійти къ заключенію объ общераспространенности полигаміи даже у наиболѣе передовыхъ расъ, каковы—Семитическая и Аріійская. Изъ него же видно, что съ самаго начала сфера ея распространенія была ограничена наиболѣе зажиточными классами, что объясняется, разумѣется, чисто экономическими причинами, существованіемъ необходимаго для содержанія нѣсколькихъ женъ достатка. Къ этимъ причинамъ присоединяются впрочемъ и другія. Говоря о томъ, что германцы окружаютъ себя многими браками не изъ сластолюбія, а потому, что признаютъ это почетнымъ, Тацитъ не даетъ дальнѣйшаго объясненія, чѣмъ именно вызываемъ былъ этотъ почетъ. Едва ли мы ошибемся, признавши, что такой причиной было желаніе вступить въ дружескія отношенія съ возможно большимъ числомъ вліятельныхъ родовъ. Бракъ является, какъ показываютъ намъ данныя этнографіи, однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ установленію такого дружескаго общенія, и неудивительно потому, если озабоченные расширеніемъ своего вліянія, германскіе вожди считали желательнымъ заключеніе многочисленныхъ браковъ. Этой же причиной объясняется, какъ мы

полагаемъ, фактъ удержанія полигаміи всего долѣе въ средѣ правящихъ династій, примѣръ чему представляетъ династія Мервинговъ и первые Карловинги. Признавая ближайшимъ основаніемъ къ установленію единоженства экономическій расчетъ, я въ то же время полагаю, что развитію единоженства въ средѣ полигамическихъ обществъ не мало содѣйствовали еще слѣдующія два обстоятельства. Во первыхъ, частыя несогласія между женами, о которыхъ говорятъ намъ между прочимъ скандинавскія саги, по словамъ которыхъ мужъ прибѣгаетъ къ выбору одной изъ спорящихъ между собою женъ, какъ къ единственному средству достигнуть внутренняго міра и спокойствія *). Вторымъ, и еще болѣе важнымъ основаніемъ къ развитію единоженства въ ущербъ полигаміи является тотъ религіозный характеръ, какой со временемъ принимаетъ институтъ брака. Мы увидимъ въ ближайшихъ главахъ, что на смѣну стариннымъ способамъ заключенія брака путемъ похищенія или купли является совершеніе особаго обряда, которымъ жена равнаго состоянія съ мужемъ приобщается къ общему съ нимъ фамиліальному культу, культу предковъ. Подобно тому, какъ изъ мужчинъ одного и того же семейства отецъ одинъ играетъ первенствующую роль при совершеніи поминальныхъ жертвоприношеній, такъ точно и изъ числа имѣющихся во дворѣ женщинъ одна лишь равная по состоянію жена призывается къ ежечасному поддержанію пламени на семейномъ очагѣ. Мы видѣли уже примѣръ этому въ древнемъ индусскомъ правѣ и можемъ только примѣнить сказанное одинаково къ греческому и римскому. Если въ обоихъ мы не находимъ почти слѣдовъ полигаміи, то объясняется это въ нашихъ глазахъ раннимъ торжествомъ въ Греціи и Римѣ религіозныхъ формъ заключенія брака, возведшихъ женщину до роли первосвященника въ семьѣ, неспособнаго дѣлиться ни съ кѣмъ своими обязанностями по отношенію къ сѣсра, за исключеніемъ собственнаго супруга.

*) Weinhold., стр. 14.

VI.

Древнѣйшіе способы заключенія брачнаго союза.

Едва ли какой вопросъ въ исторіи брачнаго права подвергнемъ былъ столь тщательной обработкѣ, какъ вопросъ о древнѣйшемъ порядкѣ заключенія брачнаго союза. Мы имѣемъ передъ собою чуть не 300-лѣтнюю литературу и могли бы составить цѣлую библіотеку изъ монографическихъ изслѣдованій, написанныхъ на всевозможныхъ языкахъ и посвященныхъ самому детальному его изученію у различнѣйшихъ народовъ земнаго шара. И все же вопросъ этотъ далеко не рѣшенъ окончательно; разнорѣчія и несогласія продолжаютъ держаться попрежнему. Защитники и противники ученія о вліяніи народнаго духа на учрежденія, послѣдователи патріархальной теоріи и ея антагонисты—конструируютъ каждый согласную съ ихъ общимъ ученіемъ схему древнѣйшихъ порядковъ заключенія брака. Одни полагаютъ, что извѣстные способы его установленія совершенно чужды извѣстнымъ народностямъ. Такъ, напр. думаютъ, что германцамъ съ древнѣйшихъ временъ неизвѣстны были—ни купля невесты, ни заключеніе брака путемъ похищенія, какъ противорѣчащіе ихъ правовому сознанию. Другіе полагаютъ, что порядокъ заключенія брака на низшихъ ступеняхъ развитія былъ одинъ и тотъ же у разноплеменнѣйшихъ народностей земнаго шара, въ виду общности условій ихъ быта и порожденной ею однохарактерности древнѣйшихъ правовыхъ представленій. Но и въ средѣ этихъ послѣднихъ писателей возникаетъ разнорѣчіе по вопросу о томъ, какой именно порядокъ долженъ быть признанъ древнѣйшимъ: одно ли похищеніе невесты женихомъ или

же наряду съ нимъ и купля ея у родителей. Защитники того взгляда, что агнатическому роду предшествовалъ по времени когнатическій и патернитету—матернитетъ, видятъ явное противорѣчіе своему основному воззрѣнію въ ученіи о заключеніи брака издревле путемъ купли. Въдъ плата за невѣсту, полагаютъ они, необходимо поступаетъ къ ея отцу. Но отецъ на первыхъ порахъ не былъ извѣстенъ. Какая же, спрашивается, возможность толковать о покупкѣ невѣсты, какъ о древнѣйшемъ порядкѣ заключенія брака? Противники теоріи материнства, наоборотъ, полагаютъ, что изъ ихъ ученія непосредственно вытекаетъ архаичность того порядка, при которомъ глава и неограниченный владыка семьи—отецъ распоряжается рукою дочери въ формѣ продажи ея жениху.

Ища отвѣта на поставленный вопросъ, — какъ въ историческихъ памятникахъ, такъ и въ данныхъ этнографіи, мы одинаково встрѣчаемся съ тѣмъ непреодолимымъ препятствіемъ, какое представляетъ сравнительно позднее происхожденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Древнѣйшіе даже своды обычаевъ и законодательныхъ предписаній говорятъ уже не объ одномъ, а о нѣсколькихъ способахъ заключенія брака. Я затруднился бы также указать примѣръ народности, которая бы въ наши дни не практиковала по крайней мѣрѣ двухъ формъ заключенія брака: такъ называемой умычки и купли невѣсты. При такихъ условіяхъ понятно, если самый характеръ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала заставляетъ насъ обратиться къ дедукціи и постараться рѣшить вопросъ на основаніи послѣдовательнаго вывода изъ тѣхъ основныхъ посылокъ, какія представляетъ, съ одной стороны, господство материнства и основанныхъ на немъ родовыхъ группъ, а съ другой—состояніе не прекращающагося междуусобія, въ какомъ эти группы живутъ между собою, поддерживая въ то же время каждая въ собственной средѣ относительный миръ и спокойствіе.

Тотъ фактъ, что главою древнѣйшихъ общественныхъ союзовъ является не мужъ, а дядя или старшій братъ матери, едва ли говоритъ что либо противъ возможности заключенія брака путемъ купли, какъ склоненъ думать это, повидимому, голландецъ Вилькенъ и популяризаторъ его ученія въ Россіи, г. Зиберъ.

Весь вопросъ сводится къ тому, въ чью пользу производится платежъ. Въ эпоху существованія агнатическихъ родовъ и патриархальной семьи онъ идетъ въ пользу отца или старшаго въ родѣ. И тотъ, и другой вступаютъ въ обладаніе имъ не на частно-правовомъ основаніи, а какъ представители — первый малой, второй — большой семьи или рода. Ничто не мѣшаетъ намъ думать, что, пока человѣческія сообщества основаны были на материнствѣ, мѣсто отца въ полученіи платы за невѣсту занималъ старшій родственникъ по матери, а мѣсто старшаго агната въ родѣ — старшій когнатъ. Этнографическія данныя до нѣкоторой степени оправдываютъ такую догадку. Сплошь и рядомъ мы находимъ у этнографовъ примѣры народностей, которыя, при господствѣ материнства въ ихъ средѣ, въ то же время знаютъ покупку невѣсты ея женихомъ, обыкновенно въ наипростѣйшей формѣ обмѣна однимъ материнскимъ родомъ своихъ женщинъ на женщинъ другаго, однохарактернаго съ нимъ союза. Не противорѣчатъ также теоріи когнатическаго рода — ни пріобрѣтеніе невѣсты путемъ отработка, примѣръ чему представляетъ намъ библейское сказаніе объ Іаковѣ, ни уплата однимъ кровнымъ сообществомъ другому извѣстнаго количества скота и другихъ цѣнностей, какъ эквивалента пріобрѣтаемой имъ рабочей силы, (я разумѣю переходящую въ его среду невѣсту). Надо помнить, что въ уплатѣ калыма или платы за невѣсту, какъ показываетъ еще примѣръ многихъ современныхъ народностей, хотя бы нашего Кавказа, участвуетъ далеко не одинъ женихъ, а вся совокупность лицъ, живущихъ съ нимъ въ одномъ дворѣ, нерѣдко вся его родня. Мы имѣемъ такимъ образомъ не болѣе какъ заключеніе мѣнковой сдѣлки не между отдѣльными индивидами, а между цѣлыми сообществами, — сдѣлки, содержаніе которой составляетъ отчужденіе рабочей силы подъ условіемъ вознагражденія.

Очевидно, однако, что при той враждебности, какая характеризуетъ собою отношеніе древнѣйшихъ родовыхъ сообществъ, одинаково когнатическихъ и агнатическихъ, женщины рѣдко когда пріобрѣтались мирнымъ путемъ, и обыкновеннымъ способомъ ихъ добыванія былъ грабежъ, практикуемый или въ формѣ нападенія на сосѣднія чужеродныя поселенія цѣлою толпою лицъ

одного и того же сообщества, или въ формѣ открытой кражи той или другой дѣвушки или женщины ищущимъ ея руки мужчиною. Быть австралійскихъ и африканскихъ дикарей знакомить насъ въ равной степени какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ порядкомъ добыванія женщинъ, а лѣтописныя свидѣтельства объ уводѣ побѣдителемъ женщинъ покореннаго имъ народа и о раздѣлѣ ихъ наравнѣ съ прочей добычей между участниками похода, отнынѣ вступающими съ ними въ брачное сожительство, не оставляютъ сомнѣнiя въ общераспространенности порядка заключенiя брака путемъ похищенiя женщинъ одинаково въ древности и среднiе вѣка.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что мы не видимъ причины, по которой между обоими порядками заключенiя брака — похищенiемъ и куплею — необходимо было бы устанавливать ту связь преемства и послѣдовательности, какую приписываютъ имъ нѣкоторые изслѣдователи брачнаго права. Я полагаю, что каждая имѣла свою опредѣленную сферу распространенiя: первая въ средѣ самихъ родовыхъ сообществъ, которыя, какъ древнѣйшiе союзы мира, не могли, конечно, мириться съ порядкомъ заключенiя брака путемъ похищенiя; вторая — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о заключенiи брака съ женщиной изъ чужаго рода.

Наиболѣе удачной попыткой обоснованiя противоположнаго высказываемому взгляда является попытка Вилькена доказать, что плата за невѣсту была на первыхъ порахъ не болѣе, какъ выкупомъ, однохарактернымъ съ тѣмъ, какой производимъ былъ во всѣхъ случаяхъ нанесенiя однимъ родомъ матеріальнаго вреда другому, съ того момента, когда на смѣну кровомщенiя явилась система платежа виръ или композицій.

Нисколько не отрицая того, что переходъ отъ умычки къ куплѣ произошелъ путемъ примѣненiя къ отдѣльнымъ актамъ похищенiя системы выкуповъ, находя подкрѣпленiе такой догадки въ многочисленныхъ случаяхъ прекращенiя порожденной умычкой распри путемъ имущественнаго вознагражденiя родственниковъ невѣсты ея женихомъ и его роднею, я въ то же время отнюдь не могу сдѣлать изъ этого положенiя того вывода, какой дѣлають изъ него г. Вилькенъ и вслѣдъ за нимъ

г. Зиберъ. Оно вовсе не говоритъ, въ моихъ глазахъ, противъ заключенія брака уже на первыхъ порахъ куплею; она указываетъ только на путь, какимъ заключеніе брака съ чужеродными женщинами приблизилось къ порядку заключенія его въ средѣ родового сообщества. Оно объясняетъ процессъ не зарожденія купли, а вымиранія умычки, причину, по которой покупка невѣсты сдѣлалась со временемъ единственной общераспространенной практикой.

Я не вижу возможности иныхъ возраженій противъ высказываемаго здѣсь взгляда, кромѣ того, какое необходимо вытекаетъ изъ безусловнаго признанія защищаемаго Макъ-Ленапомъ положенія, что экзогамія предшествовала во времени эндогаміи, и что, слѣдовательно, единственно возможными на первыхъ порахъ были браки, заключаемые умычкой.

Отправляясь отъ гипотетическаго предположенія, что женщины одного и того же рода состояли въ общемъ обладаніи всѣхъ родственниковъ, и что поэтому индивидуальный бракъ возможенъ былъ только съ чужеродными, добываемыми путемъ похищенія, Макъ-Ленанъ приходитъ къ тому выводу, что умычка должна была предшествовать куплѣ. Но признавая вполне правильность его исходныхъ посылокъ, я все же отказываюсь понимать, почему экзогамія могла препятствовать заключенію браковъ въ средѣ самого рода. Въдѣ и въ материнскомъ родѣ на разстояніи одного, двухъ поколѣній необходимо появляется значительный контингентъ женщинъ, не единокровныхъ съ матерью—родоначальницей. Ими будутъ жены и дѣти отдѣльныхъ когнатовъ—мужчинъ, почему, какъ показываетъ примѣръ австралійцевъ, браки весьма нерѣдко заключаются съ односельчанками, даже при строгомъ соблюденіи требованій объ экзогаміи. Но такого рода браки, очевидно, не могутъ быть заключаемы путемъ похищенія невѣсты, иначе отношенія семействъ, входящихъ въ составъ одного и того же поселка, сразу приобрѣли бы враждебный характеръ, и никакое дальнѣйшее общежитіе между ними не было бы мыслимо. Замѣчу здѣсь кстати, что при изученіи древнѣйшихъ представленій на счетъ преступности или дозволенности извѣстныхъ дѣйствій, изслѣдователь постоянно долженъ имѣть въ виду, направлены ли эти послѣднія противъ

чужеродцевъ или же противъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ одного и того же родового сообщества. Въ первомъ случаѣ то или другое дѣйствіе считается дозволеннымъ, во второмъ—оно строго запрещается обычаемъ. Такъ воровство, совершенное по отношенію къ члену одного и того же рода, наказывается нерѣдко смертью въ средѣ тѣхъ самыхъ племенъ, которыя не только дозволяютъ, но даже поощряютъ его, разъ оно направлено противъ чужеродцевъ. Сказанное о воровствѣ вполнѣ примѣняется и къ умышкѣ, которая, разъ она была направлена противъ женщинъ враждебныхъ родовъ, являлась вполнѣ дозволенной, и наоборотъ, строго запрещалась во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Переходя къ изученію въ частности каждаго изъ вышеупомянутыхъ двухъ способовъ заключенія брачнаго союза, я не считаю нужнымъ останавливаться подробно на характеристикѣ тѣхъ порядковъ, какихъ при добываніи невѣсты придерживаются дикія или варварскія народности и ограничусь приведеніемъ одного только примѣра, въ моихъ глазахъ, наиболѣе рѣзкаго. Я разумѣю описываемый Леббокомъ обычай австралійскихъ туземцевъ охотиться за женщинами и, завладѣвши той или другой изъ нихъ силою, послѣ предварительнаго нанесенія ей нерѣдко тяжкихъ для ея жизни раненій, немедленно приступать къ сожителству съ нею.

Заключеніе брака путемъ умышки распространено на всей поверхности земнаго шара:—въ Азіи, одинаково въ средѣ народностей туранской, кавказской, семитической или аріійской расы; въ Африкѣ на всемъ протяженіи отъ 18 южной по 8° сѣв. широты: по всей вѣроятности, и южнѣе у народностей, бытъ которыхъ еще недостаточно изслѣдованъ; въ Америкѣ на протяженіи всего континента и въ такой же степени въ Австраліи и Полинезіи *).

Ограничивая нашу задачу главнымъ образомъ изученіемъ раннихъ формъ общественной жизни у народовъ аріійскаго племени, мы обратимся къ констатированію факта существованія у нихъ нѣкогда обычая похищать невѣсть на основаніи, съ одной стороны, ихъ юридическихъ сводовъ, а, съ другой, свадебныхъ обрядовъ, сохранившихъ до нашихъ дней многіе слѣды древнѣйшаго порядка заключенія брачнаго союза.

*) Mutterrecht und Raubehe, Dargun, стр. 110.

Первая изъ вѣтвей аріійской семьи, которая должна остановить на себѣ наше вниманіе при изученіи занимающаго насъ вопроса—это Индусы. У нихъ въ большей степени, нежели у какой либо другой отрасли той же семьи, удержались въ писанномъ правѣ слѣды издревле практиковавшагося увода невѣстъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ индусскаго права, памятникъ, заключающій въ себѣ кодификацію не только обычаевъ, но и видоизмѣняющихъ послѣднія судебныхъ рѣшеній браминовъ (я разумѣю сводъ Ману), даетъ намъ неоспоримыя данныя для утвержденія, что похищеніе невѣстъ является одной изъ древнѣйшихъ формъ установленія семейнаго союза у восточной вѣтви аріійской семьи. Сводъ Ману знаетъ 8 формъ заключенія брака. Изъ нихъ три: ракшаза, гандарва и пайшака считаются нечистыми и, какъ таковыя, запрещаются почитателямъ Ведъ. Согласно опредѣленію, даваемому самимъ сводомъ термину ракшаза, подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть заключеніе брака путемъ похищенія невѣсты. Признавая этотъ бракъ недозволеннымъ по отношенію ко всему населенію, сводъ Ману удерживаетъ въ то же время прежнюю практику основанія семьи уводомъ невѣсты въ тѣсной сферѣ воинской касты. Въ отличіе отъ ракшазы, являющейся самымъ грубымъ выраженіемъ общераспространеннаго нѣкогда похищенія женъ, гандарва представляетъ ту форму заключенія брачнаго союза, съ установленіемъ которой начинается собственно вымираніе архаическаго увода. Согласно невѣсты на совершеніе послѣдняго—такова существенная черта отличія этой формы отъ предыдущей,—черта, совершенно достаточная для того, чтобы на основаніи ея мы имѣли возможность указать на самый ходъ вымиранія практики похищать невѣстъ силою. Послѣдняя у Индусовъ и, какъ мы увидимъ ниже, и у другихъ вѣтвей аріійской семьи, состояла въ переходѣ прежняго обычая въ обрядъ,—обрядъ, практиковавшійся въ Индіи въ формѣ условленнаго напередъ съ невѣстою увода и находившій выраженіе себѣ въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ дѣйствій, къ констатированію которыхъ мы и перейдемъ въ настоящее время.

Втеченіи дальнѣйшаго изложенія намъ неоднократно придется указывать на существованіе въ свадебномъ ритуалѣ многихъ

народностей арийской семьи цѣлаго ряда актовъ, символически изображающихъ фактъ присвоенія невѣсты женихомъ силою. Всѣ эти акты въ нашихъ глазахъ имѣютъ тотъ интересъ, что на основаніи ихъ можно прійти къ заключенію о первоначальномъ порядкѣ вступленія въ бракъ, — порядкѣ, отъ котораго удержались одни лишь символическія дѣйствія при совершеніи самого свадебнаго обряда. Такими актами въ индусскомъ ритуалѣ являются возведеніе невѣсты женихомъ на камень и хватаніе ея руки *). Сами по себѣ эти акты едва ли остановили бы на себѣ наше вниманіе, если бы мы неимѣли возможности указать на существованіе цѣлаго ряда подобныхъ же дѣйствій въ ритуалѣ Грековъ и Римлянъ, — дѣйствій, значеніе которыхъ, какъ символическихъ изображеній самаго акта овладѣнія невѣстою силою, признается лучшими знатоками классической археологіи. Учѣлѣвшимъ слѣдомъ стариннаго порядка заключенія брака путемъ увода является тотъ, котораго доселѣ придерживаются нѣкоторыя арийскія племена Пенджаба и въ числѣ ихъ Джаты. Названіе ему карсу. Основаніемъ къ признанію брака заключеннымъ считается одинъ фактъ состоявшагося между брачующимися соглашенія сожителъствовать другъ съ другомъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ уводомъ, производимымъ съ согласія невѣсты и однохарактернымъ съ тѣмъ, какой извѣстенъ своду Ману подъ названіемъ гандарва **).

Переходя отъ Индусовъ къ Грекамъ, мы укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что, по словамъ Плутарха, Спартанцы имѣли обыкновеніе добывать себѣ женъ уводомъ, и что Ромулъ въ передачѣ Діонисія, оправдывалъ похищеніе Сабинокъ, на томъ будто бы основаніи, что, такое дѣйствіе согласно съ древнимъ эллинскимъ обычаемъ. Въ Критѣ, по словамъ того же Плутарха, господствующей формой заключенія брака былъ бракъ уводомъ. Учѣлѣвшими слѣдами такого порядка вещей одинаково какъ въ Аѳинскомъ, такъ и въ Спартанскомъ свадебномъ церемоніалѣ является рядъ символическихъ дѣйствій, симулирующихъ умычку; описаніе ихъ можно найти между прочимъ

*) Weber. Indische Studien, стр. 316.

**) См. Punjab Customary law, т. IV, стр. 103.

въ Плутарховыхъ біографіяхъ Ликурга и Лизандра. Такъ въ Спартѣ женихъ имѣлъ обыкновеніе уносить невѣсту на рукахъ въ домъ своихъ родителей, при чемъ невѣста оказывала ему притворное сопротивленіе и, повидимому, уступала только силѣ. На заключеніе брака уводомъ указываетъ также державшійся въ средѣ спартанцевъ обычай посѣщать жену только ночью, тайно, нерѣдко въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, слѣдующихъ за свадьбой. Восходя отъ исторической Греціи къ легендарной, мы находимъ доказательство въ пользу заключенія брака уводомъ въ извѣстномъ разсказѣ о похищеніи Парисомъ Елены, которая потому уже должна быть признана его законной женой, что по смерти его дѣлается по праву женою старшаго его брата, какъ это должно было имѣть мѣсто по отношенію къ законной женѣ, при существованіи въ законодательствѣ системы левирата *).

Что касается до Римлянъ, то въ образцовой монографіи Росбаха о римскомъ бракѣ собрано не мало данныхъ въ доказательство той мысли, что въ древности похищеніе невѣсты признаваемо было законнымъ способомъ заключенія брака. Одинъ уже предписываемый свадебнымъ ритуаломъ обрядъ насильственного увода невѣсты изъ объятій ея матери или ближайшей родственницы, обрядъ, о которомъ говоритъ Фестъ, замѣчая: «*Rapi simulabatur virgo ex gremio matris, aut si ea non esset, ex proxima necessitudine, quum ad virum (tradicitur, стоитъ въ текстѣ, вѣроятно слѣдуетъ читать: traditur или trahitur)*», наводитъ на мысль о существованіи нѣкогда въ Римѣ обычая похищать невѣсть. Къ тому же выводу приводитъ и заключительный актъ римской «*domum deductio*», совершенно аналогичный съ тѣмъ, какой предписывается нашими свадебными обрядами, и состоявшій въ томъ, что женихъ хваталъ невѣсту въ свои объятія, приподымалъ ее нѣсколько на воздухъ и затѣмъ переносилъ черезъ порогъ своего дома. Существованіе этихъ строго предписываемыхъ свадебнымъ ритуаломъ дѣйствій заставляеть меня безусловно присоединиться къ высказываемому Росбахомъ положенію о существованіи нѣкогда у Римлянъ обычая похищать

*) Лѣббокъ, прибавленіе.

невѣсты, — обычая, нашедшаго себѣ, какъ онъ думаетъ, типическое выраженіе въ извѣстномъ преданіи о похищеніи Сабинокъ *).

Если отъ народовъ классической древности мы обратимся къ тѣмъ, историческая роль которыхъ наступаетъ съ паденіемъ Западной Римской Имперіи, то какъ въ памятникахъ древнѣйшей поэзіи и письменности Славянъ, Германцевъ, и Кельтовъ, такъ и въ ихъ законодательныхъ сборникахъ, переходящихъ изъ рода въ родъ обычаевъ и до сихъ поръ держащихся свадебныхъ обрядахъ, мы найдемъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что похищеніе невѣстъ было нѣкогда общераспространеннымъ въ ихъ быту явленіемъ. Чтобы придать большую достовѣрность дѣлаемой филологами и юристами интерпретаціи не рѣдко сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ отрывочныхъ свидѣтельствъ тѣхъ или другихъ литературныхъ или законодательныхъ памятниковъ по вопросу объ умыканіи невѣстъ у народовъ славянскаго племени, мы обратимся прежде всего къ констатированію въ современномъ быту или въ недавнемъ прошломъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ Славянъ факта заключенія брака путемъ увода невѣсты. Недавніе труды собирателей народныхъ обычаевъ, какъ въ Россіи, такъ и въ юго-славянскихъ земляхъ, доставляя возможность констатировать фактъ существованія не только обряда, но и обычая уводить невѣстъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ нерѣдко другъ отъ друга на разстояніи цѣлыхъ тысячъ верстъ, являются существеннымъ подспорьемъ изслѣдователю древнѣйшихъ формъ заключенія брачнаго союза. Недавно вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ Поповича «о правѣ и судѣ у Черногорцевъ» подтверждается неоднократно выставляемый историками славянскаго права фактъ существованія у этого народа еще и въ наше время случаевъ похищенія невѣстъ, не смотря на строгія запрещенія всякаго рода подобныхъ дѣйствій, какъ каноническими правилами, такъ и свѣтскимъ законодательствомъ **).

Если не въ наше время, то не далѣе, какъ полстолѣтія на-

*) Untersuchungen über die Römische Ehe, von D-r. August Roszbach, 1853, стр. 330.

**) Das Recht und Gericht in Montenegro, стр. 39.

зadъ, обычай похищать невѣсть имѣлъ мѣсто и въ Сербіи подъ наименованіемъ «Отмицы». Въ Сербскомъ словарѣ Вука Караджича мы находимъ на этотъ счетъ слѣдующія подробности. «Въ Сербіи и доселѣ похищаютъ дѣвушекъ. Молодые парни очень охотно идутъ на похищеніе и часто одинъ подстрекаетъ другаго: «пойдемъ отымемъ себѣ ту или другую невѣсту». На отмицу выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну. Иногда похитители поджидали дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватили ее и уводили, а иногда нападали на домъ ночью, какъ разбойники, окружали домъ и связывали отца и братьевъ, пока не находили дѣвушки и не уводили ее. Всему селу срамота, продолжаетъ далѣе Вукъ Караджичъ, если изъ села уведутъ дѣвушку, а похитителямъ еще больше, если воротились одни. Когда похитители захватятъ дѣвушку въ руки, они не хотятъ ее оставить, хотя бы всѣ погибли; если же дѣвушка не захочетъ идти и станетъ сопротивляться, тянутъ ее за косы и бьютъ палкою, какъ вола у капусты... Когда погоня дойдетъ до села, тогда тѣ, откуда похититель, выходятъ впередъ, добрымъ порядкомъ и наступаютъ миръ».

Описанный Вукомъ Караджичемъ порядокъ производства умычки, по показанію Богишича, въ послѣднее время почти не имѣетъ мѣста. Исчезновенію его сперва въ Кроаціи, а позднѣе и въ Сербіи, содѣйствовали строгія законодательныя предписанія, принятыя противъ него, начиная еще съ XVII в. По полицкому статуту 1605 г., читаемъ мы въ сочиненіи Леонтовича о Хорвато-Далматскомъ правѣ, имущество виновнаго подлежало грабежу въ пользу общины. Не менѣе строгія мѣры были приняты противъ умычки,—правда много времени спустя послѣ появленія вышеуказаннаго законодательнаго предписанія, и въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербіи, особенно со времени воцаренія Милоша Обреновича *).

Но если обычай исчезъ, то обрядъ сохранился. На этотъ счетъ Сборникъ Богишича содержитъ много крайне любопытныхъ данныхъ, изъ которыхъ я упомяну лишь объ обычаяхъ выѣзжать дружкамъ жениха вооруженными и готовыми на бой, каждый

*) Le droit coutumier de slaves meridionaux стр. 81.

разъ, когда они отправляются за невѣстой. Въ Болгаріи *) умычка имѣетъ мѣсто и теперь, но не иначе, какъ съ предварительнаго согласія родителей. Практикуется она съ цѣлью избѣжать издержекъ, связанныхъ съ обыкновеннымъ, нормальнымъ порядкомъ вступленія въ бракъ, по уговору съ родными невѣсты. Если умычка встрѣчается не болѣе какъ на правахъ рѣдкаго исключенія, то въ то же время въ свадебномъ ритуалѣ удержалось не мало символическихъ дѣйствій, свидѣтельствующихъ о еще недавней ея распространенности въ Болгаріи; таковъ, напр., предписываемый свадебными обрядами актъ насильственного привлеченія невѣсты въ домъ жениха съ помощію привязаннаго къ ея поясу полотенца. Женихъ тянетъ невѣсту, ухватившись за оба конца полотенца, невѣста употребляетъ всѣ старанія, чтобы удержаться на ногахъ, и прекращаетъ сопротивленіе не раньше, какъ заручившись обѣщаніемъ главы семейства (домачина) получить въ подарокъ корову или овцу. Въ Босніи, по словамъ Мартича, похищеніе невѣсты еще весьма часто; оно происходитъ обыкновенно съ вѣдома и согласія дѣвушки, весьма часто также съ вѣдома ея родителей, съ цѣлью избѣжать свадебныхъ издержекъ; тѣми же причинами объясняются нерѣдкіе случаи умычекъ и въ Герцеговинѣ **).

Символическая сторона древней умычки выступаетъ всецѣло въ обрядахъ, которые предшествуютъ свадьбѣ въ Конавліе. Невѣста и женихъ имѣютъ каждый свою свиту вооруженныхъ людей. Поѣзжане, — я употребляю до сихъ поръ ходячій въ великорусскихъ губерніяхъ терминъ для обозначенія дружекъ жениха, отправляющихся за невѣстой, — поѣзжане жениха, говорю я, встрѣчаются со свитой суженой на поду пути отъ дома жениха къ дому невѣсты. Между тѣми и другими завязывается споръ, при чемъ поѣзжане стараются овладѣть невѣстой. Споръ этотъ заканчивается сдѣлкой, состоящей въ томъ, что свита невѣсты обѣщаетъ выдать ее поѣзжанамъ, но не раньше, какъ у самаго входа въ храмъ, послѣ чего обѣ группы всадниковъ продолжаютъ путь одна возлѣ другой по направленію къ церкви ***).

*) См. Krauss, *Sitte und Brauch der Südslaven*, Вѣна, 1885, стр. 295.

**) Ibid, стр. 110 и 102.

***) Krauss, стр. 249.

Какъ умычка, такъ и напоминающіе ее символическіе обряды при празднованіи свадебъ, встрѣчаются не у однихъ только южныхъ славянъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ губерній похищеніе невѣстъ еще недавно имѣло мѣсто; такъ, напр., во многихъ уѣздахъ Витебской губерніи. въ которыхъ на масляницѣ, во время особаго гулянья, называемаго кирмашъ, уводъ былъ явленіемъ обычнымъ. Въ Енисейскомъ краѣ родители, говорить г. Кривошапкинъ, сами желаютъ, чтобы кто укралъ ихъ дочь, считая нечестнымъ дѣломъ выдать ее своими руками. Вслѣдъ за умычкой, женихъ посылаетъ къ отцу молодой свата *). Въ средѣ нѣкоторыхъ раскольниковъ бракъ до сихъ поръ не считается дѣйствительнымъ, буде женихъ не похититъ невѣсты, разумѣется, съ ея предварительнаго согласія **). Шпилевскій въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ», — высказываетъ мысль, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ до сихъ поръ встрѣчается заключеніе свадебъ убѣгомъ, умычка имѣетъ мѣсто съ согласія невѣсты и ея родныхъ съ цѣлю избѣжать расходовъ на свадьбу. При такихъ условіяхъ на нее уже нельзя смотрѣть какъ на обычай, а только какъ на обрядъ. Въ Украинѣ не далѣе какъ въ первой половинѣ XVII в. похищеніе невѣстъ было весьма обычнымъ явленіемъ. О немъ упоминаетъ Бопланъ въ своемъ описаніи Украины. Французскій путешественникъ рассказываетъ, что похититель долженъ былъ бѣжать съ своей добычей въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ, если же его открывали раньше, то онъ лишался жизни. Похищенной предоставлялось открыто выразить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; въ такомъ случаѣ похититель не могъ отказаться отъ женитьбы подъ страхомъ смерти; если же похищенная не изъявляла согласія на бракъ, то они расходились ***).

Если въ большинствѣ мѣстностей современной Россіи умычка болѣе не имѣетъ мѣста ни въ формѣ обычая, ни какъ обрядъ,

*) Г. Кривошапкинъ, Енисейскій округъ, стр. 49 и 50.

**) Терещенко. Бытъ русскаго народа, II, 28.

***) Description d'Ukraine.

то слѣды всеобщей ея распространенности въ болѣе или менѣе отдаленномъ для насъ прошломъ продолжаютъ жить до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ дѣйствій, освящаемыхъ обычнымъ правомъ той или другой мѣстности. Въ специальной монографіи, посвященной изученію свадебныхъ обрядовъ и преимущественно русскихъ, проф. Сумцовъ перечисляетъ всѣ тѣ дѣйствія, въ которыхъ, по его мнѣнію, можно видѣть намекъ на нѣкогда практиковавшуюся умычку. Мы считаемъ возможнымъ подвести важнѣйшіе изъ нихъ подъ слѣдующія группы:

1) Передъ воротами дома невѣсты устраиваются искусственныя преграды, препятствующія свободному въѣзду во дворъ жениха и его поѣзжанъ. «Въ наше время, говоритъ г. Сумцовъ, это веселый, забавный обрядъ, не болѣе; въ прежнее время — дѣйствительная мѣра предосторожности отъ набѣга жениха — хищника». Въ свадебной пѣснѣ Тульской губерніи невѣста проситъ своихъ братьевъ:

Замечите дубьемъ поле,
Застружите стругомъ рѣку,
Защитите щитомъ ворота,
Не пускайте войны на дворъ,
Не отдавайте въ полонъ.

Запирание воротъ во дворъ невѣсты передъ прибытіемъ въ него жениха и его поѣзжанъ доселѣ практикуется въ Костромской, Орловской, Пензенской, Вологодской, Курской, Тверской, Тульской, Рязанской, Псковской и Архангельской губерніяхъ, а также на протяженіи всей Малороссіи.

2) Какъ непріятеля встрѣчаютъ жениха родители и родственники невѣсты.

Въ Пермской губерніи отецъ стрѣляетъ изъ ружья по поѣзду жениха холостымъ зарядомъ. Въ поморскихъ селахъ Архангельской губ. свадебный поѣздъ встрѣчаютъ выстрѣлами изъ оконъ домовъ. Въ Галиціи, когда въ день свадьбы женихъ подходитъ къ невѣстѣ, братъ ея размахиваетъ деревянной саблей, при чемъ дѣвушки поютъ:

«Съчи, рубай, сестры не давай!....

Въ Малороссіи еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія за свадебнымъ столомъ сажали «свѣтилку» (одну изъ подругъ невѣсты), которая держала казацкую пашку, увитую калиновыми вѣтвями съ ягодами. Въ измѣненной формѣ обычай этотъ удержался доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. За спиной невѣсты становится мальчикъ съ палкой въ рукахъ и не пускаетъ къ ней жениха.

3) Вооруженнымъ также отрядомъ является поѣздъ жениха, бѣдшаго за невѣстой. Въ западной Россіи самые бѣдные поселыне считаютъ долгомъ сопровождать жениха не иначе, какъ верхомъ, не рѣдко съ оружіемъ. Насколько можно судить по малорусскимъ и бѣлорусскимъ пѣснямъ, о своемъ пріѣздѣ поѣзжане объявляютъ бросаніемъ стрѣлы въ окно:

Пустими стрѣлу перлову,
Вибьемо стіну камьяну,
Візьмемо Марусеньку молоду.

Одинаково у Бѣлоруссовъ, какъ и у Великороссовъ—друга жениха вооружается плетью и хлещетъ ею лавки и стѣны въ домѣ невѣсты. Ею же выгоняетъ онъ ея гостей изъ за стола, послѣ чего за послѣдній садятся гости жениха.

4) Отношенія жениховой свиты къ невѣстиной роднѣ далеко не дружелюбныя. Въ малорусскихъ пѣсняхъ женихъ прямо называется «ворогомъ», а въ окрестностяхъ Харькова крестьяне о подаркахъ, дѣлаемыхъ жениховой роднѣ, говорятъ, какъ объ идущихъ къ грабителямъ—ракламъ (ракло мѣстное названіе для вора и бродяги). Женихъ и поѣзжане въ день свадьбы ведутъ себя въ домѣ невѣсты крайне надменно. Они садятся за столъ, не снимая шапки и не здороваясь ни съ кѣмъ, и этотъ обычай доселѣ соблюдается одинаково въ западной Россіи и Малороссіи. Еще нагляднѣе выступаютъ враждебныя отношенія жениховой и невѣстиной стороны въ обыкновении прятать невѣсту. Въ Чердыни, Пермской губ., невѣста во время рукобитья прячется въ избѣ на полатахъ. Въ былые годы она забиралась въ порожній изъ подъ муки куль и зашивалась въ него. Въ Пензенской губ. подруги прячутъ ее въ уголъ и завѣши-

вають платкомъ; женихъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невесты и цѣлуетъ ее насильно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ свадебныхъ обрядахъ доселѣ сохранилась еще память о тѣхъ временахъ, когда невеста искала спасенія бѣгствомъ отъ жениха. Во Владимірской губ. кто нибудь изъ гостей—мужчинъ, нарядившись въ женское платье въ подражаніе молодой, бѣжитъ къ своимъ; за нимъ гонятся, кто съ чѣмъ попало, нерѣдко съ плетушками въ рукахъ. Поймавши его, привязываютъ къ лошади и притворно наносятъ ему побои; при этомъ молодая объявляетъ, что больше не будетъ бѣгать.

И передъ входомъ въ собственное жилище женихъ продолжаетъ относиться къ невестѣ, какъ къ своей добычѣ. Въ Костромской губ. доселѣ притворно рвутъ косу у молодой—символь насильственного захвата. Весьма распространено также, одинаково въ Великороссіи и въ западныхъ губерніяхъ, обыкновеніе переносить молодую на рукахъ въ домъ новобрачнаго, иногда при притворномъ сопротивленіи съ ея стороны *).

Крестьянскія свадебныя пѣсни въ свою очередь постоянно упоминаютъ объ умычкѣ, какъ объ обычномъ способѣ заключенія брака. Такъ, напр., въ Вологодской губерніи поютъ:

«Пріѣдутъ (разумѣется—поѣзжане) ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ,
Да ограбятъ же батюшку
Да полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молодую
На чужую на сторонушку»

а въ Тверской о поѣзжанахъ прямо говорится, что они невесту въ полонъ взяли.

Мы рассмотрѣли одни за другими слѣды существованія умычки въ современномъ быту или въ недавнемъ прошломъ, какъ южныхъ, такъ и восточныхъ Славянъ. То же самое мы сдѣлаемъ въ настоящее время для Славянъ западныхъ: Чеховъ, Поляковъ, Руссиновъ. Прежде всего мы постараемся констатировать существованіе въ ихъ средѣ въ наше время, или по крайней мѣрѣ,

См. Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ, Харьковъ, 1881 года, стр. 9—21.

не такъ давно еще обычая умыкать невѣсть, а затѣмъ обратимся къ анализу ихъ свадебныхъ обрядовъ съ цѣлю прослѣдить переходъ обычая въ обрядъ.

Существованіе въ средніе вѣка, какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ обычая похищать невѣсть можетъ быть доказано приведеніемъ цѣлаго ряда законодательныхъ предписаній, изданныхъ въ разное время правительствами обѣихъ названныхъ странъ, съ цѣлю искорененія его въ обществѣ.

По древнему земскому праву Чеховъ отецъ отрубалъ головы, какъ похитителя, такъ и похищенной, каждый разъ, когда послѣдняя объявляла на судѣ, что была согласна на похищеніе, если же она заявляла о насиліи, то ей самой предоставлялось отрубить голову похитителю и возвратиться къ отцу.

По древнимъ законодательнымъ памятникамъ Поляковъ, именно по мазовецкимъ статутамъ 1386 и 1421 г., родителямъ и родственникамъ похищенной предоставлялось, отправившись въ погоню за похитителемъ, убить его. Позднѣйшее законодательство 1496 г. наказываетъ похитителя безславіемъ и, подъ угрозой смертной казни, изгоняетъ его изъ государства. Статутъ 1532 г. освобождаетъ его отъ этого наказанія, буде похищеніе произошло съ вѣдома невѣсты,—явное указаніе на то, что въ это время похищеніе только маскировало собою предварительный свободный уговоръ между женихомъ и невѣстой, заключенный безъ испрошенія родительскаго согласія. Въ этой позднѣйшей формѣ похищеніе встрѣчается особенно часто въ XVII в., почему законодательство, озабоченное его подавленіемъ, въ 1631 г. отмѣняетъ постановленія статута 1532 г. и приравниваетъ такимъ образомъ похищеніе съ согласія невѣсты къ насильственному уводу послѣдней.

Констатировавши фактъ широкаго распространенія нѣсколько вѣковъ назадъ обычая похищать невѣсть, какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ, обратимся къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ названный обычай оставилъ свой отпечатокъ на порядкѣ совершенія свадебныхъ обрядовъ. У Чеховъ, выѣзжая за невѣстой, поѣзжане обыкновенно дѣлаютъ изъ ружей нѣсколько выстрѣловъ и тоже обыкновеніе доселѣ удержалось у познанскихъ поляковъ при отправленіи молодыхъ въ церковь. Какъ и въ Велико-

россиі, поѣзжане всегда сопровождаютъ жениха на коняхъ. При приближеніи жениха къ дому невѣсты, подруги ея прямо заявляютъ: «прячсы, непрітель близокъ» (*Andalko scho-wejse, nepritel blizise*, поется въ Чешской свадебной пѣснѣ) *). Когда пріѣдетъ жениховъ поѣздъ къ дому родителей невѣсты, ворота запираютъ. Чтобы взять невѣсту, надобно, по свидѣтельству одной галицкой свадебной пѣсни, замки «ломать».

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ частію современные обычаи умыканія невѣстъ у Славянъ, частію тѣ, существованіе которыхъ въ недавнемъ прошломъ доказывается ихъ свадебными обрядами. Теперь намъ уже не трудно рѣшить вопросъ, заслуживаютъ ли какого нибудь довѣрія уцѣлѣвшіе до насъ, какъ письменныя, такъ и изустныя свидѣтельства на счетъ существованія нѣкогда у Славянъ обычая похищать невѣстъ. Вмѣсто того, чтобы, по примѣру Тюрина и Палацкаго, задаваться патріотической, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ не научной задачей освобожденія Славянъ отъ нареканій въ приверженности къ тѣмъ или другимъ обычаямъ и обрядамъ дикихъ племенъ, и, въ частности, къ умычкѣ, мы попытаемся сблизить имѣющіеся у насъ свидѣтельства народной поэзіи и письменности на счетъ древнѣйшаго порядка заключенія брака у Славянъ съ вышеприведенными данными изъ ихъ современнаго быта и, истолковывая первыя съ помощью послѣднихъ, попробуемъ дать отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ.

Обращаясь прежде всего къ русскому народному эпосу, — этому богатѣйшему источнику для воссозданія тѣхъ или другихъ чертъ древнѣйшей культуры Славянъ, я укажу на слѣдующіе отрывки изъ былинъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ Рыбникова и Кирши Данилова. «Онъ (Илья-Муромецъ) меня въ полѣ полюбилъ, со мной грѣхъ творилъ, съ того я тебя и прижила». О подобномъ же насильственномъ уводѣ женщины говорится въ былинѣ о «Богатырѣ Дунаѣ». Этихъ свидѣтельствъ было бы совершенно достаточно для признанія факта существованія издревле у Славянъ обычая похищать женъ въ той самой первобытной по гру-

*) См. Сумцовъ, стр. 16.

бости формѣ, въ какой этотъ обычай встрѣчается у дикихъ племенъ стараго и новаго материка, если бы туземное происхождение героевъ нашихъ былинъ считалось вполне доказаннымъ, и появленіе въ нашемъ народномъ эпосѣ, благодаря процессу миграціи, мигровъ съ Востока не имѣло бы на своей сторонѣ такихъ серьезныхъ изслѣдователей, какъ Стасова и Александра Веселовскаго.

Въ виду сказаннаго, мы признаемъ полезнымъ привлечь къ обсужденію занимающаго насъ вопроса нѣкоторыя мѣста изъ нашей первоначальной лѣтописи, и изъ древнѣйшаго памятника нашего права—Русской Правды. Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» мы находимъ слѣдующее извѣстіе о бытѣ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. На игрищахъ «умыкаху жоны собѣ съ нею же кто свѣщашеся». Это свидѣтельство, какъ намъ кажется, вовсе не имѣетъ отношенія къ обычаю похищенія женъ, такъ какъ въ немъ говорится лишь объ одной изъ формъ безпорядочнаго полового сожитія, формѣ, представляющей подобіе съ тѣми, которыя донинѣ имѣютъ мѣсто на посидѣлкахъ нѣкоторыхъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Кавелину, какъ писателю, совершенно игнорирующему характеръ древнѣйшихъ отношеній между полами, можетъ быть дозволено видѣть въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ указаніе на «умычку», «не какъ на обычай, а какъ на обрядъ, совершаемый съ согласія невѣсты», но г. Смирнову, для котораго не прошли безслѣдными новѣйшія работы по общественной эмбриологіи, такое толкованіе должно быть поставлено въ вину. Какъ въ самомъ дѣлѣ примирить его съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ того же лѣтописца о тѣхъ же Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ: «брати не бываху у нихъ, но игрища межю селы»? Какъ также допустить противорѣчіе Нестора съ самимъ собою въ одной и той же фразѣ, въ которой, если слѣдовать толкованію Кавелина и Смирнова, надо видѣть сперва отрицаніе факта существованія брака у названныхъ племенъ, а вслѣдъ за тѣмъ упоминаніе объ обрядѣ умычки при его заключеніи? Если приводимый обыкновенно изъ Нестора текстъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ не имѣетъ вовсе никакого отношенія къ умычкѣ, то, съ другой стороны, упускается изслѣдователями раннихъ формъ заключенія брака лю-

бопытное, хотя и до крайности отрывочное свидѣтельство о Полянахъ: «брачныя обычаи имяху, не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ». Въ противность г. Смирнову, который въ этихъ строкахъ видитъ одно лишь указаніе на вмѣшательство у Полянъ родственниковъ въ заключеніе брака, на перекоръ старому обычаю, будто бы ставившему заключеніе его въ зависимость отъ одной лишь воли брачующихся, я, съ своей стороны, предлагаю слѣдующее толкованіе. Несторъ намекаетъ на существованіе у славянскихъ племенъ двухъ различныхъ формъ заключенія брака, рядомъ съ уже разсмотрѣнными видами безпорядочнаго полового сожитія: одну господствующую и древнѣйшую, другую позднѣйшаго происхожденія и встрѣчавшуюся въ его время у однихъ только Полянъ. Первая предполагала добываніе себѣ невѣсты женихомъ путемъ увода, — добываніе, обозначаемое въ текстѣ словами: «хожаше зять (женихъ) по невѣсту». Вторая являлась результатомъ предварительнаго соглашенія между семействами жениха и невѣсты на счетъ величины платимаго женихомъ калыма или вѣна. Я не думаю, чтобы помимо толкованій, даваемыхъ только что приведенному тексту Нестора, съ одной стороны, Кавелинымъ и Смирновымъ, а съ другой стороны мною, можно было бы придумать еще какое нибудь третье. Въ опроверженіе кавелинскаго и смирновскаго толкованія я замѣчу въ заключеніе, что оно отправляется отъ совершенно произвольнаго и отрицаемаго сравнительной исторіей права факта существованія въ ранній періодъ народной жизни свободнаго заключенія брака женихомъ и невѣстой, помимо всякаго вмѣшательства родителей той или другой стороны. Такой свободы, повторяю я, не знаетъ древнѣйшая исторія права. Смотри на женщинъ, какъ на имущество, родъ необходимо долженъ былъ вмѣшиваться и дѣйствительно вмѣшивался въ вопросъ о вступленіи той или другой изъ нихъ въ бракъ съ чужеродцемъ. Это вмѣшательство выражалось на первыхъ порахъ въ защитѣ женщины отъ нападенія жениха и его родителей и въ устраненіи этимъ путемъ возможности умычки, а позднѣе въ требованіи извѣстнаго вознагражденія, «калыма», за теряемую родомъ женщину, переходящую въ силу брака въ чуждый ей родъ жениха. Первая форма вступательства рода есть та,

которую предполагаетъ умычка, или, выражаясь словами нашей лѣтописи, «хождение зятя (жениха) по невѣсту»; вторая напротивъ того вполне отвѣчаетъ ходячему у Полянъ обычаю приводить невѣсть и получать за нихъ «что вдадуче».

Объ умыканіи невѣсть говоритъ не одна Несторова лѣтопись, но и церковный уставъ Ярослава, предписывающій платить за умычку, съ одной стороны, штрафъ епископу, а съ другой вознагражденіе женщинѣ «за соромъ»; о ней упоминается также въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича, данной имъ въ 1156 г. епископіи Смоленской, во всѣхъ трехъ литовскихъ статутахъ, наконецъ, въ одномъ указѣ Петра отъ 1722 г., указѣ, которымъ дѣла о похищеніи невѣсть изъяты были изъ вѣдомства духовныхъ судовъ и предоставлены разбирательству свѣтскихъ.

Отъ славянъ я перейду къ Германцамъ. Ошибочно было бы искать точныхъ указаній, на первоначальный порядокъ заключенія у нихъ брачныхъ союзовъ въ тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя Тацитъ посвящаетъ этому предмету, описывая бытъ извѣстныхъ ему нѣмецкихъ народцевъ. Исслѣдователь долженъ помнить, что въ эпоху Тацита бытъ послѣднихъ далеко не носилъ характера первобытности. Чтобы составить себѣ поэтому понятіе о древнѣйшихъ формахъ вступленія въ бракъ, приходится, пользуясь методомъ переживаній, искать какъ въ народномъ эпосѣ и лирикѣ, такъ и въ памятникахъ письменности и права уцѣлѣвшихъ слѣдовъ общераспространенныхъ нѣкогда формъ вступленія въ бракъ. Поступая согласно сказанному, мы прежде всего постараемся привести рядъ фактовъ относительно древнѣйшаго порядка установленія семейнаго союза у Германцевъ на основаніи частью пѣсенъ древней Эдды, частию сказаній о Нибелунгахъ; какъ тѣ, такъ и другія, занимаютъ въ германской литературѣ то-же мѣсто, какое въ русской — такъ называемый богатырскій эпосъ, и заключаютъ въ себѣ, подобно послѣднему, цѣлую массу историко-литературныхъ данныхъ по вопросамъ общественной эмбриологіи. Съ этой именно точки зрѣнія Эдда и Нибелунги были подвергнуты недавно весьма обстоятельному изученію докторомъ Лотаромъ Даргуномъ. Общій выводъ, къ какомъ приводитъ его такое изученіе, передается имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ. Скандинавскія саги не

оставляют сомнѣнія въ томъ, что въ эпоху ихъ составленія народъ допускалъ заключеніе брака уводомъ помимо сватовства и свадьбы; иначе они бы не называли лицъ, вступающихъ въ сожительство, мужемъ и женой и не говорили бы о законномъ наслѣдованіи дѣтей, прижитыхъ въ такомъ сожительствѣ. Для иллюстраціи сказаннаго приведу вкратцѣ содержаніе одной изъ пѣсень Эдды *). «Ліотъ блѣдноволосый желаетъ вступить въ бракъ съ нѣкоей Гидой; ему отказываютъ; тогда онъ вызываетъ на единоборство малолѣтняго брата своей возлюбленной съ тѣмъ, чтобы исходъ поединка рѣшилъ вопросъ, быть ли ему мужемъ Гиды или нѣтъ. По малолѣтству его противника не трудно было предсказать, на чьей сторонѣ останется побѣда. Мать Гиды, будучи вдовою и не имѣя поэтому естественнаго защитника, кромѣ сына, предавалась горькой печали, напередъ предвидя, что сынъ ея будетъ убитъ. Въ это время неожиданно является къ ней скальдъ Эгиль, сынъ Скалагрима, столь же страшный своимъ мечемъ, сколько и словомъ, и предлагаетъ ей замѣнить сына ея въ единоборствѣ. Мать съ радостью изъявляетъ свое согласіе. Единоборство кончается гибелью Ліота, сраженного опытной рукой Эгила. Въ этой легендѣ я прошу отмѣтить слѣдующія бытовые черты. Ліотъ сватается на Гидѣ съ соблюденіемъ ходячихъ въ то время свадебныхъ обычаевъ, т. е., по всей вѣроятности, предлагая выплатить за нее извѣстный выкупъ или калымъ. Предложеніе его отвергнуто. Ему остается или отказаться отъ своей возлюбленной или прибѣгнуть къ старинному способу добыванія невѣсты съ оружіемъ въ рукахъ. Въ легендѣ говорится о единоборствѣ, какъ о чемъ то, имѣющемъ рѣшить вопросъ, быть ли Гидѣ женой Ліота или нѣтъ. Получивши вызовъ, семейство невѣсты считаетъ себя обязаннымъ принять его, не взирая на то, что единственнымъ мужскимъ представителемъ его является малолѣтній братъ Гиды. Мать сокрушается при мысли объ угрожающей смерти, но ей и въ голову не приходитъ принять какія либо мѣры, чтобы сдѣлать невозможнымъ самое единоборство. Чтобы понять высокое культурно-историческое значеніе этой

*) Dargun, Mutterrecht und Raubehe, стр. 125.

легенды, я приведу аналогичные съ рассказываемыми ею факты изъ современныхъ намъ свадебныхъ обычаевъ одного изъ племенъ нашего Закавказья, — племени, принадлежность котораго къ арійской семьѣ не вызываетъ болѣе разногласія въ средѣ, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ филологовъ и этнографовъ, — я разумѣю Осетинъ. Существованіе у нихъ нѣкогда обычая добывать невѣсть умычкой доказывается цѣлымъ рядомъ мелочныхъ подробностей ихъ свадебнаго ритуала. Хотя въ наше время вступленіе въ бракъ имѣетъ мѣсто не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго уговора семьи жениха съ семьей невѣсты, тѣмъ не менѣе каждый разъ, когда, вопреки такому уговору, родители невѣсты откажутся выдать ее жениху или отдадутъ замужъ за другаго, «женихъ» — по словамъ г. Шанаева, — «всячески старается завладѣть невѣстой, какимъ бы то ни было образомъ, обыкновенно посредствомъ похищенія, и скорѣе обратитъ ее въ жену, во избѣжаніе дурныхъ, чаще всего кровавыхъ результатовъ этого отказа. Если всѣ старанія его остались тщетными, т. е. соперникъ его, другой претендентъ, уже завладѣлъ ею, то онъ считаетъ себя оскорбленнымъ съ двухъ сторонъ, со стороны родителей невѣсты и со стороны жениха-соперника. Поэтому онъ выжидаетъ удобной минуты, чтобы смыть нанесенное оскорбленіе убійствомъ кого нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, или самого соперника, сдѣлавшагося для него отъявленнымъ врагомъ».

Сопоставляя данныя, заключающіяся въ вышеприведенной легендѣ, взятой изъ древней Эдды, съ тѣми, которыя доставило намъ изученіе современныхъ свадебныхъ обычаевъ Осетинъ, мы не находимъ возможнымъ объяснить возникновеніе приведеннаго сказанія о сватаніи Ліота на Гидѣ иначе, какъ допустивши, что описываемый здѣсь способъ добыванія невѣсты путемъ единоборства съ ея ближайшимъ мужскимъ родственникомъ нѣкогда осуществляемъ былъ на практикѣ, и что въ этомъ видѣ этотъ обычай представлялъ собою не болѣе, какъ вымирающую форму древней умычки, — ту форму, которая wystупаетъ у народа, замѣнившая уже древнѣйшій способъ добыванія невѣсты куплей у родителей или уговоромъ о приданомъ, но допускающаго въ то-же время и насильственное

похищеніе ея женихомъ при невозможности добиться инымъ способомъ вступленія съ нею въ бракъ.

Въ варварскихъ правдахъ, меровингскихъ и карловингскихъ формулахъ трудно, конечно, искать формальнаго признанія законности брака, заключаемаго уводомъ, такъ какъ одной изъ первыхъ задачъ власти, заботящейся о сохраненіи мира, является подавленіе такой вызывающей междоусобія практики. Тѣмъ не менѣе въ нихъ не трудно найти нѣкоторые переживанія такого порядка вещей, когда уводъ невѣсты считался достаточнымъ основаніемъ къ признанію законности брака. Такъ законы туринговъ грозятъ женщинѣ, вступившей въ бракъ безъ согласія отца или опекуна, иначе говоря — бракъ уходомъ, одной лишь потерей того имущества, какое должно было поступить ей въ приданое. Законы же Фризевъ только полагаютъ въ этомъ случаѣ штрафъ — большій или меньшій, смотря по сословному положенію ушедшей изъ родительскаго дома дѣвицы. Ни тѣ, ни другіе — ни словомъ не говорятъ о недействительности заключеннаго такимъ путемъ брака. Въ свою очередь Лонгобардскіе законы, употребляя выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *Si quis violento ordine tollerit uxorem; si vir mulierem invitam tulerit uxorem*, — не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ ихъ похищенная становилась законной женою, ухог. Къ тому же заключенію приводитъ насъ по отношенію къ Салическимъ франкамъ одна изъ формулъ Маркульфа: *dulcissima coniuge mea etc.... dum te absque tua vel parentum tuorum voluntate faciente contubernio rapto scelere meo coniugio sociavi* *).

Рѣшительное доказательство тому, что бракъ уводомъ нѣкогда извѣстенъ былъ нѣмцамъ, заключаютъ въ себѣ ихъ современные свадебные обряды. Сопоставленіе ихъ съ уже разсмотрѣнными нами славянскими, давая настоящій ключъ къ ихъ пониманію, необходимо убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ нихъ въ формѣ символовъ и обрядовъ сохранились многія характерныя черты стариннаго увода. Въ Скандинавскомъ мірѣ поѣзжане, какъ и у насъ въ Россіи, выѣзжаютъ не иначе, какъ на коняхъ,

*) Dargun, стр. 112 и 113.

въ прежніе годы обыкновенно вооруженными, и то же до настоящего времени соблюдается въ Зальцбургѣ и Гессенѣ. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи мы доселѣ встрѣчаемся съ симулированнымъ бѣгствомъ невѣсты отъ жениха, а также съ укрывательствомъ ея по выходѣ изъ церкви. Женихъ обязанъ настигнуть ее и взять въ руки силой. Въ Швеціи во многихъ мѣстахъ невѣсту прикрываютъ соломой. Въ нѣмецкихъ округахъ Чехіи, между прочимъ въ Эгерѣ, какъ и въ заселенной потомками Бургундовъ французской провинціи Брессъ,—невѣсту прячутъ отъ жениха, который ищетъ ее, подобно тому, какъ это доселѣ практикуется во многихъ мѣстностяхъ Россіи *).

Очевидно, что при заключеніи брака путемъ похищенія между семьей жениха и семьей невѣсты должны были установиться на первыхъ порахъ открыто враждебныя отношенія. Уцѣлѣвшимъ слѣдомъ такого порядка вещей надо считать обязательное отсутствіе матери невѣсты на свадебномъ пиршествѣ, одинаково въ Верхней Швабіи и Зальцахѣ. Однохарактерное съ этимъ явленіе представляетъ русскій обычай, не позволяющій матери невѣсты присутствовать въ церкви въ моментъ вѣнчанія **).

Намъ остается теперь рассмотреть вопросъ о томъ, извѣстна ли была умычка и въ средѣ Кельтовъ. Трудность изученія этого вопроса, какъ и всѣхъ тѣхъ, которые касаются древнѣйшаго быта этого племени, обусловливается скудостью источниковъ, лучше сказать, — почти совершеннымъ недостаткомъ ихъ, по крайней мѣрѣ, для исторіи самопроизвольнаго развитія до періода насильственного сближенія съ Римлянами. Въ сочиненіи Цезаря мы не находимъ никакихъ упоминаній объ умычкѣ, и это неудивительно, такъ какъ послѣдняя едва ли могла еще держаться въ народѣ, у котораго религія и жреческое сословіе (друиды) получили такое широкое развитіе. Извѣстно, что за исключеніемъ Цезаря мы имѣемъ для ознакомленія съ бытомъ кельтическаго населенія Европы лишь сравнительно поздніе памятники: въ Ирландіи — законы Брегоновъ, въ Бретани — La

*) См. Dargan, стр. 128, 132 и 133.

**) Ibid., стр. 132.

très ancienne coutume de Bretagne XIII в., заключающую въ себѣ на половину франкское право, и нѣкоторые мѣстные обычаи сѣверной части полуострова столь же поздняго происхожденія, а въ Валлисѣ такъ называемые законы Гоэля Добраго, составленные не ранѣе X в. Неудивительно поэтому, если ни въ одномъ изъ этихъ памятниковъ мы не встрѣчаемъ иныхъ указаній на существованіе умычки, кромѣ общаго имъ со всѣми древнѣйшими кодексами запрещенія похищать какъ незамужнихъ, такъ и замужнихъ женщинъ. Эти запрещенія встрѣчаются неоднократно, какъ въ *Senchus Mor* и *Corus bescna*, такъ и въ такъ называемыхъ *leges Wallicae*, т. е. законахъ герцогства Уэльскаго.

Болѣе рѣшительнымъ доказательствомъ господства нѣкогда и въ средѣ Кельтическихъ народовъ обычая похищать невѣсты является приводимый лордомъ Кемсомъ фактъ существованія въ настоящее время въ Уэльсѣ одного свадебнаго обряда, возникновеніе котораго необъяснимо, если не допустить господства нѣкогда въ этой странѣ обычая похищать невѣсты. Въ утро того дня, когда должна послѣдовать свадьба, говоритъ лордъ Кемсъ въ своихъ очеркахъ исторіи человѣка, женихъ является верхомъ въ сопровожденіи вооруженныхъ дружекъ, соотвѣтствующихъ нашимъ поѣзжанамъ, и требуетъ выдачи невѣсты. Родственники и друзья послѣдней встрѣчаютъ его на коняхъ и въ полномъ вооруженіи и на предъявленное требованіе о выдачѣ отвѣчаютъ рѣшительнымъ отказомъ. Затѣмъ между тѣми и другими завязывается притворное сраженіе, при чемъ въ дѣлѣ бываетъ не рѣдко до 300 человѣкъ. Старшій родственникъ невѣсты сажаетъ ее къ себѣ на сѣдло и мчится съ нею во весь опоръ. Женихъ съ дружкой начинаетъ погоню. Когда все порядкомъ устанутъ, слѣдуетъ выдача невѣсты жениху, который торжественно ведетъ ее въ свой домъ. Этотъ обрядъ представляетъ слишкомъ большое сходство съ тѣмъ, который донинѣ встрѣчается у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, чтобы мы могли затрудниться дать ему надлежащее объясненіе. Существованіе его прямо указываетъ на то, что обрядное похищеніе было нѣкогда реальнымъ, и что по крайней мѣрѣ въ средѣ уэльскихъ Кельтовъ умычка имѣла мѣсто. Въ Ирландіи еще въ по-

ловинѣ XVIII в. встрѣчаются нерѣдкіе случаи заключенія брака уводомъ и даже тогда, когда дѣло обходилось безъ похищенія, черты старинной умычки оживали въ обычаѣ бросать коротенькія стрѣлы въ поѣзжанъ на такомъ разстояніи, при которомъ не возможно было серьезное ихъ раненіе *).

Согласно высказанному выше взгляду, купля невѣстъ съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе и стремится вытѣснить окончательно изъ жизни одновременную ея появленію и, можетъ быть, даже древнѣйшую форму заключенія брака, умычку. По мѣрѣ соединенія родовъ въ племена, и слиянія послѣднихъ, въ націи все болѣе и болѣе расширяется сфера тѣхъ союзовъ мира, въ средѣ которыхъ практика похищенія немыслима, такъ какъ противорѣчитъ ближайшей цѣли ихъ существованія. Неудивительно поэтому, если правительства организованныхъ въ государства племенъ всюду принимаютъ мѣры противъ дальнѣйшаго господства обычая увода, если этотъ послѣдній приравнивается къ числу дѣйствій, за которыя слѣдуетъ удаленіе виновнаго, какъ нарушителя мира, изъ предѣловъ самаго государства; такой именно видъ наказаній постигаетъ похитителя согласно исландскому Gragas. Законодательства континентальныхъ нѣмцевъ относятся къ виновному еще суровѣе — одни требуютъ его казни, другіе — значительныхъ по размѣру денежныхъ платежей, равняющихся то платѣ за невѣсту, то цѣлому или частичному выкупу за ея кровь. Въ этомъ высокомъ размѣрѣ вознагражденій Weinhold справедливо видитъ доказательство тому, что первоначальной карой похитителю была или смерть отъ руки родителя невѣсты или соединенное съ изгнаніемъ провозглашеніе его безправнымъ **).

Однохарактерныя запрещенія умычки попадаются и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, напр., ограждающей женщинъ отъ похищенія высокими денежными платежами; въ сводѣ Ману, относящемъ къ числу запрещенныхъ формъ заключенія брака — бракъ уводомъ. Послѣдствія такихъ мѣропріятій могли быть только благопріятны для купли невѣстъ,

*) Dargun, стр. 103.

**) См. Weinhold, Die deutschen Frauen, 1882 года. 2-е изданіе, т. I, стр. 308 и слѣд.

которая, благодаря имъ, дѣлается господствующимъ способомъ заключенія брака. Но спрашивается, не существовало ли и помимо запрещенія умычки, столь же, если не болѣе самопроизвольныхъ причинъ, постепеннаго вытѣсненія практики увода и замѣны ея куплею. Мы имѣли случай указать выше на то значеніе, какое имѣла по отношенію къ господству умычки такъ называемая эндогамія или обязательное вступленіе въ бракъ съ чужеродными женщинами; понятно поэтому, что все, содѣйствующее замѣнѣ ея эндогаміей или требованіемъ, чтобы невѣста была, если не одного рода, то одного племени съ женихомъ, рано должно было повлечь за собою и торжество купли надъ умычкой. Но этой замѣнѣ прежде всего содѣйствовали чисто религіозныя предписанія, а заботливость, съ которой церковные законодатели охраняли чистоту вѣры, побуждала ихъ нерѣдко устанавливать искусственныя преграды проникновенію въ среду народа чуждаго ему по религіи элемента, въ частности и женъ иностранокъ, заставляла его запрещать браки съ женщинами чужой вѣры и чужой народности. Такъ поступали одинаково Моисей и Магометъ. Не считая возможнымъ сохранить чистоту вѣры въ небольшихъ по своей численности обществахъ поклонниковъ Іеговы и Аллаха, они запретили членамъ послѣднихъ всякое общеніе, и между прочимъ вступленіе въ бракъ съ невѣрными, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Этимъ запрещеніемъ и объясняется раннее возникновеніе строгой эндогаміи въ средѣ народностей, принявшихъ магометанство и исповѣдывавшихъ еврейство, — народностей, у которыхъ, какъ напр. у Арабовъ, въ эпоху язычества можно было встрѣтить господство противоположнаго экзогамическаго начала. Но если нѣкоторыя вѣроученія, и въ числѣ ихъ магометанство и іудейство, и содѣйствовали раннему водворенію эндогаміи въ средѣ постепенно принявшихъ ихъ племенъ, то того же нельзя сказать о другихъ религіозныхъ системахъ и, въ частности, о политеистическихъ религіяхъ. Кто знаетъ процессъ развитія политеизма — у народовъ ли классической древности, или у современныхъ намъ Индусовъ, кому извѣстенъ ходъ постепеннаго включенія этими вѣроученіями въ свой пантеонъ на правахъ, если не высшихъ, то среднихъ и низшихъ божествъ, добрыхъ и злыхъ духовъ, фетишей, которымъ поклонялись покоренные народы, — тѣмъ станетъ ясно,

что политеизмъ нигдѣ не могъ вызвать самъ собою вышеуказаннаго перехода отъ экзогаміи къ эндогаміи. Послѣдній долженъ искать себѣ объясненія, поэтому, въ независимыхъ отъ религіи причинахъ. Ими является переменѣна въ самыхъ условіяхъ общественной жизни, выразившаяся прежде всего въ замѣнѣ прежнихъ систематически-враждебныхъ отношеній отношеніями мирными и въ возникшей тѣмъ самымъ невозможности добывать себѣ женъ прежнимъ грабительскимъ образомъ, путемъ увода или умычки. При такихъ условіяхъ другое начало заключенія брачнаго союза (я разумѣю куплю неvěсты) необходимо должно было выступить на первый планъ и сдѣлаться, если не исключительной, то господствующей формой установленія брачнаго союза. Эта замѣна одной формы другою произошла, конечно, не съ разу, и слѣды древней умычки сохранились долгое время не въ однихъ лишь символическихъ обрядахъ, соблюдаемыхъ при свадьбахъ, но и въ формѣ фактически осуществляемаго увода, имѣвшаго мѣсто каждый разъ при невозможности для жениха сдѣлаться мужемъ нормальнымъ путемъ — путемъ покупки неvěсты у ея родителей. Доказательствомъ утверждаемаго является до сихъ поръ господствующій у нѣкоторыхъ горскихъ племенъ нашего Кавказа, и въ числѣ ихъ у Лаковъ, обычай прибѣгать къ уводу неvěсты въ случаѣ полученнаго женихомъ отказа въ ея рукѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ по этому предмету г. Омировъ, прошедшій всю свою молодость въ средѣ Лаковъ и успѣвшій по этой причинѣ получить обстоятельное знакомство съ ихъ обычаями. «Молодой человѣкъ, сватавшійся за какую нибудь дѣвушку и получившій въ томъ отказъ, стремится къ отмщенію за такое оскорбленіе и къ достиженію своей цѣли во что бы то ни стало. Въ такихъ случаяхъ по большей части дѣвушка подвергается нападенію молодаго человѣка, когда идетъ по воду. Задумавши увезти ее, онъ подготавливаетъ заранѣе для себя товарищей изъ близкихъ друзей, которые ради дружбы рискуютъ лишиться по одному быку въ штрафъ на пользу общества. Собранныя такимъ путемъ компанія дѣлаетъ засаду въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ и поджидаетъ появленія своей жертвы. Бросившись внезапно, она увлекаетъ дѣвушку насильно. Мнѣ помнится, какъ однажды вечеромъ на улицѣ около фонтана

сбѣжалась толпа на отчаянный женскій крикъ. Оказалось, что одинъ молодой человѣкъ, получившій отказъ отъ своей троюродной сестры, увозилъ ее съ улицы силой. Ее завезли въ домъ одного почетнаго жителя, гдѣ похититель заперся вмѣстѣ со своими друзьями; туда же сбѣжались родственники его и хозяинъ дома съ оружіемъ въ рукахъ. Узнавши объ этомъ, ближайшіе родственники дѣвушки бросились на этотъ домъ и стали стрѣлять въ него изъ ружей. Въ цѣломъ аулѣ поднялась страшная суматоха. Аульныя власти, вмѣстѣ съ посторонними жителями, удерживали нападающихъ; женщины кричали и плакали, и только тогда успокоился аулъ, когда ночью вывели виновниковъ въ другую деревню подъ прикрытіемъ вооруженныхъ родственниковъ, а дѣвушка, изнасилованная, униженная, осталась въ домѣ покровителя, который, хотя и вовсе не сочувствовалъ похищенію, но долженъ былъ по обычаю гостепріимства защищать честь своего дома. Мальчики рассказывали, какъ они слышали вопли и крики несчастной дѣвушки, говорили, что похититель съ товарищами связалъ ее по рукамъ и ногамъ. При подобныхъ случаяхъ принято непременно насиловать несчастную жертву, чтобы послѣ ни она, ни родные не могли отказать въ рукѣ ея похитителю. На другой день были выведены 4 быка и зарѣзаны сельскими мангушами, а недѣли двѣ спустя дѣвушка была выдана замужъ за ея похитителя, который устроилъ пиръ для родныхъ и цѣлаго общества и помирился. Случалось иногда, что молодой человѣкъ, прибавляетъ г. Омировъ, напавши на дѣвушку, отнималъ у нея платокъ или просто хваталъ ее за руку или за грудь и удалялся. Это называлось поймать дѣвушку и имѣло равносильное значеніе съ похищеніемъ; виновный въ этомъ подвергался тѣмъ же наказаніямъ и опасностямъ, какимъ могъ бы подвергнуться при похищеніи. Но разница въ томъ что при такихъ случаяхъ часто не устраивался бракъ и родные пойманной дѣвушки на отрѣзъ отказывали войти съ оскорбителемъ въ родство.

Указавши на процессъ постепенной замѣны древней умычки куплею невѣсты, я обращаюсь въ настоящее время къ констатированію факта всеобщей распространенности этой купли. По отношенію къ народамъ неодинаковаго съ аріями происхожденія

я ограничусь въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предыдущихъ, приведеніемъ лишь немногихъ примѣровъ, за то останавлиюсь съ значительной подробностью на формахъ купли невѣстъ въ средѣ всѣхъ и каждой изъ главнѣйшихъ вѣтвей аріійской семьи.

Существованіе у краснокожихъ Америки обычая покупать женъ констатировано было издавна цѣлымъ рядомъ испанскихъ, французскихъ, англійскихъ и американскихъ путешественниковъ.

Что та же форма заключенія брачнаго союза встрѣчается и на Африканскомъ материкѣ, на это указано было еще въ прошломъ вѣкѣ въ сочиненіи Гоге (Gogue), озаглавленномъ: «Происхожденіе законовъ, искусствъ и наукъ». Показанія Гоге подтверждены были и дополнены свѣдѣніями, сообщенными въ текущемъ столѣтіи цѣлымъ рядомъ путешественниковъ, проникавшихъ въ разное время во внутренность Африки. Наконецъ, что касается до Азій, то здѣсь господство начала купли невѣстъ у ихъ родителей встрѣчается, начиная отъ Сибири и оканчивая южною оконечностью Индостана. У инородцевъ Сибири оно было констатировано оффиціальною комиссіею, назначенною при Николаѣ Павловичѣ для собиранія и кодификаціи ихъ обычаевъ, — комиссіею, отчетъ которой напечатанъ былъ въ нѣсколько искаженной копіи проф. Самоквасовымъ въ его «Обычномъ правѣ инородцевъ Сибири». Изъ этого отчета видно, что у Калмыкъ, и ясашихъ Татаръ Бейскаго уѣзда и Кузнецкаго округа, у Тунгузовъ, Якутовъ и Бурятъ, бракъ совершается путемъ уплаты женихомъ извѣстнаго выкупа за невѣсту, — выкупа, называемаго калымомъ. У послѣднихъ изъ названныхъ инородцевъ купля собственно не имѣетъ мѣста, ее замѣняетъ обмѣнъ; семейство жениха получаетъ невѣсту подъ условіемъ доставить семейству послѣдней жениха для одной изъ сестеръ или ближайшихъ родственницъ невѣсты.

Въ Китаѣ купля невѣсты женихомъ до сихъ поръ признается законнымъ способомъ вступленія въ бракъ. У народовъ, у которыхъ, какъ было сказано выше, эндогамія была вызвана къ жизни самымъ характеромъ ихъ религіозныхъ ученій, купля невѣсты издревле является единственнымъ извѣстнымъ религіозному законодательству способомъ основанія брачнаго союза; такъ

напр., у Евреевъ, въ священныхъ книгахъ которыхъ мы не находимъ указаній на существованіе когда бы то ни было умычки, тогда какъ господство съ древнѣйшихъ временъ обычая покупать невѣсть или, — лучше сказать, — зарабатывать ихъ многолѣтнимъ трудомъ доказывается такими преданіями, каково приводимое книгой Бытія преданіе о служеніи Іакова у Лавана въ теченіи 14 лѣтъ съ цѣлью заработать себѣ жену, сперва семилѣтней службой—Лію, а потомъ, послѣ столь же продолжительнаго служенія, Рахиль. Въ извѣстномъ сочиненіи Михаэлиса — «Моисеево Право» (ч. II § 25), указаны тѣ мѣста Библии, изъ которыхъ изслѣдователь можетъ заключить о существованіи у Евреевъ издревле обычая покупать невѣсть. Это, во первыхъ, уже приведенное нами преданіе объ Іаковѣ и Лаванѣ (кн. Бытія, гл. 29, ст. 15—29), во вторыхъ, преданіе о сватовствѣ Сихема, сына Эмморова, на Динѣ, дочери Іакова и Ліи, преданіе занесенное въ XXXIV гл. книги Бытія, въ которой между прочимъ мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Сихемъ же сказалъ отцу Дины и братьямъ ея: только бы мнѣ найти благоволеніе въ очахъ вашихъ, я дамъ, что ни скажете мнѣ (за невѣсту). Назначьте самое большое вѣно и дары; я дамъ, что ни скажете, только отдайте мнѣ дѣвицу въ жены». Позднѣйшій по времени появленія текстъ Библии, свидѣтельствующій о существованіи купли невѣсть, это книга Оссїи, въ которой (гл. III) упоминается объ уплатѣ Оссїей за невѣсту частью деньгами, частью зерномъ. Сравнивая размѣръ платежей, вносимыхъ Оссїей родителямъ невѣсты, съ одновременной платой за совершеннолѣтняго раба, Михаэлисъ приходитъ къ заключенію, что размѣръ калыма, или вѣна, зависѣвшій на первыхъ порахъ исключительно отъ соглашенія между женихомъ и родителями невѣсты, съ теченіемъ времени былъ опредѣленъ законодательствомъ, и что, устанавливая размѣръ послѣдняго, законодатель имѣлъ въ виду приравнять куплю жены къ покупкѣ взрослого раба.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ принявшимъ Исламъ Арабамъ, Персамъ и османскимъ Туркамъ. Извѣстно, что религія Магометанъ предписываетъ имъ строгую эндогамію. При такихъ условіяхъ неудивительно, если похищеніе невѣсты не допускается въ ихъ средѣ ни закономъ, ни обычаемъ, и если заключеніе брака

покупкой издавна является нормальнымъ путемъ для основанія семейнаго союза. Въ первоначальной формѣ—формѣ выплачиваемаго родителямъ невѣсты калыма, покупка невѣсты до сихъ поръ встрѣчается какъ у исповѣдующихъ исламъ кабилскихъ родовъ, такъ и у тѣхъ изъ русскихъ инородцевъ, которые принадлежатъ къ магометанскому вѣроисповѣданію. Въ сочиненіи Ганото и Летуэрне, озаглавленномъ: «Кабилия и Кабилы», мы находимъ слѣдующія подробности о порядкѣ заключенія брака въ средѣ кабилскихъ племенъ. Отецъ и, въ случаѣ, если бы его уже не было въ живыхъ,—братъ, дядя и вообще ближайшій родственникъ съ отцовской стороны продаетъ невѣсту жениху, который, объявляя о заключеніи имъ брачнаго союза, не употребляетъ на туземномъ нарѣчій другаго термина, кромѣ слѣдующаго: «я купилъ жену». Точно также объ отцѣ невѣсты не говорятъ: онъ выдалъ свою дочь замужъ, а «онъ вкусилъ отъ своей дочери», другими словами—онъ приобрѣлъ извѣстные средства отъ продажи дочери. Продажа невѣсты ея родителемъ не только не составляетъ особенности однихъ Кабилевъ-язычниковъ, но встрѣчается сплошь и рядомъ у племенъ, издавна обращенныхъ въ магометанство, какъ то у Эдуговъ, Ганенховъ и Немемховъ, у которыхъ калымъ или плата за невѣсту обозначается терминомъ «джала» (djaâla), что въ переводѣ съ арабскаго языка значитъ «подарокъ съ цѣлью подкупить судью» (судьею въ данномъ случаѣ называется отецъ)*). О покупкѣ невѣсты исповѣдующими Исламъ татарами Казанской губерніи можно найти не мало подробностей въ трудахъ Казанскаго губернскаго статистическаго комитета. Я особенно обращаю вниманіе читателя на одну статью, помѣщенную въ третьемъ выпускѣ этого сборника и озаглавленную «Народные юридическіе обычаи у Татаръ Казанской губерніи» (1869 г.). Въ этой статьѣ я нахожу между прочимъ слѣдующее описаніе порядка заключенія брака у названныхъ инородцевъ. «Свадьбы Татаръ обыкновенно устраиваются чрезъ свахъ. По закону строго запрещено жениху видѣть невѣсту, прежде чѣмъ она сдѣлается его женою, но этотъ законъ не всегда соблюдается, по-

*) La Kabylie et les Kabyles, т. II, стр. 149.

тому что сваха какъ нибудь тайкомъ доставить случай видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ; послѣ такого осмотра сваха посылается съ предложеніемъ и положительный отвѣтъ объявляется при первомъ посѣщеніи жениха: въ случаѣ согласія заключается словесное условіе, которое мулла записываетъ при свидѣтеляхъ въ метрическую книгу. Въ этихъ условіяхъ говорится о томъ, сколько денегъ женихъ или его родители должны дать за невѣсту (такъ называемый калымъ, размѣръ котораго различенъ, смотря по состоянію жениха, и простирается отъ 10 до 500 руб.); сколько женихъ или его родители должны дать невѣстѣ разной одежды, напр., рубахъ, платковъ и проч. и, наконецъ, сколько времени послѣ брака молодая жена должна оставаться въ домѣ своихъ родителей или родственниковъ. По совершеніи этихъ условій женихъ вноситъ часть калыма, обыкновенно половину или треть, другая же уплачивается при вступленіи молодыхъ въ супружескія отношенія. Изъ этого описанія мы видимъ, что покупка невѣстъ имѣетъ еще въ наше время полное дѣйствіе у нѣкоторыхъ наиболѣе отсталыхъ въ своемъ развитіи народностей магометанскаго міра.

Перехожу къ изученію формъ купли невѣсты у отдѣльных вѣтвей аріійской семьи и прежде всего у Индусовъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я имѣлъ уже случай указать на существованіе у Индусовъ восьми различныхъ формъ брака. Одной изъ этихъ формъ является «Азура», изъ которой, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, возникла съ теченіемъ времени и другая форма заключенія брака, или такъ называемая Арша. Характеръ купли выступаетъ уже изъ самаго опредѣленія Азуры, дѣлаемаго индійскими сводами Ману, Яджнавальгіей и Ашвалайной. Бракъ Азура, читаемъ мы въ третьей книгѣ свода Ману, стихъ 31-й, имѣетъ мѣсто всякій разъ, когда женихъ по собственной волѣ вступаетъ въ бракъ съ невѣстой, сдѣлавши предварительно роднымъ послѣдней тѣ или другіе подарки, сообразно его средствамъ. Еще опредѣленнѣе выступаетъ характеръ купли въ опредѣленіи, даваемомъ Азурѣ Яджнавальгіей: бракъ Азура совершается путемъ принятія (родными) извѣстнаго имущества; тоже повторяетъ и Ашвалайна, говоря: по уплатѣ денегъ, женихъ сожительствуетъ съ своей нареченной, таковъ бракъ Азура. Итакъ, изъ всѣхъ этихъ трехъ

опредѣлений ясно выступаетъ, что Азура былъ способъ заключенія брачнаго союза путемъ купли. Способъ этотъ признается запрещеннымъ браминскимъ законодательствомъ и сводъ Ману прямо относитъ его къ числу нечистыхъ формъ брака. Одного этого уже запрещенія достаточно для того, чтобы показать, что купля невѣсты нѣкогда существовала въ Индіи. Къ тому же выводу приводитъ, какъ свидѣтельство Страбона объ обычаяхъ Индусовъ покупать невѣсты, такъ и рядъ постановленій индусскаго права, приравнивающихъ къ вору отца, который бы не выдалъ свою дочь жениху по совершеніи съ нимъ о томъ предварительнаго уговора. Наконецъ, самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу утверждаемаго нами является до сихъ поръ господствующая въ южной Индіи купля невѣсты, по показаніямъ Стренжа, почти единственная форма заключенія здѣсь брачнаго союза.

Могутъ сказать, конечно, что описанная форма брака есть форма, свойственная одному не арійскому населенію Индіи, народамъ дравидійскаго происхожденія, въ доказательство чего можетъ быть приведенъ фактъ господства ея еще въ настоящее время въ южной Индіи, заселенной, какъ извѣстно, дравидійскими племенами. Это возраженіе было бы существеннымъ, если бы рядомъ съ только что описанной формой брака не существовало другой, очевидно, представляющей не болѣе какъ видоизмѣненіе первой, хотя и почитаемой индусскимъ правомъ дозволенной по отношенію ко всему обществу правовѣрныхъ. Эта форма такъ называемая Арша. По опредѣленію свода Ману (кн. III, ст. 53), она имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда женихъ уплатитъ отцу невѣсты какое нибудь вознагражденіе. Вотъ на этотъ счетъ подлинныя слова Ману: «Нѣкоторые мудрые мужи утверждаютъ, что подарокъ женихомъ коровы и быка въ пользу отца невѣсты ведетъ къ заключенію брака Арша. Съ этимъ нельзя согласиться. Всякое вознагражденіе, будетъ ли оно велико или ничтожно, принятое отцомъ при выдачѣ дочери замужъ, ведетъ къ заключенію брака Арша». Передача пары рогатаго скота вовсе не составляла исключительнаго содержанія брачнаго акта. Изъ учрежденій Нарады видно, что женихъ нерѣдко въ этомъ случаѣ дарилъ отца невѣсты и тѣмъ или другимъ одѣяніемъ, на-

зываемымъ въ сводѣ терминомъ «*vastra*». Такимъ образомъ отличительную черту этой формы брака отъ остальныхъ составляла лишь передача извѣстныхъ предметовъ отцу невѣсты, все равно, каковы бы ни были эти послѣдніе. Если даже и согласиться съ Джолли, что небольшая цѣнность этихъ предметовъ не даетъ права видѣть въ нихъ дѣйствительнаго калыма и что передача ихъ должна быть почитаема не болѣе, какъ символическимъ дѣйствіемъ, то и въ такомъ случаѣ, помня то, что было сказано о значеніи символическихъ обрядовъ въ брачномъ ритуалѣ, легко прійти къ заключенію, что въ передачѣ женихомъ отцу невѣсты тѣхъ или другихъ предметовъ слѣдуетъ видѣть не иное что, какъ вымирающіе слѣды древней купли. Обращая вниманіе на самый характеръ передаваемыхъ предметовъ, нельзя не признать ихъ принадлежащими къ числу тѣхъ, которыми издавна отецъ нераздѣльной семьи имѣлъ право свободного распоряженія, другими словами, къ числу тѣхъ, по отношенію къ которымъ ранѣе всего совершился процессъ индивидуализаціи *).

Отъ Индусовъ перейдемъ къ народамъ классической древности, къ Грекамъ и Римлянамъ. О господствѣ въ древности во Фракіи и Фессаліи обычая покупать невѣсть мы имѣемъ свидѣтельство Страбона, Гераклида и Аристотеля (я разумѣю Политику послѣдняго, кн. II, стр. 8). Такъ какъ населеніе вышеназванныхъ странъ далеко не было исключительно эллинскаго происхожденія, то изъ этихъ данныхъ мы еще не имѣемъ права дѣлать заключенія о господствѣ въ Греціи обычая покупать невѣсть. Гораздо важнѣе для насъ тѣ косвенныя указанія, которыя изслѣдователь можетъ найти частью въ Гомеровоѣ Иліадѣ, частью въ сочиненіи Павзанія. Гомеръ часто называетъ дочерей «приносящими родителямъ быковъ». Очевидно, что появленіе такого эпитета было бы невысказуемо, если бы въ то время, когда онъ возникъ, дочери не доставляли своимъ родителямъ возможности получать извѣстную плату при выдачѣ ихъ замужъ. Въ 11-й пѣснѣ Иліады (ст. 146) рассказывается объ Агамемно-

*) Jolly, Ueber die rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern, стр. 16, 17 и 18.

нѣ, что онѣ предложилъ одну изъ своихъ дочерей въ жены Ахиллу, при чемъ объявилъ ему, что не потребуетъ отъ него въ свою пользу никакого дара. Изъ этихъ мѣстъ Иліады мы уже имѣемъ право заключить о существованіи въ эпоху ея составленія обычая приносить родителямъ невѣсты извѣстные дары, но каковъ былъ характеръ этихъ послѣднихъ, могутъ ли они быть приравняемы къ калыму, или передачѣ ихъ слѣдуетъ придавать одинъ лишь символическій характеръ, — этого изъ Иліады еще не видно. Рѣшеніе поставленному вопросу даетъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія Павзанія. Данай, не находя жениховъ для своихъ дочерей, виновныхъ въ совершеніи того ряда преступленій, о которомъ повѣствуетъ мифъ о Данаидахъ, и желая въ то же время избавиться отъ нихъ выдачей ихъ замужъ, оповѣстилъ, что отъ жениховъ онѣ не станутъ требовать въ свою пользу никакихъ имущественныхъ пожертвованій. Если Данай придавалъ такое рѣшающее значеніе факту освобожденія жениховъ отъ обязанности внести извѣстное имущество въ его пользу, то, мнѣ кажется, отсюда можно заключить, что приносимый женихомъ въ героическій періодъ даръ отцу невѣсты имѣлъ не одно символическое значеніе, и съ полнымъ основаніемъ можетъ быть отождествляемъ съ калымомъ.

Едва ли мнѣ нужно останавливаться съ нѣкоторой подробностью на фактѣ заключенія нѣкогда у Римлянъ брака путемъ купли невѣсты. Хорошо извѣстно, что изъ трехъ формъ заключенія семейнаго союза у этого народа, — *confarreatio*, *usus* и *coemptio* — одна и именно послѣдняя въ самихъ институціяхъ Гая называется *imaginaria venditio* и, по описанію его, состояла въ совершеніи акта *mancipatio* въ присутствіи пяти свидѣтелей и одного *libripens*. Древнѣйшія упоминанія о *coemptio* встрѣчаются у Цицерона (*pro Flacco*, гл. 34) и Варрона. Какъ тотъ, такъ и другой, говорятъ о ней какъ о символическомъ обрядѣ. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что мы вправѣ отнести существованіе ея въ формѣ дѣйствительной купли къ отдаленнѣйшему періоду римской жизни, слѣдующему за временемъ возникновенія извѣстнаго преданія о Сабинкахъ, но предшествующему эпохѣ составленія *leges regiae*. Вотъ подлинный текстъ Гая о порядкѣ совершенія брака путемъ *coemptio*. Кому изъ

вѣстно, что сдѣлавшееся со временемъ символомъ, нѣкогда имѣло характеръ фактическаго отношенія, тотъ не станетъ сомнѣваться въ существованіи у древнихъ Римлянъ обычая покупать невѣсту. Къ этому же выводу приводитъ и ходячее въ ихъ средѣ опредѣленіе конкубины: *Uxor gratuita utpote quae coempta non esset*,—опредѣленіе, которое мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ римскихъ надписяхъ и которое своимъ противоположеніемъ некупленной купленной женѣ прямо указываетъ на реальный характеръ нѣкогда совершаемой купли невѣсты. «*Coemptio*», говоритъ Гай, *in manum conveniunt per mancipationem, id est per quamdam imaginariam venditionem, adhibitis non minus quam V testibus civibus romanis, item libripendi, praeter mulierem eumque cujus in manum convenit*».

Насколько съ теченіемъ времени утратилось правильное представленіе о *coemptio*, какъ объ актѣ символической купли, и о ея первоначальномъ происхожденіи изъ фактически осуществляемой отцомъ продажи своей дочери, всего лучше можно судить изъ приводимаго Кэнигсвартеромъ извлеченія изъ комментарія Нонія Марцелла на вышеприведенный текстъ Гая. Ноній Марцеллъ полагаетъ, что при совершеніи *coemptio* покупщикомъ является не женихъ, а невѣста, и предметомъ продажи служить право вступленія въ домъ своего нареченнаго, — право приобщиться къ культу его домашнихъ боговъ, ларовъ, и принимать участіе въ совершаемыхъ въ ихъ честь жертвоприношеніяхъ.

Спрашивается теперь, какъ долго держалось въ римской жизни совершеніе брака путемъ *coemptio*? По примѣру Росбаха, мы уклонимся отъ положительнаго отвѣта и ограничимся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что и въ императорскій періодъ *coemptio* еще практиковалась. О господствѣ этой формы заключенія брака во II и III в. по Р. Х. свидѣтельствуетъ упоминаніе о ней въ сочиненіяхъ Гая, Папиніана, Павла и Ульпіана. Къ тому же времени относится и цѣлый рядъ надписей, говорящихъ о фактическомъ осуществленіи ея тѣмъ самымъ порядкомъ, какой описанъ у Гая. Эти надписи отпечатаны какъ у Гейнекція, такъ и въ сборникѣ Орелли. Вотъ одна изъ нихъ. «*Публій Клавдій квесторъ, Antoniam Volumniam virginem.... a parentibus suis coemit et... in domum duxit*».

Въ эпоху Сервія, Боэтія и Исидора, т. е. въ концѣ IV и V в. по Р. Х., *coemptio*, повидимому, уже вышла изъ употребленія; въ этомъ убѣждаетъ насъ прямое заявленіе послѣдняго изъ названныхъ писателей «*coemptio... apud priscos peragebatur* *).

Отъ восточныхъ и южныхъ вѣтвей индо-арійской семьи перейдемъ къ тѣмъ, которыя въ разное время заняли центральную и сѣверную Европу, и прежде всего къ славянамъ. По вопросу о существованіи у нихъ нѣкогда купли мы не въ состояніи прибавить много новаго къ тому весьма обстоятельному очерку, какой проф. Шпилевскій посвящаетъ этому вопросу въ своемъ трудѣ о «семейныхъ властяхъ у древнихъ Славянъ и Германцевъ». Единственнымъ существеннымъ добавленіемъ къ сообщаемымъ имъ даннымъ по этому вопросу можетъ быть приведеніе нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія символическаго обряда купли въ быту нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Сочиненіе Богишича и новѣйшія работы по русскому обычному праву доставятъ намъ необходимый для этой цѣли матеріалъ.

Караджичъ говоритъ о Сербіи: «тамъ не получаютъ денегъ съ дѣвушкою, но за нее даютъ, напр., брату сапоги или платье, матери какое нибудь платье, также сестрѣ и всѣмъ остальнымъ что нибудь, и сверхъ того деньги въ домъ (я прошу обратить особенное вниманіе на эти послѣднія слова). Въ Сербіи нѣсколько лѣтъ прежде, продолжаетъ Караджичъ, такъ много просили за дѣвушекъ, что бѣдный человѣкъ не могъ жениться; поэтому Георгій Черный издалъ указъ, что нельзя просить и брать за дѣвушку болѣе одного дуката. Съ этого времени, какъ видно въ особенности изъ данныхъ, собранныхъ Богишичемъ, — покупка невѣсты въ Сербіи является рѣдкимъ случаемъ. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени она встрѣчается и теперь, но, разумѣется, лишь въ формѣ символическаго обряда. Женихъ выплачиваетъ отцу невѣсты отъ одного до шести дукатовъ, смотря по состоянію, не считая въ этомъ числѣ подарковъ, дѣлаемыхъ имъ родственникамъ его будущей жены, и прежде всего брату ея, и наконецъ ей самой для покупки себѣ шубы.

* Rossbach, Untersuchungen über die römische Ehe, стр. 65, 95.

Въ Болгаріи женихъ выплачиваетъ родителямъ невѣсты до 1,000 грошей и сверхъ того дѣлаетъ подарки ей матери, сестрамъ и братьямъ. Эти подарки не переходятъ обыкновенно за сумму нѣсколькихъ дукатовъ и состоятъ перѣдко изъ платковъ и обуви. Въ немногихъ мѣстностяхъ Болгаріи и въ числѣ ихъ въ Ризанѣ свадебные обряды удержали нѣкоторые слѣды прежней купли невѣсты ей женихомъ. Не задолго до празднованія свадьбы отецъ жениха и отецъ невѣсты созываетъ друзей на сельскую площадь. Всѣмъ собравшимся здѣсь подается водка. Отецъ жениха первый пьетъ за здоровье молодыхъ. Осушивъ свою чарку, онъ беретъ въ правую руку другой стаканъ съ водкой, на которомъ лежитъ яблоко съ положенной на него мелкой монетой, секиномъ. Этотъ стаканъ онъ подаетъ отцу невѣсты. Послѣдній беретъ секинъ и кладетъ себѣ въ карманъ. Описанный обрядъ повелъ даже къ возникновенію особой до сихъ поръ ходячей въ этой мѣстности поговорки: продать дочь за секинъ, — поговорка, которая своимъ содержаніемъ прямо указываетъ на происхожденіе этого символическаго дѣйствія изъ реальнаго акта продажи невѣсты ей родителемъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ Болгаръ также удержались до сихъ поръ нѣкоторые слѣды совершенія нѣкогда брака путемъ купли невѣсты. Въ одной пѣснѣ, въ которой невѣста проситъ своего брата спрятать ее отъ жениха, братъ отвѣчаетъ: какъ же мнѣ тебя спрятать? Съ этихъ поръ ты уже продана, продана и заложена, предъ кумами, предъ сватами ты продана юнаку.

У Черногорцевъ по свадебному обряду родные невѣсты требуютъ отъ сватовъ большого выкупа за нее, такъ какъ, по ихъ словамъ, они даютъ имъ дѣвушку, которая бы стоила Царяграда. У Лужичанъ женихъ, пріѣзжая свататься, начинаетъ вопросомъ: «нѣтъ ли продажной скотинки»? А одна Чешская свадебная пѣсня отъ лица дружки говоритъ: «выдайте мнѣ невѣсту, я хорошо заплачу вамъ, — на то я и посланъ, чтобы заплатить за невѣсту полновѣсными талерами».

И у западныхъ славянъ купля невѣсты еще недавно была общераспространеннымъ явленіемъ. Въ Чехіи, говоритъ г. Сумцовъ, въ началѣ прошлаго столѣтія встрѣчался обычай ходить за невѣстой на дороги и базары. Въ Красномъ Бродѣ дѣ-

вичьи базары были два раза въ годъ. Сюда приходили дѣвицы и вдовы со своими родными, а молодые люди — со своими. Мужчина подходилъ къ женщинѣ, которая ему нравилась, подавалъ ей руку, говоря: «если тебѣ нуженъ хлопецъ, то иди до попа». Дѣвушка выражала свое согласіе тѣмъ, что подавала молодому человѣку руку; затѣмъ женихъ уговаривался съ ея родными о платѣ, и въ заключеніе слѣдовало свадебное пиршество.

На польской свадьбѣ, по словамъ того же писателя, разыгрывалась цѣлая сцена продажи молодой мужу подъ видомъ коровы. Продажа невѣсты также прямо упоминается въ польскихъ свадебныхъ пѣсняхъ.

Въ Познани женихъ до сихъ поръ кладетъ мелкую монету на сапогъ невѣсты, другую — на ея колѣна, третью — на плечо, четвертую — на голову; послѣ чего слѣдуетъ передача ея въ его руки *).

Переходя въ частности къ восточнымъ Славянамъ, мы на основаніи новѣйшихъ работъ по обычному праву можемъ сообщить слѣдующія данныя какъ на счетъ господствующаго еще въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи обычая покупать невѣсту, такъ и на счетъ удержанія нашими свадебными обрядами символической стороны древней купли. Сообщаемыя нашими обычниками данныя нашли рѣшительное подтвержденіе въ трудахъ комиссіи, назначенной для изслѣдованія современнаго положенія сельскаго населенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говоритъ г. Пахманъ, съ понятіемъ о кладкѣ, т. е. платежа, производимаго женихомъ, соединяется представленіе о платѣ за невѣсту. Сами крестьяне заявляли, «что у нихъ принято, чтобы женихъ платилъ за невѣсту отцу ея деньги, кладку, что женихъ покупаетъ невѣсту, платя за нее вывозъ»; въ томъ же смыслѣ встрѣчаются и такія заявленія: «у насъ, если кто беретъ невѣсту, долженъ за нее заплатить, а то даромъ не дадутъ», или: — «у насъ каждую невѣсту надо купить» **).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ русскихъ крестьянъ доселѣ удержа-

*) Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ, стр. 26, 22.

**) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 61.

лись упоминанія о куплѣ. «Бояре ворота облегли», поютъ саратовскіе крестьяне о поѣзжанахъ, — «торгуютъ, торгуютъ Дунашу». «Бояре ворота облегли, посыпали золота по землѣ», поется въ свою очередь въ бѣлорусской пѣснѣ. Въ олонейской пѣснѣ невѣста жалуется, что «сватъ предложилъ ей родителямъ много серебра и жемчуга, города съ пригородками, села съ приселками; отцу сулилъ пуховую шляпу и одинцовый тулупъ; матери — кунью шубу». Родители все же не соглашались. Тогда сватъ пообѣщалъ имъ «бадю меду, сорокъ ведеръ пива и 60 ведеръ водки». Родители не выдержали и «промѣняли дорогую дѣвичью волюшку своей дочери на вѣковѣчную злодѣйную неволюшку». Въ русскомъ свадебномъ ритуалѣ до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя черты древней купли, на нее указываетъ уже ходячая формула, которой открывается сватанье: «у васъ товаръ, у насъ купецъ»; осмотръ невѣсты ея женихомъ, доселѣ практикуемый въ Вологодской губерніи, съ цѣлью убѣдиться въ ея физическихъ качествахъ; покупка женихомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ косы невѣсты, символа ея дѣвственности, въ другой — вѣнка, украшающаго ея голову и имѣющаго то же символическое значеніе *).

Въ одной русской пѣснѣ говорится о томъ, какъ парень покупаетъ у невѣсты вѣнъ (вѣнокъ): «чѣмъ мнѣ вѣна выкупить? ужъ я дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна три гривны серебряныя».

Приведенныхъ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно для признанія факта существованія нѣкогда у Славянъ обычая покупать невѣсть, обычая засвидѣтельствованнаго историческими данными. Одна лишь тенденціозная интерпретація могла видѣть въ довольно прямыхъ указаніяхъ на этотъ счетъ въ нашей начальной лѣтописи намекъ на существованіе совершенно инаго порядка заключенія брачнаго союза. Заслугу г. Шпилевского составляетъ обстоятельный разборъ мнѣній, высказанныхъ въ разное время по этому вопросу лучшими знатоками русской юридической старины. Игнорируя преднамѣренно тѣ результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдователя изученіе современныхъ свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ, они отнюдь не хотѣли при-

*) См. Сумцовъ, стр. 26 и 27.

знать за встрѣчающимся въ лѣтописи вѣномъ характера калыма. «Г. Шульгинъ, говоритъ Шпилевскій, въ изслѣдованіи «о состояніи женщины въ Россіи до Петра Великаго», предполагаетъ, что продажа дѣвицъ не была исконнымъ обычаемъ славянъ, а явилась въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ татарщины; въ доказательство тому онъ указываетъ на продажу невѣстъ въ Нерехтѣ, гдѣ продажная цѣна называлась калымомъ, названіемъ донинѣ означавшимъ то же самое у татаръ и калмыковъ. Потомъ, приводя пѣсню, которая поется при продажѣ братомъ дѣвичьей косы:

Братецъ татаринъ
Продаль сестру за талеръ,
Русу косу за полтину—

г. Шульгинъ говоритъ, что продажа здѣсь порицается, какъ обычай иноземный. Г. Шульгинъ противопоставляетъ браки скандинавскіе, при которыхъ необходима была плата за жену, славянскимъ, которые отличались приданымъ и вѣномъ, не въ смыслѣ платы за жену, а въ смыслѣ обезпеченія жены мужемъ, какъ, напр., Ингигерда, дочь Олафа, выходя за Ярослава, требовала, чтобы ей за вѣно отданъ былъ г. Альдейгаборгъ, а Ольга, вѣроятно, получила отъ Игоря Вышгородъ, Малуша отъ Святослава—с. Будишино, Рогнеда отъ Владиміра—с. Предславино».

«Но самымъ лучшимъ опроверженіемъ того предположенія, что продажа невѣстъ явилась только подъ татарскимъ вліяніемъ, говоритъ г. Шпилевскій, можетъ быть повсемѣстность этого обычая у всѣхъ славянскихъ племенъ, свободныхъ отъ татарскаго вліянія, слѣдовательно, это обычай исконный, общеславянской».

«Что вѣно, о которомъ не разъ упоминается въ лѣтописи, означало куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика: «и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ ими». Въ славянскомъ переводѣ Библіи словомъ «вѣно» обозначается прямо плата за жену. Такъ Сихемъ, прося у Іакова дочь его Дину, говорилъ отцу ея и братьямъ: множите вѣно зѣло, и дамъ, якоже речете ми: и дасте ми отроковицу сію въ жену».

Отъ Славянъ перейдемъ къ Германцамъ. Спрашивается, существовала ли у послѣднихъ купля невѣсты въ ея первобытной формѣ—реально осуществляемаго договора, или же уплата женихомъ того или другаго имущества родителямъ невѣсты имѣла не болѣе какъ символическій характеръ? И въ этомъ вопросѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, прямо или косвенно затрагивающихъ тѣ или другія стороны изъ жизни германскихъ племенъ въ ранній періодъ ихъ общественнаго развитія, изслѣдователю приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ совершенно произвольныхъ построений, сходныхъ между собою лишь въ томъ отношеніи, что всѣ и каждое изъ нихъ вызваны однимъ и тѣмъ же пенаучнымъ, по своей тенденціозности, стремленіемъ оправдать древній германскій міръ отъ тѣхъ или другихъ, будто бы взводимыхъ на него, обвиненій. Однимъ изъ такихъ обвиненій является въ глазахъ германистовъ утверждаемый французскими историками фактъ существованія нѣкогда у Германцевъ обычая покупать невѣсту. По мнѣнію большинства германистовъ, въ числѣ ихъ Friedberg'a, во вносѣ женихомъ извѣстной платы родителямъ невѣсты не слѣдуетъ видѣть вознагражденія за уступку дочери или родственницы члену чужой семьи, а эквивалентъ пріобрѣтаемаго женихомъ права опеки и попечительства надъ своей будущей женою, или такъ называемаго *mund*, до нѣкоторой степени, хотя и не вполне, отвѣчающаго римской *manus*. Къ чести Якова Гримма нужно сказать, что въ этомъ вопросѣ онъ сумѣлъ отрѣшиться отъ узко-національныхъ и мнимопатріотическихъ воззрѣній. Широкое знакомство съ первобытной культурой разноплеменныхъ съ Германцами народовъ предостерегло его отъ возможности совершенно произвольнаго утвержденія, будто нѣмецкіе народы съ древнѣйшихъ временъ не знали купли женъ, и будто выкупъ въ ихъ глазахъ имѣлъ значеніе одного вознагражденія за пріобрѣтаемую женихомъ опеку надъ дѣвушкой.

Обращаясь за рѣшеніемъ этого вопроса къ прямымъ источникамъ, мы находимъ рѣшительное доказательство существованія купли невѣсты у англо-саксовъ VI и VII вѣка въ слѣдующихъ постановленіяхъ королей Этельберта и Ины.—Буде свободный человѣкъ (*friman*), станетъ сожителемъ съ чьей

либо женою, ему слѣдуетъ купить (*begeten*) эту женщину уплатою ей мужу виры и приобрести вслѣдъ за тѣмъ для этого послѣдняго другую жену на средства, взятыхъ изъ собственнаго имѣнья. Если кто купить себѣ жену и не внесетъ слѣдуемой за нее платы, пусть сверхъ послѣдней взыщутъ съ него еще штрафъ *de plegio infracto*, читаемъ мы въ латинскомъ текстѣ законовъ Ины (ст. 31, озаглавленная слѣдующимъ образомъ: «*De emente feminam et pretium retinente*»).

Если въ VI и VII в. купля невѣсты была еще въ полномъ ходу у англо-саксовъ, то въ XI в. память о ней сохраняетъ лишь слѣдующее постановленіе короля Канута, запрещающее «принуждать женщину или дѣвушку брать въ мужа того или другаго мужчину противъ ея воли, равно и отдавать ее замужъ за деньги».

Во всѣхъ и каждомъ изъ вышеприведенныхъ постановленій прямо и рѣшительно высказывается то воззрѣніе законодателя, что купля есть средство приобрѣтенія самой женщины, а не одного лишь права опеки и попечительства надъ нею.

Тотъ же характеръ калыма, — другими словами — платы за невѣсту, а не за право опеки и попечительства надъ женою (*mund*), носить вносимое за нее женихомъ вѣно и въ законахъ континентальныхъ саксовъ, въ которыхъ (титулъ 18, § 1) мы прямо читаемъ: «*Leto regis (лнду) liceat uxorem emere, ubicumque voluerit*. Употребляемые этими законами термины «*emere*» и «*pretium emptionis*», по справедливому замѣчанію Königswarter'a, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ дѣйствительнаго характера заключенія брачнаго союза у саксонцевъ, другими словами, на счетъ установленія брака путемъ купли.

Обращаясь къ обычному праву народовъ сѣверной Германіи, мы укажемъ прежде всего на существованіе въ средѣ Дитмаршенскихъ родовъ еще въ эпоху Неокоруса обычая покупать невѣсту, при чемъ, какъ слѣдуетъ изъ его хроники, женихъ каждый разъ вступалъ въ особое соглашеніе съ родителемъ невѣсты на счетъ самаго размѣра уплачиваемаго за нее вознагражденія. Не мало указаній на установленіе брака путемъ дѣйствительной купли заключаютъ и уже не разъ цитированныя нами пѣсни древней Эдды, въ которыхъ неоднократно упоминается объ уп-

латѣ за невѣсту золотомъ или другими цѣнностями. Такъ напр., мы читаемъ въ одной изъ этихъ пѣсень, что Атли даетъ за свою невѣсту Гудруну 30 рабовъ и 7 рабынь и сверхъ того много серебра и драгоценныхъ камней. Въ одной исландской плясовой пѣснѣ мы находимъ также прямое указаніе на заключеніе брака куплею. Пѣсня эта поется при слѣдующей обстановкѣ. Нѣсколько дѣвушекъ собрались въ томъ или другомъ домѣ. Молодые люди стучатся къ нимъ и просятъ впустить ихъ. На эти просьбы дѣвушки насмѣшливо отвѣчаютъ слѣдующимъ привѣтомъ: «Чего хотятъ Альфъ и Гофъ»? — «Камней предлагаютъ дать Альфъ, отвѣчаютьимъ, камней и Гофъ». — «Что предлагаютъ товарищи Гофа?» — «Камней предлагаютъ товарищи Гофа». Получивши отказъ отъ входа въ домъ, молодые люди общаются дать дѣвушкамъ мѣдъ и въ отвѣтъ должны прослушать тотъ же насмѣшливый припѣвъ. Тогда молодежь рѣшается предложить золото. На это предложеніе дѣвушки отвѣчаютъ согласіемъ впустить ихъ въ жилище. Двери отворяются, молодежь врывается въ домъ и начинается танецъ.

Вейнгольдъ, у котораго я заимствую только что приведенныя данныя, сопоставляетъ содержаніе названной пѣсни съ одной шлезвигской плясовой и выводитъ изъ сопоставленія обѣихъ то заключеніе, что какъ та, такъ и другая, представляютъ собою несомнѣнное доказательство современнаго ихъ составленію обычая покупать невѣсть.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ едва ли является серьезная необходимость останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ сомнительныхъ въ ихъ толкованіи мѣстъ изъ средневѣковыхъ романовъ и лимбургской хроники, мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается слово «каufen» покупать, въ примѣненіи къ невѣстамъ. Если бы, вопреки мнѣнію Гримма, глаголъ «каufen» и употреблялся здѣсь въ смыслѣ не покупки, а просто взятія невѣсты, то такого рода интерпретація отнюдь не была бы въ состояніи поколебать того положенія, что купля невѣстъ была извѣстна древнимъ германцамъ. Надо сознаться, однако, что въ большинствѣ варварскихъ правдъ, и въ томъ числѣ въ аллеманской и баварской, а также въ законахъ англовъ и вериновъ о куплѣ невѣсты уже не говорится. Если въ салической правдѣ платежъ

дѣлаемый женихомъ родственникамъ мужа при вступленіи въ бракъ съ пребывающей въ ихъ домѣ вдовою, иначе говоря такъ наз. *geirus*, говорить въ пользу той мысли, что купля невѣсты известна была Салическимъ Франкамъ, то, съ другой стороны, незначительность поступающаго въ пользу мундвальда или опекуна задатка (*arg*) свидѣтельствуетъ уже о переходѣ купли въ символическій обрядъ. У Лонгобардовъ женихъ еще заключаетъ съ мундовальдомъ письменное условіе о размѣрѣ платежа за невѣсту (*meta*), но этотъ платежъ поступаетъ уже въ пользу новобрачной, и то же должно быть сказано о Бургундскомъ и Вестготскомъ сводахъ, изъ которыхъ особенно интереснымъ является послѣдній, такъ какъ въ немъ еще виденъ дѣлежъ калыма между родственниками и самой невѣстой, а незначительность самаго платежа говорить въ пользу одного лишь символическаго его значенія *).

Спрашивается теперь, въ чемъ состоялъ процессъ вымирания разсмотрѣнной нами формы заключенія брака у германскихъ племенъ? Мнѣ кажется, что изъ сказаннаго уже видно, что ближайшей, по крайней мѣрѣ по времени, фазой является низведеніе акта покупки къ одному лишь символическому обряду. Типическимъ примѣромъ можетъ служить описываемый Григоріемъ Турскимъ фактъ уплаты Хлодвигомъ при вступленіи въ бракъ съ Клотильдою одного солида и динарія. Въ формѣ символическаго обряда купля невѣсты продолжала существовать еще долгое время, вопреки настояніямъ церкви, издавна стремившейся освободить актъ заключенія брака отъ цѣлаго ряда оскверняющихъ его, въ ея глазахъ, обрядовъ, непримиримыхъ съ возрѣніемъ на бракъ, какъ на таинство. Лучшимъ доказательствомъ справедливости утверждаемаго служить то обстоятельство, что въ постановленіяхъ одного помѣстнаго собора, 1227 г., въ Туринѣ еще встрѣчается запрещеніе роднымъ невѣсты брать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, *quoscumque colore quaesito*, деньги за согласіе на бракъ (*aliquam pecuniam pro matrimonio contrahendo*).

Уступая мало по малу мѣсто позднѣйшимъ по времени появ-

*) Weinhold, die deutschen Frauen. 1882, т. I, стр. 325.

ленія формамъ заключенія брака,—формамъ религіознымъ, покупка невѣстъ не исчезла однако безслѣдно изъ обычнаго права германскихъ племенъ. Имущественныя отношенія супруговъ навсегда сохранили въ себѣ слѣды ея существованія въ такъ называемомъ приданомъ, возникновеніе котораго изъ этой платы будетъ доказано мною въ ближайшей главѣ.

Заглянемъ теперь въ древнѣйшее право отдѣльныхъ вѣтвей кельтическаго племени и постараемся обнаружить и въ немъ слѣды существованія нѣкогда общечеловѣческаго обычая покупать невѣстъ.

Мнѣ едва ли нужно настаивать на той мысли, что въ Галліи покупка женъ вышла изъ употребленія задолго до времени завоеванія ея Римлянами. Очевидно, что широкое развитіе друидизма, громадное значеніе, какимъ пользовался въ Галліи жреческій классъ,—не могли не повліять на измѣненіе архаической формы заключенія брака. Подъ вліяніемъ духовенства купля женъ рано принуждена была отойти въ область прошедшаго, уступая мѣсто религіознымъ формамъ установленія семьи. Если въ Галліи не сохранилось прямыхъ слѣдовъ нѣкогда существовавшей покупки женъ, того же нельзя сказать ни объ Ирландіи, ни объ Уэльсѣ.

Получаемая отцомъ плата за невѣсту носитъ въ законодательствѣ Брегоновъ названіе *loglanamais*. «Нѣтъ основанія сомнѣваться, говоритъ лучшій изъ туземныхъ знатоковъ ирландскаго права, Sullivan, въ своемъ обширномъ вступленіи къ изданнымъ имъ лекціямъ O'Suilly, что въ эпоху язычества бракъ не могъ состояться въ Ирландіи иначе, какъ подъ условіемъ уплаты *loglanamais* или калыма, размѣръ котораго каждый разъ опредѣлялся принадлежностью вступающихъ въ бракъ къ тому или другому сословію».

Со временемъ только часть дѣлаемаго женихомъ платежа поступала родителю невѣсты. Она извѣстна подъ наименованіемъ *tindscra*. Наименованіе это сложилось изъ двухъ словъ: *tinde* (ожерелье) и *esra* (кубокъ). Ничтожная, сравнительно, цѣнность предметовъ, входившихъ въ составъ этого платежа, какъ слѣдуетъ изъ самаго ихъ названія, указываетъ уже сама по себѣ на переходъ купли въ символическій обрядъ, что въ свою очередь объяс-

няется вліяніємъ упрочившагося въ странѣ, начиная уже съ VIII в., христіанства.

Въ Уэльсѣ переживаніемъ древней купли является платежъ 24 пенсовъ, дѣлаемый женихомъ въ пользу родителя неvěсты по случаю своего вступленія въ бракъ. Платежъ этотъ для того времени отнюдь не можетъ быть признанъ ничтожнымъ и говорить поэтому противъ возможности признанія за нимъ одного символическаго значенія.

Заканчивая сказаннымъ главу о древнѣйшихъ способахъ заключенія брака, я считаю нужнымъ прибавить, однако, еще нѣсколько словъ о характерѣ смѣнившихся эти формы порядковъ установленія семьи. Эти порядки имѣютъ между собою то общее, что въ равной мѣрѣ вызваны къ жизни одной и той же причиной: — рано или поздно возникшимъ въ средѣ отдѣльныхъ народовъ земнаго шара культа предковъ. Культъ этотъ, какъ доказали Бенкрофтъ и Бастіанъ, принадлежитъ къ числу общераспространеннѣйшихъ явленій въ исторіи человѣческихъ расъ. Громадное вліяніе, оказанное имъ на характеръ правовыхъ институтовъ, принадлежитъ къ числу общепризнанныхъ положеній сравнительной исторіи права. Одной изъ сферъ проявленія этого вліянія является между прочимъ и свадебный обрядъ. Послѣдній не только у грековъ и римлянъ, но и у индусовъ, славянъ и германцевъ, — одинаково носитъ на себѣ отпечатокъ того почитанія, какимъ древніе аріи окружали своихъ усопшихъ, и согласно этому символически выражаетъ собою приобщеніе новобрачной къ семейному культу. Фюстель де-Куланжъ первый остановилъ вниманіе на сходствѣ греческаго свадебнаго ритуала съ римскимъ, сходствѣ, вызванномъ въ его глазахъ тѣмъ вліяніемъ, какое оказалъ на него общій обѣимъ народностямъ культъ предковъ. Греческій свадебный ритуалъ состоялъ, какъ извѣстно, изъ трехъ актовъ. Первый происходилъ передъ очагомъ отца неvěсты, третій у очага мужа, а второй состоялъ въ переходѣ отъ одного очага къ другому. Въ домѣ отца неvěсты происходитъ жертвоприношеніе. Оно совершается отцомъ семейства въ присутствіи всѣхъ членовъ послѣдняго, равно и жениха. Разъ богослуженіе окончено, отецъ семейства произноситъ сакраментальную формулу и объявляетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ объ отдачѣ своей дочери замужъ. Это объявленіе считается необходимымъ условіемъ для совершенія брака: безъ него,—другими словами,—безъ предварительнаго освобожденія отъ связи съ семейнымъ очагомъ, невѣста не могла бы отправиться на поклоненіе очагу своего жениха. Чтобы получить доступъ къ новому культу, она должна быть предварительно освобождена отъ всякой связи съ прежнимъ.

Второй актъ при совершеніи свадьбы состоитъ въ слѣдующемъ. Невѣста переходитъ въ домъ жениха, при чемъ послѣдній перѣдко самъ ведетъ ее въ свое жилище. Этотъ переходъ невѣсты окруженъ особою торжественностью и носитъ черты религіозной церемоніи. Послѣдній актъ, предписываемый свадебнымъ ритуаломъ, происходитъ уже въ домѣ жениха. Молодые приближаются къ очагу; другими словами—женихъ представляетъ своимъ домашнимъ богамъ свою будущую жену. Въ это время ее обливаютъ прозрачною, какъ струя, водою, при чемъ слѣдуетъ чтеніе извѣстныхъ молитвъ. За тѣмъ женихъ и невѣста сѣдають вдвоемъ пирогъ или хлѣбъ, переломивши его предварительно пополамъ. Вся церемонія заканчивается жертвоприношеніемъ и молитвами.

Римскій бракъ, продолжаетъ Фюстель-де-Куланжъ, во многомъ напоминаетъ собою греческій и, подобно послѣднему, заключаетъ въ себѣ три религіозныхъ акта: *traditio*, *domum deductio*, *confarreatio*. Молодая дѣвушка покидаетъ домашній очагъ. Такъ какъ она связана съ нимъ не непосредственно, а лишь чрезъ посредство своего родителя, то послѣдній одинъ и имѣетъ право разорвать связь ея съ домашнимъ очагомъ путемъ совершенія акта выдачи невѣсты, другими словами—акта *traditio*.

Второй сценой является приведеніе невѣсты женихомъ въ его жилище, другими словами—*domum deductio*. О немъ я имѣлъ уже случай говорить прежде. Въ дополненіе къ сказанному я прибавлю лишь слѣдующія черты. Свадебный поѣздъ останавливается передъ домомъ жениха. Невѣстѣ подносятъ огонь и воду: огонь—символь домашнихъ боговъ, вода—это та жидкость, которая служить при жертвоприношеніяхъ для совершенія религіозныхъ возліяній. Наконецъ, третья часть того же свадебнаго акта начинается съ того, что невѣсту сажаютъ близъ домашняго

очага, вокругъ котораго сгруппированы пенаты и изображенія предковъ. Новобрачные совершаютъ жертвоприношеніе, точь въ точь, какъ въ Греціи. За жертвоприношеніемъ слѣдуетъ религіозное возліяніе, произнесеніе нѣкоторыхъ молитвъ и преломленіе тутъ же съѣдаемаго супругами пшеничнаго пирога (*panis farreus*).

Цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій приобщить невѣсту къ культу домашнихъ боговъ и сдѣлать тѣмъ самымъ возможнымъ религіозное общеніе супруговъ. Не даромъ же римскіе юристы опредѣляли бракъ слѣдующими словами: «*Nuptiae sunt... divini atque humani juris communicatio*».

Съ этими данными сблизимъ слѣдующія подробности изъ индусскаго свадебнаго ритуала, съ которыми такъ обстоятельно знакомитъ статья Гаса, помѣщенная въ 5 томѣ «Индійскихъ этюдовъ» Вебера. Изъ сопоставленія цѣлаго ряда стиховъ Ригъ-Веды и Атарва-Веды Гасъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно древнѣйшаго характера совершаемыхъ на свадьбѣ религіозныхъ обрядовъ. Производство жертвоприношеній, какъ въ домѣ родителей невѣсты, такъ и въ домѣ мужа, составляетъ необходимое условіе всякой закономъ дозволенной брачной формы. До прихода жениха въ домъ невѣсты зажигается большой костеръ при самомъ входѣ въ жилище и на немъ приносятся жертвы. Первымъ дѣломъ вошедшей подъ кровъ мужа жены также составляетъ жертвоприношеніе, очевидно, на очагъ жениховыхъ предковъ, который трижды обходитъ невѣстой въ знакъ готовности ея приобщиться къ культу ея новой семьи. Средній по времени свадебный актъ составляетъ близкое къ греческому и римскому *domum deductio*. Очевидно, смыслъ всего обряда у восточной вѣтви арійской семьи, какъ и у западной, одинъ и тотъ же. Это выраженное дѣйствіями желаніе невѣсты перейти отъ домашняго культа своей семьи къ культу мужа. Символомъ для выраженія этого желанія служитъ обхожденіе очага. Эта послѣдняя черта приобретаетъ тѣмъ болѣе болѣе интересъ, что мы находимъ ее у отдаленнѣйшихъ народовъ арійской семьи, не только въ сѣверной Германіи, въ которой, по словамъ Вейнгольда, трехкратное обхожденіе очага молодою доселѣ не вышло изъ практики *), но и у такихъ оторванныхъ отъ общаго ствола

*) Weinhold, стр. 375.

народовъ арійской крови, какъ Курды или Осетины*). И въ средѣ Славянскихъ народностей этотъ извѣстный, повидимому, еще древнимъ аріямъ обычай удержался вплоть до нашихъ дней. Такъ въ Болгаріи по свѣдѣніямъ, собраннымъ Богишичемъ, невѣста, вошедши въ домъ мужа, считаетъ первой своей обязанностью присѣсть къ домашнему очагу и, поворачивая дрова, поддерживать тѣмъ самымъ пламя въ немъ. Въ Ликѣ троекратное обхождение вокругъ очага и троекратное преклоненіе предъ нимъ считаются необходимыми передъ выходомъ невѣсты изъ дома ея родителей. Тотъ же церемоніаль совершается ею въ домъ мужа и по отношенію къ его очагу.

Не упоминаю о совершеніи однохарактерныхъ обрядовъ и въ наше еще время въ южной Италіи, въ Абруццахъ, такъ какъ этотъ фактъ можетъ быть не болѣе какъ пережиткомъ древнеримской *confarreatio* **).

Любопытно то, что описанныя нами религіозныя формы заключенія брака, вызванныя установившимся съ теченіемъ времени культомъ предковъ, не вытѣсняють собою сразу старинныхъ символическихъ формъ его установленія, но осуществляются одновременно и рядомъ съ ними. Отсюда то симулированное похищеніе, какое долгое время продолжаетъ представлять собою римское *domum deductio* и однохарактерный съ нимъ актъ греческаго свадебнаго ритуала. Отсюда уцѣлѣвшіе слѣды умычки и купли—какъ въ германскихъ, такъ и въ славянскихъ свадебныхъ обрядахъ,—новое подтвержденіе тому, что ни одинъ самопроизвольно развившійся обычай не исчезаетъ вполне и безслѣдно, и что обломки давно прожитыхъ уже стадій развитія продолжаютъ встрѣчаться и въ наши дни.

*) Егіазарьянцъ, Этнографическій очеръ Курдовъ Эриванской губерній, стр. 36.

Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ, глава объ общественномъ устройствѣ осетинъ.

**) Почерпаю эти данныя изъ спеціальной монографіи объ обычаяхъ въ Абруццахъ, появившейся въ Италіи нѣсколько лѣтъ назадъ. Ею пользовался г. Цвѣтаевъ въ своихъ «Путевыхъ Замѣткахъ», напечатанныхъ въ «Вѣстн. Европы».

VI.

Различные виды дареній между лицами, вступающими въ бракъ, ихъ семьями и родами.

Въ настоящей главѣ я перейду къ изученію древнѣйшаго характера имущественныхъ отношеній между супругами. Этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою изученіе цѣлаго ряда вопросовъ, изъ которыхъ раньше другихъ долженъ быть рассмотрѣнъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ возникало у жены отдѣльное отъ нея мужа состояніе, и каковы были составныя части этого послѣдняго.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что вступленіе въ бракъ сопровождалось обоюдными дареніями: съ одной стороны, женихъ одаривалъ невѣсту, съ другой—невѣста одаривала жениха. Мало того, подарки были дѣлаемы какъ родителями жениха или самимъ женихомъ семейству невѣсты, такъ и наоборотъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ родовыя связи продолжали держаться съ большей или меньшей силою, тамъ къ полученію подарковъ призываемы были не только ближайшіе, но и отдаленные родственники той или другой стороны. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести цѣлый рядъ данныхъ, какъ этнологическихъ, такъ и историко-юридическихъ, но и немногихъ будетъ достаточно для моей ближайшей цѣли. Во всей внутренней Африкѣ, какъ видно изъ показаній Мунцингера, имѣютъ мѣсто подобныя даренія. Въ Китаѣ, говоритъ de Guignes, родители невѣсты и жениха до сихъ поръ обмѣниваются подарками. Въ средѣ арійскихъ народовъ мы одинаково можемъ указать на существованіе ихъ какъ у Германцевъ, о чемъ повѣствуетъ Тацитъ, такъ и у Славянъ, вос-

точныхъ и южныхъ. Въ доказательство послѣдняго достаточно привести фактъ обдариванія еще въ наше время въ средѣ мѣщанъ города Онеги отца, матери, брата, сестры и жены женихова брата невѣстой, — все это на деньги, доставленные отчасти ея родителями, отчасти женихомъ, и его роднею. Послѣ же свадьбы слѣдуетъ обдариваніе и отдаленныхъ родственниковъ, обыкновенно вслѣдъ за возвращеніемъ изъ церкви *). Подобные приведенному факты разсыпаны въ изобиліи на страницахъ «Очерковъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву» г. Смирнова и читателю не трудно будетъ подкрѣпить ими высказанный мною взглядъ на всеобщую распространенность въ русскомъ быту обычая обоюднаго обдариванія семейства жениха семьей невѣсты и наоборотъ.

Въ сборникѣ Богишича и составленной на основаніи его монографіи Демелича о юго-славянскомъ правѣ, появившейся въ русскомъ переводѣ г. Гецевича, указано также не мало примѣровъ существованія въ современномъ быту южныхъ Славянъ обычая жениха и невѣсты, равно и родственниковъ ихъ, обмѣниваться подарками. Изъ этихъ фактовъ я напому здѣсь только одинъ, а именно до сихъ поръ держащійся въ Сербіи обычай дарить отца невѣсты шубой, а брата ея сапогами. Подобные же подарки встрѣчаются и въ Индіи, на что имѣются прямыя указанія въ Яджнавалькии (кн. 2, ст. 143) и Апастамбѣ (кн. 2, ст. 6, 14, 9).

Констатировавши фактъ всеобщей распространенности обычая обоюднаго обдариванія невѣстой жениха и женихомъ невѣсты, мы обратимся къ разсмотрѣнію вопроса, какое значеніе слѣдуетъ придавать этимъ подаркамъ. Въ моихъ глазахъ они не болѣе, какъ знаки взаимнаго расположенія производящихъ ихъ лицъ. Поэтому неудивительно, если они имѣютъ мѣсто и помимо заключенія брака, каждый разъ, когда два или нѣсколько человѣкъ желаютъ сблизиться и подружиться, установить меж-

*) Этотъ фактъ взятъ мною изъ «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.», собранныхъ г. Ефименко и помѣщенныхъ въ недавно появившемся 30 т. Трудовъ этнограф. отдѣла общества естествознанія въ Москвѣ (115 стр.).

ду собою то общеніе, какое мы встрѣчаемъ между членами югославянскихъ побратимствъ или въ отношеніяхъ такъ называемыхъ кунаковъ у горцевъ нашего Кавказа.

Не придавая свадебнымъ подаркамъ инаго значенія, кромѣ внѣшняго выраженія тѣхъ тѣсныхъ отношеній, какія заключеніе брака порождаетъ между семействомъ или родомъ жениха и семействомъ или родомъ невѣсты, я въ то же время считаю нужнымъ обратить вниманіе на два особые вида даренія, встрѣчаемые нами при заключеніи брака, — я разумѣю, съ одной стороны, — приданое, а съ другой, — утренній даръ. Какъ тотъ, такъ и другой подарокъ связаны въ одинаковой мѣрѣ съ древнѣйшими семейными обычаями различныхъ племенъ земнаго шара, — одинъ съ обычаемъ купли невѣсты женихомъ у ея родителей, другой — съ еще болѣе архаической системой отношеній между полами, — системой безпорядочнаго полового общенія. Ихъ изученіе любопытно не потому лишь одному, что возникновеніе того и другаго тѣсно связано съ вымираніемъ архаическихъ отношеній половъ между собою, но и потому, что оба они представляютъ собою первичныя формы обособленнаго женскаго имущества, или такъ называемаго *resulium*. Изученіе имущественныхъ отношеній между супругами въ ранній періодъ гражданственности немыслимо поэтому безъ первоначальнаго, болѣе или менѣе основательнаго, изученія причинъ и хода возникновенія вышеназванныхъ формъ даренія, равно и характера предметовъ, издавна входившихъ въ ихъ составъ.

Прежде всего обращусь къ приданому. Первый вопросъ, представляющійся изслѣдователю причинъ и хода возникновенія института приданнаго, есть вопросъ о томъ, когда возникъ этотъ институтъ. Въ нашей литературѣ мы встрѣчаемъ по этому вопросу два радикально противоположныхъ мнѣнія. Представителемъ одного изъ нихъ является Кавелинъ; представителемъ другаго Ефименко. Первый полагаетъ, что появленіе приданнаго нельзя отнести не только къ эпохѣ похищенія, но даже и къ эпохѣ купли невѣсты. Второй утверждаетъ, что купля невѣсты и полученіе съ жениха приданнаго легко уживаются вмѣстѣ. Обратимся къ разбору каждаго изъ этихъ мнѣній, и прежде всего мнѣнія г. Ефименко, послѣдователемъ котораго является и г. Смир-

новъ въ своихъ «Очеркахъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву».

Если мы вполнѣ поняли мотивировку, даваемую послѣдними двумя писателями факту существованія приданого съ древнѣйшихъ временъ народной жизни, то намъ придется сказать, что ихъ положеніе опирается исключительно на аналогіи приданого и калыма—съ одной стороны, съ подарками, дѣлаемыми обоюдно женихомъ невѣстѣ и родственниками обоихъ, — съ другой. «Не надобно забывать того, говоритъ г. Ефименко, что и до сихъ поръ у насъ дары и отдариванья, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: «подарки дарятъ — отдарковъ глядятъ». Если, полагаетъ далѣе г. Ефименко, признать куплю и приданое взаимно исключаящими другъ друга фактами, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ, то послѣдовательно нужно объявить явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, взаимные дары и отдариванія жениха и невѣсты и родственниковъ съ той и другой стороны *). Такова мотивировка, даваемая г. Ефименко, а за нимъ и г. Смирновымъ факту одновременнаго существованія приданого и купли невѣсты. Не трудно согласиться, что она опирается исключительно на аналогію и что, слѣдовательно, для рѣшенія вопроса о томъ, на сколько убѣдительно представляемыя г. Ефименко соображенія, нужно прежде всего обратиться къ проверкѣ правильности производства имъ самой аналогіи, другими словами—дать отвѣтъ на вопросъ: однохарактерны или нѣтъ сравниваемыя между собою явленія?

Въ началѣ настоящей главы я старался показать, что обоюдно дѣлаемые женихомъ и невѣстой, равно и ихъ родственниками подарки не имѣютъ никакого отношенія ни къ куплѣ невѣсты, ни къ приданому, что они неоднократно встрѣчаются и помимо заключенія брака и что цѣль ихъ—дать виѣшнее выраженіе дружескимъ отношеніямъ, въ какія вступаютъ между собою семьи жениха и невѣсты. Обоюдные подарки при праздни-

*) Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи, стр. 105.

ваніи свадьбы—это, выражаясь словами одного изъ гоголевскихъ героевъ, вещественные знаки невещественныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ родители жениха съ родителями невѣсты. Если таковъ дѣйствительный характеръ свадебныхъ подарковъ, то спрашивается не то, почему же имъ и не быть обоюдными, а то, могутъ ли они не быть обоюдными? Въ самомъ дѣлѣ, разъ желаніе вступить въ дружескія отношенія возникаетъ одновременно въ двухъ различныхъ семействахъ, и это желаніе наглядно выражается въ передачѣ извѣстныхъ подарковъ, самая передача необходимо должна быть обоюдная—отъ невѣсты и ея семьи жениху и его родственникамъ и наоборотъ. Итакъ, въ фактѣ одновременнаго существованія свадебныхъ подарковъ со стороны невѣсты и жениха нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія. Противорѣчивымъ и невозможнымъ было бы производство подарковъ съ одной стороны—все равно—со стороны ли жениха или со стороны невѣсты.

Допустивши необходимость обоюдности свадебныхъ подарковъ, мы тѣмъ самымъ подрываемъ возможность установленія какой бы то ни было аналогіи между совершенно разнохарактерными, какъ okazaлось, взаимными подарками жениховой и невѣстиной родни, съ одной стороны, и существованіемъ приданаго съ куплею невѣсты — съ другой; а изъ этого слѣдуетъ само собою, что представляемая г. Ефименко мотивировка опирается исключительно на недоразумѣніи.

Итакъ, вопросъ остается открытымъ, примиримо ли одновременное существованіе купли невѣсты и приданаго или нѣтъ. Г. Кавелинъ, сказали мы, думаетъ, что непримиримо, и опираетъ свое мнѣніе на слѣдующія положенія, повидимому, неопровержимыя послѣ только-что представленной нами критики теоріи г. Ефименко. «Трудно, говоритъ онъ, представить себѣ, какимъ образомъ родственники невѣсты, съ одной стороны, надѣляли ее (приданнымъ), а съ другой—получали плату за нее. Это было бы чѣмъ то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать». Въ свою очередь, мы прибавимъ къ этимъ соображеніямъ еще слѣдующее. Все, что было сказано о положеніи женщины въ ранній

періодъ общественной жизни, могло убѣдить читателя, что въ періодъ широкаго распространенія купли невѣсты женщина не пользуется правами личности, а является вещью, т. е. такимъ же объектомъ имущественнаго права, какимъ можетъ быть всякая движимость: одежда, оружіе, рабъ, скотъ и т. д. Ее продаютъ, перепродаютъ, дарятъ, закладываютъ, истребляютъ на могилѣ покойнаго супруга вмѣстѣ съ остальнымъ оставленнымъ имъ имуществомъ. Спрашивается, примиримо ли все это съ обезпеченіемъ ея приданымъ со стороны ея родителей? Если женщина — имущество, то можно ли допустить, что за уступку этого имущества той семьей, которой оно принадлежитъ, послѣдняя еще призвана будетъ къ производству новыхъ имущественныхъ затратъ? Очевидно, нѣтъ. Такое предположеніе грѣшило бы противъ здраваго смысла, и потому не можетъ быть допущено. Заклучая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ученіе объ одновременномъ возникновеніи купли и приданого независимо другъ отъ друга находить еще рѣшительное опроверженіе въ области положительныхъ фактовъ. Дѣло въ томъ, что намъ не трудно указать на цѣлый рядъ народностей, у которыхъ при существованіи умычки и купли невѣсты нѣтъ и помину о приданомъ. Достаточно для этого сослаться лишь на тѣ данныя, которыя приведены были Постомъ въ его «Исходныхъ моментахъ въ развитіи государственной и правовой жизни» *). У Бареа и Кунама внутренней Африки, судя по показаніямъ Мунцингера, отецъ ничего не даетъ въ приданое за своею дочерью. То же имѣетъ мѣсто въ Монголіи и Китаѣ, какъ видно изъ показаній De Guignes.

Спрашивается, какъ примирить, однако, съ этими фактами цѣлый рядъ другихъ, основанныхъ на столь же неоспоримыхъ свидѣтельствахъ, и не оставляющихъ въ то же время ни малѣйшаго сомнѣнія въ одновременномъ существованіи у многихъ племенъ купли невѣсты и приданого. Эти факты собраны г. Ефименко и заимствованы у него г. Смирновымъ. Дальнѣйшимъ попыткамъ объясненія причинъ и хода возникновенія приданого я предпошлю буквальное приведеніе ихъ изъ сочиненій назван-

*) Post. Ursprung, стр. 54.

ныхъ писателей: «Инородцы Архангельской губерніи, говоритъ г. Ефименко, Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, наряду съ куплей невѣсть знаютъ и приданое. У Киргизовъ отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки вродѣ приданого. Это называется иненкельгенъ-джасау, т. е. принесенное изъ дому отца. Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, несмотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ». Въ свою очередь Васильевъ, авторъ статьи, озаглавленной «Сличеніе индійскихъ законовъ Ману о бракѣ съ брачными обычаями Славянъ», указываетъ на одновременное существованіе купли невѣсты и приданого у Самоѣдовъ, Черемисовъ и Чувашей *). Изъ славянскихъ народовъ Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также и Словенцы,—какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ Богишичемъ,—покупаютъ невѣсть и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. То же приходится сказать о Герцеговинцахъ и Черногорцахъ, у которыхъ новѣйшія изслѣдованія того же писателя обнаружили существованіе приданого одновременно съ калымомъ, вопреки утвержденіямъ Е. П. Ковалевскаго. Въ Архангельской губерніи, замѣчаетъ въ свою очередь Ефименко, гдѣ, какъ, напр., въ Устцыльмѣ, невѣсть до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое всетаки идетъ за невѣстой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, представляетъ онъ, вмѣстѣ съ кладкой или калымомъ жениха бываетъ уговоръ и о приданомъ». Вотъ, кажется, не мало данныхъ въ пользу признанія одновременнаго существованія купли невѣсты и приданого.

Спрашивается, какъ примирить это съ вышеприведеннымъ и, кажется, довольно обстоятельно обоснованнымъ положеніемъ полного отсутствія приданого на низшихъ ступеняхъ гражданственности? Очевидно, первымъ шагомъ къ примиренію этого только видимаго противорѣчія будетъ признаніе факта поздняго возникновенія приданого въ эпоху постепеннаго вымиранія обычая покупать невѣсть. Но этимъ объясненіемъ далеко не устраняются еще всѣ недоразумѣнія. Если и допустить фактъ позднѣйшаго по времени возникновенія прида-

*) „Кіевскія Унив. Изв.“, 67 г., № 12, стр. 10.

наго, то остается еще не рѣшеннымъ вопросъ, какъ произошло это послѣднее, развился ли институтъ приданого независимо отъ вымиранія архаической купли невѣсты, или же эта послѣдняя уступила только мало по малу мѣсто установленію приданого въ пользу невѣсты. Признавая доказаннымъ первое предположеніе, т. е. возникновеніе приданого независимо отъ купли невѣсты, мы невольно впадаемъ въ противорѣчіе съ обоснованнымъ нами же положеніемъ, что въ періодъ купли невѣсты на женщину смотрѣли, какъ на объектъ имущественныхъ отношеній. Нельзя вѣдь одновременно продавать женщину и надѣлять ее приданнымъ. Чтобы послѣднее могло имѣть мѣсто, нужно, чтобы купля не имѣла болѣе инаго характера, кромѣ символическаго, и поступающая при совершеніи ея плата за невѣсту только временно оставалась въ рукахъ родителя съ тѣмъ, чтобы поступить затѣмъ вполне или отчасти во владѣніе самой невѣсты. Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что по мѣрѣ возвышенія женщины до положенія субъекта правовыхъ отношеній необходимо происходить и постепенное приниженіе акта купли невѣсты до символическаго обряда. Родителю ея платится либо пустякъ, либо передаваемые ему вещи и деньги принимаются имъ лишь для дальнѣйшей передачи ихъ невѣстѣ. Примѣры такой передачи встрѣчаются и до сихъ поръ, такъ напр., въ Енисейской губерніи, въ которой въ день бракосочетанія жениховъ дружка подноситъ сидящему возлѣ невѣсты коснику (продающему косу невѣсты) стаканъ пива и сыплетъ ему на поднось деньги. Тогда послѣдній встаетъ, передаетъ деньги невѣстѣ и удаляется *).

Даваемое нами объясненіе постепеннаго возникновенія приданого, по мѣрѣ вымиранія купли невѣсты, путемъ передачи ей родителемъ части или всего сдѣланнаго за нее взноса, имѣетъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что ни мало не заставляетъ насъ видѣть въ приданомъ какой-то новый институтъ, являющійся неизвѣстно откуда, а напротивъ того, не болѣе, какъ результатъ самопроизвольнаго вымиранія древняго калыма.

Высказавши нашъ взглядъ на дѣйствительный источникъ про-

*) Смирновъ, стр. 181.

исхожденія института приданого, постараемся подкрѣпить его нѣкоторыми данными изъ исторіи законодательствъ передовыхъ народовъ Азіи и Европы.

Переходъ калыма въ приданое весьма опредѣленно выступаетъ въ исторіи еврейскаго права. Мы видѣли уже, что Евреямъ въ древности было извѣстно заключеніе брака путемъ купли. Часть платимаго женихомъ калыма несомнѣнно поступаетъ съ древнѣйшихъ временъ въ руки невѣсты. На это мы имѣемъ косвенныя указанія въ цѣломъ рядѣ текстовъ книги Бытія. Въ гл. 31 этой книги мы встрѣчаемъ слѣдующій рассказъ. Въ силу состоявшагося между Іаковомъ и Лаваномъ соглашения, о которомъ повѣствуется въ гл. 30 книги Бытія, Іаковъ получилъ право присвоивать себѣ сперва нарождавшихся пестрыхъ овецъ и козлятъ, и затѣмъ овецъ и козлятъ съ крапинами. Случилось такъ, что въ теченіи ряда лѣтъ приплодъ отъ лавановыхъ стадъ поголовно былъ какъ разъ того цвѣта, какой нуженъ былъ Іакову. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ послѣдній разбогатѣлъ. Глава 31-я начинается рассказомъ о томъ, что на Іакова возроптали сыны Лавановы, говоря: Іаковъ завладѣлъ всѣмъ, что было у отца нашего. Въ виду этихъ нападокъ, Рахиль и Лія считаютъ себя вправе сдѣлать (посланному къ Іакову ангелу) слѣдующее заявленіе: есть-ли наша доля и наслѣдство въ домѣ отца нашего? Не за чужихъ ли онъ насъ почитаетъ? ибо онъ продалъ насъ и съѣлъ серебро наше» (въ Вульгатѣ *devoratione absorbit argentum nostrum*). Комментируя это мѣсто, Майеръ — авторъ извѣстнаго трактата «О правѣ Израильтянъ, Аѳинянъ и Римлянъ», справедливо замѣчаетъ, что въ немъ слѣдуетъ видѣть указаніе на предоставленіе невѣстѣ ея родителемъ части уплачиваемаго женихомъ калыма, или вѣна. Иначе, дѣйствительно, не было бы женамъ Іакова основанія жаловаться на то, что отецъ ихъ присвоилъ себѣ или, буквально, съѣлъ уплаченный ему *argentum*.

Другихъ формъ даренія въ пользу невѣсты, кромѣ только-что указаннаго выдѣленія части калыма, древнѣйшее еврейское право не знаетъ, а между тѣмъ, у юридическихъ писателей эпохи, слѣдующей за возвращеніемъ изъ Вавилонскаго плѣненія, институтъ приданого (извѣстнаго подъ наименованіемъ *недунія*) является уже вполне сложившимся, и между законодателями воз-

никаютъ даже пререканія по поводу того, имѣеть ли женихъ право отказаться отъ невѣсты, а мужъ разойтись съ женою въ случаѣ неуплаты обѣщаннаго родителями приданого, или нѣтъ *). Въ пользу высказываемаго здѣсь взгляда я могу привести еще слѣдующее соображеніе.

Древнѣйшее еврейское право не знаетъ наслѣдованія дочерей при оставленіи покойникомъ прямыхъ нисходящихъ мужескаго пола, т. е. сыновей **). При такихъ условіяхъ трудно было бы ожидать отъ него какихъ либо предписаній или даже просто дозволенія надѣлять выходящую замужъ дѣвушку изъ имущества ея семейства. Не даромъ же Рахиль и Лія жалуются на то, что не имѣютъ доли и наслѣдства въ имуществѣ ихъ отца (по выходѣ ихъ уже замужъ) и обвиняютъ послѣдняго лишь въ томъ, что онъ присвоилъ всецѣло въ свою пользу выплаченный за нихъ Іаковомъ калымъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы признаемъ происхожденіе у Іудеевъ приданого путемъ выдѣленія отцомъ невѣстѣ части уплаченнаго за нее калыма.

Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы составъ приданого являлся необходимо однохарактернымъ съ составомъ калыма. Отецъ невѣсты легко могъ произвести уплату ей части послѣдняго совершенно другимъ имуществомъ, и, судя по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаетъ намъ книга Бытія, обыкновенно давалъ въ приданое за дочерью тѣхъ или другихъ рабынь, такъ, наприм., за Саррой Агарь, за Ревеккой Девору и т. д. Легко можетъ стать, что въ приданое шли и другіе предметы движимой собственности и прежде всего одежда. Во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что выдача въ приданое той или другой недвижимой собственности была строго запрещена Моисеевымъ законодательствомъ.

Отъ Евреевъ перейдемъ къ народамъ мусульманскаго міра. Заключеніе брака у мусульманъ сопровождается платежемъ со стороны жениха такъ называемаго «mehr». Подобно Унгеру, я признаю въ мусульманскомъ mehr двойной характеръ, — съ

*) См. Mayer. Die Rechte der Israeliten, Athenern und Römer, II Bd., стр. 343, примѣч. 1.

**) См. Mayer, § 225, и Michaelis, § 18.

одной стороны, характеръ калыма, съ другой — приданого. Въ Годаѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ комментаріевъ мусульманскаго (ганефитскаго) права, о meh'г'ѣ прямо говорится, какъ о платѣ родителямъ невѣсты, платѣ, часть которой употребляема была ими на закупку послѣдней приданого. Нагляднымъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда о возникновеніи приданого и въ средѣ мусульманскихъ народовъ изъ части платимаго женихомъ калыма служить встрѣчающійся еще въ наше время между Татарами Казанской губерніи обычай «дѣлать дочери приданое на деньги, полученныя родителемъ ея съ жениха»; — объ этомъ обычаѣ говоритъ намъ анонимный авторъ любопытнаго очерка «Народные обычаи у Татаръ Казанской губерніи», помѣщеннаго въ «Трудахъ Казанск. Статистич. Комитета» за 69 годъ.

Приданое, говорится въ этой статьѣ, дѣлается родителями невѣсты на деньги, полученныя съ жениха. Оно составляетъ собственность жены, и никто — ни мужъ, ни родственники его — не имѣютъ на него никакого права. По смерти жены, при ея бездѣтности приданое поступаетъ къ ея родителямъ и родственникамъ, вообще къ тому семейству, изъ котораго она была взята. Но если послѣ нея останутся дѣти, то оно составляетъ ихъ собственность.

Переходя къ аріискимъ народамъ, я остановлюсь прежде всего на изученіи нормъ русскаго обычнаго права, такъ какъ полагаю, что въ послѣднемъ сохранилось наибольшее число данныхъ въ пользу признанія факта возникновенія приданого изъ калыма. Эти факты, впрочемъ, далеко не такъ рѣшительны, какъ приведенные нами выше. Ни одинъ изъ нихъ не является нагляднымъ проявленіемъ самаго процесса перехода калыма въ приданое. Они даютъ лишь косвенное доказательство тому, что послѣднее на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ частью перваго, указывая, что съ измѣненіемъ въ размѣрѣ одного соотвѣтственно увеличивался или уменьшался размѣръ другаго. «Сторона невѣсты, говоритъ г. Ефименко, издавна старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣлствуется родителями невѣсты на такъ называемыхъ жиросмотринахъ». А у нѣкото-

рыхъ инородцевъ нашей губерніи, продолжаетъ тотъ же писатель, напр., Корель и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданого. То же наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напр., у Татаръ, Черемисъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи». Мы сопоставили эти данныя съ данными относительно славянскаго населенія Архангельской губ. лишь для того, чтобы дать надлежащее освѣщеніе вышеприведенному предписанію о соотвѣтствіи приданого имущественному взносу жениха. Это соотвѣтствіе, очевидно, соблюдается обычаемъ славянскаго населенія по той же причинѣ, по какой оно имѣетъ мѣсто и въ средѣ инородцевъ, я разумѣю возможность ассигнованія родителемъ невестѣ большаго или меньшаго приданого, смотря по величинѣ полученнаго калыма.

Представленныя соображенія даютъ возможность научной провѣрки тѣхъ интерпретацій, какія въ разное время даны были русскими историками Несторову свидѣтельству о брачныхъ обычаяхъ восточныхъ Славянъ. Извѣстно, что эти послѣдніе въ эпоху Нестора были различны у разныхъ племенъ. Умычка встрѣчалась рядомъ съ куплей, а послѣдняя, если судить по показаніямъ лѣтописца, «не хожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а за утро приношаху по ней, что владуче», у нѣкоторыхъ племенъ успѣла уже уступить мѣсто установленію приданого. Что въ приведенномъ текстѣ Несторовой лѣтописи «за утро, или завтра, приношаху по ней что владуче» слѣдуетъ видѣть не уплату калыма, какъ думаетъ Бестужевъ-Рюминъ, а приношеніе родителями приданого, это доказывается уже тѣмъ, что у насъ выраженіе «приносить», какъ справедливо замѣчаетъ г. Смирновъ, и въ юридическихъ актахъ прошлаго, и въ современныхъ намъ судебныхъ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ, всегда употребляется, когда дѣло идетъ о приданомъ; такъ въ одномъ изъ древнихъ двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: «полдеревни... приносу матери его». И въ настоящее время, замѣчаетъ г. Смирновъ, можно встрѣтить подобныя выраженія, напр., въ рѣшеніи одного волостнаго суда исчисляется имущество «принесенное», какъ сказано въ немъ, женою въ домъ мужа при выходѣ ея въ заму-

жество: корова, двѣ овцы, 5 куръ, ржи 5 четвериковъ и крупъ 1 четверикъ. Замѣтимъ также, что въ Литовскомъ Статутѣ русское названіе для приданого есть «внесенные», названіе, встрѣчающееся и донинѣ въ рѣшеніяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ.

Что приводимый текстъ Несторовой лѣтописи долженъ быть истолковываемъ, какъ заключающій въ себѣ свидѣтельство о существованіи приданого, это, съ другой стороны, слѣдуетъ изъ того, что выраженіе «что вѣдуче» имѣетъ тѣсную связь съ словами, обозначающими приданое: данье, данница, на что и указываетъ съ полнымъ основаніемъ г. Ефименко въ упомянутой уже не разъ монографіи о приданомъ.

Нѣкоторое указаніе на развитіе приданого изъ калыма даетъ намъ и тотъ фактъ, что въ позднѣйшихъ по времени памятникахъ русскаго права приданое, какъ указываетъ Шпилевскій, называется тѣмъ же терминомъ, какимъ нѣкогда обозначаемъ былъ калымъ, я разумѣю терминъ «вѣно». Въ томъ же смыслѣ употребляется терминъ «вѣно» и у Чеховъ, какъ видно изъ показаній Андрея изъ Дуба; тогда какъ въ Польшѣ издавна приданое обозначалось особымъ наименованіемъ *posag*.

Рѣшительное подтвержденіе защищаемому взгляду образованія приданого изъ платы за невѣсту даетъ древне-кельтическое право, насколько оно извѣстно намъ изъ трактатовъ ирландскихъ Брегоновъ. Прямое постановленіе на этотъ счетъ заключаетъ въ себѣ одинъ изъ тѣхъ короткихъ трактатовъ, которые помѣщены въ IV т. правительственнаго сборника; онъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Разсужденіе о законномъ завладѣніи». Въ трактатѣ этомъ прямо говорится о раздѣлѣ брачнаго подарка, дѣлаемаго женихомъ, между невѣстою и ея отцомъ, а въ случаѣ кончины послѣдняго главою того кровнаго сообщества, къ которому она принадлежитъ. Законъ грозитъ лишить невѣсту приданого въ пользу ея отца, въ случаѣ утайки отъ него самаго факта полученія *) послѣдняго отъ жениха.

*) The case of a woman, with whom the nuptial present of a married woman is given... There are three covenants entered into by the Feini

Что касается до германцевъ, то XXIII глава Тацита говоритъ о принесеніи приданого и женою мужу, и мужемъ женѣ. Варварскія правды восполняютъ эти отрывочныя указанія римскаго писателя, говоря о раздѣлѣ производимаго женихомъ взноса между невѣстою и ея роднею.

Въ англо-саксонскомъ правѣ, насколько можно судить изъ нѣкоторыхъ грамотъ, напечатанныхъ Кэмблемъ, плата за невѣсту въ VIII и IX столѣтіяхъ поступаетъ уже всецѣло въ ея пользу *).

Другое дѣло въ лонгобардскомъ или саксонскомъ, въ которыхъ оно всецѣло остается въ рукахъ мундоальда или того лица, которое является въ силу родства законнымъ попечителемъ дѣвушки.

Если англо-саксонское право представляетъ конечный моментъ развитія приданого изъ платы за невѣсту, то послѣднія два въ такой же мѣрѣ представляются исходными моментами въ томъ же процессѣ. Промежуточныя стадіи занимаетъ, напр., бургундское право, въ которомъ плата за невѣсту или *wittemo* поступаетъ всецѣло въ ея пользу только при заключеніи ею третьяго брака. Выходя впервые въ замужество, невѣста пріобрѣтаетъ право только на одну треть *wittemo*; остальные же двѣ достаются ея родственникамъ со стороны матери. При вторичномъ бракѣ все *wittemo* поступаетъ въ родъ ея покойнаго мужа, такъ какъ сама невѣста разсматривается собственностью послѣдняго. Точно также и въ лонгобардскомъ правѣ, начиная съ VII столѣтія, дѣлаемый женихомъ платежъ поступаетъ уже въ раздѣлъ между мундоальдомъ, удерживающимъ въ своихъ рукахъ задатокъ, и вступающей въ бракъ дѣвушкой. Слѣдомъ происхожденія приданого изъ платы за невѣсту въ позднѣйшемъ даже правѣ

which the parties who have claims dissolve—that of a woman to whom a nuptial present is given, if concealed from her father, if concealed from the father, it is to the father alone this nuptial present is due... Half of each first nuptial present of every woman is due to the head of her tribe, if married after the death of her father... (Anc. L. т. IV, стр. 59, 61 и 63).

*) См. The anglo-saxon family law, статья Эрнеста Юнга въ Essays on anglo-saxon Law, стр. 143.

франковъ является всецѣлое поступленіе въ руки ея родителя или попечителя платимаго при сговорѣ задатка *).

Но если приданое и имѣеть, какъ видно изъ ряда вышеприведенныхъ фактовъ, ближайшимъ источникомъ своего происхожденія обычай покупать невѣсть, то остается еще выяснить вопросъ о томъ, почему въ позднѣйшемъ правѣ оно приносится не женихомъ невѣстѣ, а наоборотъ, невѣстою жениху. Съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ извѣстенъ намъ этотъ институтъ, приданое является, съ одной стороны, наслѣдникомъ старинной платы за невѣсту, а, съ другой, современнымъ представителемъ тѣхъ подарковъ, какіе по случаю брака приносились бывшею невѣстиной роднею въ пользу новобрачной. О нихъ упоминаетъ уже Тацитъ въ XVIII главѣ своей «Германіи», говоря о принесеніи невѣстой мужу чего либо изъ оружія. Съ того момента, когда купля невѣсты окончательно вышла изъ употребленія, момента, который по отношенію къ нѣкоторымъ законодательствамъ можетъ быть даже установленъ съ относительной хронологической точностью, въ виду попадающихся въ нихъ запрещеній на этотъ счетъ **), приданое, какъ платежъ, дѣлаемый женихомъ, должно было прекратить свое существованіе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы другая сторона того же обыкновенія, я разумно затрату бывшею невѣстиной роднею всего или части платимаго за нее вѣна, на приобрѣтеніе въ ея пользу тѣхъ или другихъ цѣнностей: одежды, рабынь, скота, не могла удержаться на практикѣ. Эти подарки, замѣнявшіе для дочери выдѣлъ изъ отцовскаго имущества, слились со временемъ воедино съ тѣми, какіе дѣлаемы были невѣстой изъ отцовскаго имущества въ пользу ея жениха. Въ результатѣ получилось установленіе приданого, какъ платежа, дѣлаемаго невѣстѣ и черезъ ея посредство ея мужу той семьею, въ которой она родилась и выросла. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ оба элемента, изъ которыхъ развился институтъ приданого, сохраняютъ еще обособленное существованіе. Это можетъ быть сказано въ частности по отношенію къ русскому обычному праву, въ которомъ, наряду съ предбрачнымъ взно-

*) См. Weinhold, die deutschen Frauen, 1882, т. I, стр. 325.

**) Такое запрещеніе мы встрѣчаемъ напр. въ законахъ Канута, II, 74.

сомъ, дѣлаемымъ женихомъ и его роднею на наряды для неvěсты и на свадебные расходы, мы встрѣчаемъ и приданое или надѣлокъ, съ характеромъ платежа, дѣлаемаго неvěстѣ ея роднею и своимъ размѣромъ обыкновенно отвѣчающимъ тому выдѣлу, на какой она вправѣ рассчитывать въ случаѣ смерти ея родителя *)).

Въ числѣ подарковъ, производимыхъ по случаю заключенія брака, встрѣчается, если не у всѣхъ, то у цѣлаго ряда народностей, не рѣдко не связанныхъ между собою ни племенною, ни религіозною связью, особый видъ утренняго дара, другими словами дара, дѣлаемаго мужемъ женѣ на слѣдующій день по заключеніи брака. Съ существованіемъ этого вида даренія большинство историковъ и юристовъ знакомы на основаніи одного лишь германскаго права, почему обыкновенно и называютъ его нѣмецкимъ наименованіемъ morgengabe (т. е. буквально утренній даръ) **).

Изучая институтъ утренняго дара у однихъ германскихъ народовъ, историки юристы легко могли остановиться на мысли о существованіи нѣкоторой таинственной связи между духомъ германскаго народа и будто бы вызваннымъ имъ къ жизни видомъ даренія между супругами въ утро, слѣдующее за осуществленіемъ цѣли брака.

Чтобы показать несостоятельность такого объясненія и тѣмъ самымъ очистить путь къ научному толкованію причинъ и процесса возникновенія утренняго дара, мы поставлены будемъ въ необходимость обратиться къ констатированію факта существованія послѣдняго у цѣлаго ряда разноплеменныхъ народностей, общественное развитіе которыхъ совершалось внѣ сферы вліянія германскаго права или же лишь при слабомъ воздѣйствіи послѣдняго. Какъ всякое другое явленіе правовой жизни, утренній даръ имѣетъ свою исторію. Форма его проявленія не оставалась одной и той же въ теченіи вѣковъ, но подвергалась тѣмъ или другимъ измѣненіямъ по мѣрѣ развитія того процесса, который, какъ въ сферѣ семейныхъ, такъ и имущественныхъ и всѣхъ

*) Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи, стр. 60 и 68.

**) Сравни Weinhold, стр. 270.

другихъ общественныхъ отношеній мы привыкли называть процессомъ дифференціаціи, или обособленія. Находя въ законодательствѣ того или другого племени слѣды существованія института моргенгабе въ той или другой стадіи его развитія и не зная, какимъ видоизмѣненіямъ подвергается послѣдній въ процессѣ своего медленнаго и самопроизвольнаго вымиранія, мы легко можемъ, по примѣру другихъ изслѣдователей, обойти молчаніемъ или неправильно освѣтить тѣ или другія свидѣтельства въ пользу признанія его существованія у того или другаго народа. Вотъ почему я считаю не лишнимъ предпослать констатированію фактовъ существованія моргенгабе у различныхъ народностей земнаго шара, изученіе разнообразныхъ видовъ его у нѣмецкихъ племенъ, юридическіе памятники которыхъ заключаютъ въ себѣ наибольшее число данныхъ для обстоятельнаго разслѣдованія вопроса объ историческомъ преемствѣ между различными его формами.

Памятники, изъ которыхъ мы въ состояніи почерпнуть свѣдѣнія о характерѣ и источникѣ возникновенія института утренняго дара у германцевъ, обыкновенно обходятъ молчаніемъ цѣль производства его женихомъ. Ихъ задача не опредѣлить время и способъ передачи мужемъ этого дара своей женѣ, а ограничить размѣръ самаго подарка и указать природу входящихъ въ его составъ предметовъ. Поэтому, если мы желаемъ выяснитъ себѣ сколько-нибудь характеръ института моргенгабе, намъ необходимо прежде всего собрать воедино тѣ черты, которыми памятники обставляютъ этотъ видъ даренія между супругами, а затѣмъ, уже заключая о самой природѣ института на основаніи тѣхъ особенностей, которыя приписываютъ ему юридическіе памятники, постараться вывести извѣстное заключеніе насчетъ источника его возникновенія и первоначальнаго характера.

Прямое указаніе на природу изучаемаго института содержитъ въ себѣ одинъ лишь англо-саксонскій законодательный эксцерптъ, время составленія котораго должно быть отнесено, по мнѣнію Шмида, къ періоду царствованія въ Англіи Ательстана или Эдмунда. Этотъ эксцерптъ озаглавленъ въ англо-саксонскомъ текстѣ «*Be wifmannes beweddunge*», въ латинской рукописи «*De sponsalibu contrahendis*». Въ этомъ эксцерптѣ утренній

даръ названъ «*fosterleanum*». § 3-й постановляетъ слѣдующее на счетъ порядка производства предварительнаго уговора о его уплатѣ съ родителями жены. «*Postea dicat bridguma, id est sponsus, quid ei dare disponat, cur ejus eligat voluntatem*»^{*)}).

Сопоставляя этотъ текстъ съ позднѣйшими правилами Саксонскаго и Швабскаго зеркала о времени и порядкѣ совершенія утренняго дара, равно и нѣкоторыхъ баварскихъ, австрійскихъ и швейцарскихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ постановленій, заключающихъ въ себѣ кодификацію дѣйствующихъ въ предѣлахъ того или другаго округа юридическихъ обычаевъ и формъ (такъ назыв. *öffnungen*),—мы приходимъ къ заключенію, что желаніе мужа, о которомъ говорится въ вышеприведенныхъ источникахъ и выполнение котораго новобрачной ведетъ къ уплатѣ ей утренняго дара, состояла въ отдачѣ ею дѣвственности, и что, слѣдовательно, моргенгабе была не болѣе, какъ вознагражденіемъ за утрату послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, что предписываютъ на счетъ времени и порядка производства утренняго дара различные памятники германскаго обычнаго права? Въ англо-саксонскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ неоднократно указанія на уплату мужемъ женѣ утренняго дара вслѣдъ за проведеніемъ съ нею первой брачной ночи. Въ одной грамотѣ, помѣщенной Кембелемъ подъ № 967 его «*Coдексъ Diplomaticus aevi saxonicі*», мужъ объясняетъ, что передалъ своей женѣ въ утренній даръ цѣлый рядъ поименованныхъ въ грамотѣ предметовъ, при чемъ прибавлено, что эта передача имѣла мѣсто, когда они «впервые сблизились». Въ другой грамотѣ того же сборника, помѣщенной за № 328, говорится объ одной женщинѣ, что она получила свой утренній даръ въ первый день своего сожителства съ мужемъ (Атольтомъ).

Въ позднѣйшихъ по времени составленія сборникахъ германскаго обычнаго права и прежде всего въ Саксонскомъ и Швабскомъ зеркалахъ содержатся многочисленныя указанія насчетъ передачи мужемъ моргенгабе въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью. Саксонское зеркало ^{**)} , постановляетъ буквально слѣ-

^{*)} Schmid, стр. 393.

^{**)} Книга I, ст. 26 § 1 (я пользуюсь извѣстнымъ изданіемъ Гомейра, стр. 176.

дующее. «Послушайте теперь, что можетъ человѣкъ рыцарскаго происхожденія дать своей женѣ въ утренній даръ. Утромъ, идя съ женою къ столу для вкушенія пищи, буде онъ обѣщалъ одарить ее, мужъ можетъ дать ей раба или рабыню совершеннолѣтнихъ, или обгороженное жилище, или выгоняемый въ поле скотъ».

Почти тѣми же словами говорить о morgengabe и Швабское зеркало, постановляя, что передача дара должна имѣть мѣсто утромъ около постели (an dem Bette), или когда мужъ идетъ со своею женою къ столу или, наконецъ, во время самаго вкушенія съ нею пищи *).

Мнѣ еще не разъ придется обращаться къ толкованію только что приведенныхъ текстовъ Саксонскаго и Швабскаго зеркалъ. Въ настоящее время я бы просилъ обратить вниманіе лишь на одинъ изъ упоминаемыхъ въ обоихъ пунктахъ, именно—на время совершенія самаго даренія утромъ вслѣдъ за первой брачной ночью у самой постели и во всякомъ случаѣ прежде вкушенія супругами совместно какой бы то ни было пищи. Культурно-историческое значеніе, какое имѣетъ эта сторона въ институтѣ моргенгабе, выяснится сама собою при сопоставленіи ея съ другими характеристическими чертами изучаемаго нами вида даренія между супругами, — чертами, знакомство съ которыми доставитъ намъ анализъ другихъ юридическихъ текстовъ, относящихся къ занимающему насъ вопросу. Эти тексты встрѣчаются въ изобиліи въ общинныхъ распорядкахъ (öffnungen) Швейцаріи, Баваріи, Бадена и Австріи. Я приведу сперва самые тексты, а затѣмъ перейду къ ихъ интерпретаціи.

Въ грамотѣ села Мюнх-Алторфъ, составленной въ 1439 г. и признанной городскимъ управленіемъ Цюриха, отъ котораго зависѣло самое село, мы встрѣчаемъ въ § 39 слѣдующее распоряженіе: бургомистръ и совѣтъ города постановили: «мужъ имѣетъ право сдѣлать утренній подарокъ своей женѣ, буде послѣдняя, — сказано въ текстѣ, — до вступленія въ бракъ была дѣвушкой (ein Tochter). Этотъ подарокъ имѣетъ мѣсто въ первую же брачную ночь, когда мужъ покидаетъ брач-

*) Гл. 19 Швабскаго Зеркала, изданіе Gengler'a, 1875, стр. 19.

ное ложе (so er von ir ofstat) и т. д. *). Въ этомъ текстѣ я прошу обратить вниманіе на два пункта: 1) на однохарактерное съ вышеприведеннымъ предписаніе о передачѣ мужемъ утренняго дара своей женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью; 2) на ограниченіе подобнаго даренія случаями вступленія въ бракъ съ небывшими дотолѣ въ замужествѣ дѣвушками.

Эти двѣ характерныя особенности утренняго дара, выступающія въ цѣломъ рядѣ другихъ распоряжковъ, какъ общинъ, такъ и округовъ Швейцаріи, Бадена, Баваріи и Австріи. Въ архивѣ города Бадена сохранилась одна грамота отъ 1397 г., въ которой, между прочимъ, мы встрѣчаемъ точное опредѣленіе времени совершенія morgengabe,—въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, когда жена встаетъ съ постели мужа («so sie des ersten morgens von im ofstat») **). Въ земскомъ правѣ округа Davos, въ кантонѣ Граубюнденѣ, правѣ, впервые кодифицированномъ въ 1595 г., прямо постановлено, что уплата мужемъ женѣ утренняго дара должна имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если новобрачной будетъ дѣвушка, когда же ею является вдова, о morgengabe не можетъ быть и помину ***). То же правило встрѣчаемъ мы въ земскомъ правѣ Базеля отъ 1757 г., въ которомъ мы читаемъ: «получаютъ утренній даръ лишь вступившія въ бракъ дѣвушки, отнюдь не вдовы ****). Наконецъ, въ гражданскихъ и уголовныхъ статутахъ Мюнстерской долины (Münsterthal), въ кантонѣ Граубюнденѣ, редактированныхъ въ 1427 г., не только вступившая въ бракъ вдова не призвана къ полученію утренняго дара, но передача послѣдняго не имѣетъ мѣста и въ томъ случаѣ, когда женою является растлѣнная до брака дѣвушка *****).

По всему сказанному о характерныхъ особенностяхъ утренняго дара, на основаніи которыхъ я постараюсь въ теченіи даль-

*) Grimm. Deutsche Weisthümer, т. I, стр. 14.

**) Osenbrüggen, Studien zur deutschen und schweizerischen Rechtsgeschichte, стр. 80.

***) Das Landrecht von Davos, стр. 77.

****) Urkundenbuch der Stadt Basel, т. II, стр. 312.

*****) Toffa, Das bündnerische Münsterthal.

нѣйшаго изложенія опредѣлить самую природу этого института, прибавимъ еще слѣдующую небезынтересную для насъ подробность о производствѣ его по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, и прежде всего у Лонгобардовъ, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ жены *). Однохарактерный обычай встрѣчается, какъ мы увидимъ ниже, и въ средѣ кельтическаго населенія Уэльса.

Для выясненія дѣйствительнаго характера института утренняго дара небезынтересно знать, какъ понимаетъ причины установленія его самъ народъ. Въ нѣкоторыхъ австрійскихъ общинныхъ и помѣщичьихъ распорядкахъ, и прежде всего въ Зальцбургскихъ «Taiding'ахъ», высказывается народное воззрѣніе на причину установленія института утренняго дара. «Morgengabe, говорится въ земскомъ правѣ (landtaiding) округа Rauris, редактированномъ въ періодъ времени отъ 1565 по 1624 г., имѣетъ цѣлью своего существованія поощреніе дѣвственницъ и оказаніе имъ особаго почета, дабы онѣ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ сохраняли неприкосновенно свою невинность для будущихъ своихъ мужей.

Въ только-что приведенномъ текстѣ прямо высказывается воззрѣніе народа на утренній даръ, какъ на вознагражденіе за дѣвственность, съ которою невѣста разстается въ первую брачную ночь въ сожительствѣ со своимъ супругомъ.

Сводя къ немногимъ положеніямъ характерныя стороны изучаемаго нами института, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что morgengabe, согласно правовому сознанію германскаго народа, есть прежде всего даръ, дѣлаемый мужемъ женѣ въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, во вторыхъ, что этотъ даръ имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда новобрачной является сохранившая свою дѣвственность дѣвушка, наконецъ, что цѣлью даренія является вознагражденіе мужемъ жены за потерянную ею въ сожительствѣ съ нимъ дѣвственность.

Если таковы характерныя черты утренняго дара, то спрашивается, какое на основаніи ихъ можно сдѣлать заключеніе о самой природѣ этого института? Очевидно, не иное, какъ то,

*) Weinhold, стр. 270 и слѣд.

что предоставленіе мужемъ женѣ утренняго дара есть особый видъ купли, въ которой объектомъ продажи является не женщина и не право попечительства надъ нею ея родителей, какъ это имѣетъ мѣсто при уплатѣ калыма, а право вступить съ нею въ половую связь. Женщина, какъ объектъ имущественнаго права, покупается женихомъ у ея рода или семейства; доставляемое же ею половое наслажденіе ведетъ къ вознагражденію ея самой. Вотъ почему тогда, какъ калымъ уплачивается мужемъ родителямъ невѣсты, утренній даръ поступаетъ отъ него прямо въ руки жены. Уступка женщины ея родомъ ведетъ къ вознагражденію послѣдняго безъ всякаго отношенія къ тому, будетъ ли невѣстой дѣвственница или нѣтъ, почему калымъ уплачивается безразлично за дѣвушекъ и вдовъ. Другое дѣло *Morgengabe*: уплатою ея покупается дѣвственность, а послѣдней не можетъ быть ни у вдовы, ни у потерявшей цѣломудріе дѣвушки, поэтому ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о производствѣ мужемъ самаго подарка. Наконецъ, разъ дѣвушка переходитъ изъ дома родителей въ домъ жениха, первые, теряя на нее прежнее право владѣнія, тѣмъ самымъ приобрѣтаютъ право на вознагражденіе ихъ въ самый моментъ оставленія ею родительскаго дома; отсюда правило объ уплатѣ всего или части калыма до заключенія брака. Дѣвственность же можетъ быть утрачена не раньше, какъ послѣ проведенія дѣвушкой, по крайней мѣрѣ, одной брачной ночи съ своимъ мужемъ. Понятно поэтому, почему передача утренняго дара имѣетъ мѣсто не раньше, какъ послѣ вступленія мужа въ отправленіе приобрѣтенныхъ имъ бракомъ правъ супруга.

Таковы черты отличія калыма и *Morgengabe*. Разнохарактерность приданаго и утренняго дара слишкомъ очевидна, чтобы намъ нужно было останавливаться на констатированіи ея. Я ограничусь поэтому лишь замѣчаніемъ, что между обоими видами даренія общаго только то, что какъ то, такъ и другое, совершаются въ пользу жены.

Установивши понятіе о *Morgengabe*, какъ о платѣ за потерю дѣвственности, мы перейдемъ теперь къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: 1) составляетъ ли она особенность того или другаго изъ германскихъ племенъ, или встрѣчается у всѣхъ и каждого

изъ нихъ; 2) каково отношеніе къ ней свѣтскаго и духовнаго законодательства и 3) каковы позднѣйшія формы, принятыя этимъ институтомъ подъ вліяніемъ одновременнаго дѣйствія самопроизвольныхъ, внутреннихъ, и случайныхъ, или виѣшнихъ причинъ его вымиранія?

Мы уже имѣли случай указать на существованіе утренняго дара у Англо-саксовъ. Въ настоящее время мы добавимъ къ сказанному, что названіе его у нихъ, какъ видно изъ законовъ Этельберта, то же, что и у большинства германскихъ племенъ — *morgengife*. Переходя къ законодательству континентальныхъ нѣмцевъ, мы находимъ утренній даръ во всѣхъ и каждомъ изъ варварскихъ законовъ, за исключеніемъ одного салическаго. Слѣдуетъ ли заключать отсюда, что салическимъ франкамъ былъ не извѣстенъ самый институтъ? Отнюдь нѣтъ. Отсутствие постановленій о немъ въ этомъ сводѣ обычнаго права не болѣе, какъ ручательство тому, что дошедшая до насъ редація салическаго закона далеко не содержитъ въ себѣ всего текста послѣдняго. Лучшимъ доказательствомъ тому, что салическимъ франкамъ тѣмъ не менѣе извѣстенъ былъ институтъ утренняго дара служить то обстоятельство, что о немъ прямо упоминается въ договорѣ въ Андело, извѣстномъ въ источникахъ подъ наименованіемъ *tractum guntchr (ami) et childeb (erti)*, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ. *De civitatibus* (слѣдуетъ перечисленіе городовъ)... *quae Gaillesuintha... tam in dote quam in morgengyfa, i. e. matutinale donum in Francia veniens certum est accepisse **). Въ одной хартии 901 г., помѣщенной въ сборникъ грамотъ монастыря *Sancti Petri Carnotensis ***), мы находимъ еще болѣе рѣшительное доказательство тому, что салическому закону *morgengabe* была не безъизвѣстна. «*Secundum legem salicam, сказано въ этой грамотѣ, et secundum consuetudinem qua viri proprias uxores dotant, я сдѣлалъ своей женѣ такой то подарокъ*».

Въ Вестготскихъ законамъ мы также не встрѣчаемъ термина *morgengabe*, но въ нихъ говорится, что мужъ благороднаго про-

*) См. Pertz. Monumenta, т. I стр. 6.

**) См. d'Epinay. Les cartulaires Augervins, стр. 192. Примѣч. 1.

исхожденія обязанъ дать женѣ «(dare debet) decem pueros decemque puelas, et cabalos XX, seu in ornamenta quantum mille solidorum summa esse constiterit». Эти подарки жена получаетъ сверхъ (insuper) приданого *). Лучшимъ доказательствомъ тому, что упоминаемые въ этомъ законѣ подарки, имѣютъ характеръ утренняго дара, служитъ то обстоятельство, что въ одной вестготской формулѣ, впервые обнародованной de Rozière и комментированной Биденвегомъ, о вышеперечисленныхъ подаркахъ прямо упоминается, какъ о «morgingeba». Я приведу въ извлеченіи текстъ этой формулы. Дѣло идетъ о заключеніи между вступающимъ въ бракъ лицомъ дворянскаго происхожденія (de stirpe senatus) и новобрачной письменнаго соглашенія (libellus) на счетъ уплаты ей мужемъ тѣхъ самыхъ подарковъ, о которыхъ говоритъ законъ Чиндасвинда. Вслѣдъ за перечисленіемъ этихъ подарковъ стоятъ слѣдующія слова: «Ordinis ut Getici est et morgingeba vetusti». Что утренній даръ былъ извѣстенъ предкамъ современныхъ испанцевъ и португальцевъ, видно изъ того, что о немъ упоминается неоднократно въ памятникахъ испанскаго и португальскаго права, начиная съ XIII и кончая XVI в. Въ нихъ morgengabe извѣстна подъ наименованіемъ «самага сеггада» или замкнутая на затворъ комната. Извѣстный членъ лиссабонской академіи наукъ, португальскій историкъ и юристъ Levy-Maria Iordao, встрѣтивши это выраженіе въ изданныхъ для Португаліи ордонансахъ Филиппа Испанскаго, первый указалъ на дѣйствительное значеніе термина, какъ обозначающаго собою утренній даръ **). Обстоятельное изученіе значительнаго числа грамотъ привело его къ заключенію, что въ памятникахъ XV и XVI вв. терминъ «самага сеггада» употребляется для обозначенія встрѣчающейся въ брачныхъ договорахъ и другихъ актахъ XIII и XIV вв. подарковъ «pro compra corporis» (virginis), или «pour arrhes et achat du corps», или «en payement (de mon) corps (т. е. corps de la femme) et pour le service que je lui ai rendu». Въ подтвержденіе своего мнѣнія Iordao приводитъ извлеченіе изъ отчета камерара Лоро

*) L. Wis. гл. 1 и 6.

**) Le Morgengabe Portugais, par M. Levy-Maria-Iordao.

de Almeida о бракѣ императора германскаго Фридриха III съ сестрой португальскаго короля Альфонса V, донной Леонорой въ 1452 г. Въ этомъ отчетѣ, посланномъ на имя самого короля, между прочимъ, разсказывается, что императоръ въ утро, слѣдующее за первой проведенной имъ брачною ночью, принесъ доннѣ Леонорѣ «a genda da samaga», «выкупъ комнаты», въ размѣръ, напередъ условленномъ въ брачномъ договорѣ.

Тогда какъ существованіе morgengabe у салическихъ франковъ и вестготовъ можетъ быть доказано не иначе, какъ путемъ анализа цѣлаго рода разновременныхъ юридическихъ памятниковъ, въ доказательство знакомства другихъ германскихъ племенъ съ этимъ институтомъ достаточно сослаться на тѣ или другія статьи варварскихъ законовъ. Обращаясь прежде всего къ закону рипуарскому, мы находимъ въ его 39 главѣ § 2 прямое упоминаніе объ утреннемъ дарѣ, называемомъ въ немъ «morgengabe». Какъ бургундскій, такъ и Аллеманскій законы знаютъ институтъ утренняго дара, причемъ первый говоритъ о немъ въ титулѣ 42, § 2, — а второй въ главѣ 56, § 2. Что касается до Лонгобардовъ, то имъ были одинаково извѣстны, какъ самый институтъ утренняго дара, такъ и специфическій терминъ для обозначенія его, — терминъ morgingab (близкій къ morgengabe), нерѣдко замѣняемый словомъ «meta» **).

Въ другихъ варварскихъ законахъ мы не встрѣчаемъ названія morgengabe, такъ, напр., въ Саксонскомъ сводѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы континентальнымъ саксамъ не былъ извѣстенъ самый институтъ; напротивъ того, послѣдній прямо упоминается въ lex saxonum, титулѣ 3 и 9. Если принять во вниманіе, что законы саксовъ извѣстны намъ лишь на латинскомъ языкѣ, и что при отсутствіи въ римскомъ правѣ утренняго дара, терминъ dos (приданое) не могъ быть избѣгнутъ составителями lex saxonum, то не трудно будетъ объяснить при-

**) Studii di diritto Longobardo, *сmp.* 55. Эдиктъ Ротари, ст. 182, 199, 200 и 216, изъ позднѣйшихъ по отношенію къ нему законовъ Литупранда, ст. 7, и цѣлый рядъ грамотъ, приводимыхъ въ извлеченіи Цезаремъ Напі въ его уже не разъ упомянутой мною монографіи о лонгобардскомъ правѣ.

чину, въ силу которой въ этомъ законѣ утренній даръ не носить другаго наименованія, кромѣ «dos».

Утренній даръ извѣстенъ и скандинавскому праву, какъ видно изъ регулированія его законодательными мѣрами, въ такъ называемомъ Ionsbock, или сборникѣ обычнаго права Норвегіи, и видоизмѣняющихъ его постановленій, сборникѣ, составленномъ впервые въ XIII в. и пользовавшимся судебнымъ признаніемъ какъ въ Норвегіи, такъ и на островѣ Исландіи *). Въ Норвегіи утренній даръ нерѣдко обозначается терминомъ *linse* (*leinswandgeld*), по всей вѣроятности отъ льнянаго покрывала, которымъ дѣвушка окутываетъ себѣ голову; въ шведскихъ юридическихъ памятникахъ тотъ же утренній даръ обозначается словомъ *hinderdagsgvaf*, что въ переводѣ значитъ подарокъ, дѣлаемый въ день, слѣдующій за вступленіемъ въ бракъ **).

Мы привели не мало данныхъ въ пользу признанія факта существованія утренняго дара у всѣхъ и cadaго изъ германскихъ племенъ. На основаніи ихъ мы имѣемъ, какъ намъ кажется, право сказать, что вопросъ о всеобщей распространенности въ средѣ германскихъ племенъ института утренняго дара можетъ быть рѣшенъ окончательно и притомъ въ утвердительномъ смыслѣ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, и въ числѣ ихъ Вайца, который, не найдши въ салическомъ законѣ ни одного постановленія объ утреннемъ дарѣ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ хартіямъ меровингскаго періода и пополнить заключающимися въ нихъ данными пробѣлъ, оставляемый по вопросу объ утреннемъ дарѣ, счелъ себя вправѣ совершенно обойти молчаніемъ этотъ видъ даренія между новобрачными и говорить въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ объ одномъ лишь приданомъ. Не останавливаясь на критикѣ, возрѣній Вайца, несостоятельность которыхъ выступаетъ сама собою изъ всего, что было сказано выше, мы отъ констатированія факта общераспространенности утренняго дара въ средѣ гер-

*) Ionsbock, Копенгагенское изданіе 1763 г., стр. 91. Приведено у Königswarter'a, *Études historiques sur le développement de la société humaine*.

**) Grimm, D. *Rechtsalterthümer*, стр. 442.

манскихъ народовъ перейдемъ къ вопросу о причинахъ и ходѣ постепеннаго вымиранія этого института.

Между причинами, вліявшими на постепенное вымирание и исчезновеніе его изъ правовой жизни нѣмцевъ и родственныхъ имъ племенъ, слѣдуетъ упомянуть прежде всего о мѣрахъ, принятыхъ въ разное время органами законодательной власти съ цѣлію ограничить, съ одной стороны, размѣръ утренняяго дара, а съ другой—сферу дѣйствія самаго института. Чтобы понять мотивы, побуждавшіе законодательную власть къ ограниченію свободы мужей въ распоряженіи принадлежащимъ имъ имуществомъ въ пользу своихъ женъ путемъ выдѣленія имъ утренняяго дара, нужно указать на происшедшую съ теченіемъ времени перемѣну въ предметахъ самаго даренія. Эта перемѣна имѣла мѣсто по отношенію не къ одному утреннему дару, но и къ приданому, и вызвана была однохарактерными въ томъ и другомъ случаѣ причинами, корень которыхъ лежитъ въ совершившемся съ теченіемъ времени переворотѣ въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Не забѣгая впередъ, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопросовъ, обстоятельное изученіе которыхъ составить особый отдѣлъ настоящаго труда, я ограничусь голословнымъ утвержденіемъ, что полная неотчуждаемость недвижимой собственности съ теченіемъ времени уступила мѣсто условной, т. е. такой, при которой одни недвижимыя имущества оставались по прежнему неотчуждаемыми, тогда какъ другія подлежали свободному распоряженію. Эта перемѣна въ сферѣ имущественныхъ отношеній не могла не отразиться и въ дѣйствительности отразилась и въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ, сдѣлавъ возможнымъ неизвѣстное дотолѣ обычному праву отчужденіе мужемъ женѣ на правахъ приданаго или утренняяго дара не одной, какъ прежде, движимой, но и недвижимой собственности. Примѣры такой уступки въ приданое и утренній даръ тѣхъ или другихъ предметовъ недвижимой собственности встрѣчается на каждомъ шагѣ въ юридическихъ формулахъ меровингскаго и карловингскаго періода *).

*) См. Weinhold. Die Deutschen Frauen, стр. 271. Последнее особенно часто имѣло мѣсто при выходѣ женщины княжескаго рода.

Такъ какъ со смертью бездѣтной жены, какъ я постараюсь показать ниже, приданое и утренній даръ поступали въ ея родъ, а слѣдовательно, выходили окончательно изъ рукъ мужниной семьи, и такъ какъ, съ другой стороны, законодательная власть по мотивамъ, которые изложены будутъ мною въ отдѣлѣ объ имущественныхъ отношеніяхъ, стремилась къ удержанію за семьями принадлежащей имъ недвижимой собственности, то не удивительно, если пользуясь правомъ видоизмѣнять по произволу тѣ или другія постановленія обычая, народные старѣйшины рано обратились къ ограниченію размѣровъ дѣлаемаго мужемъ утренняго дара. Нагляднымъ выраженіемъ вышеуказанной политики является выставленное сперва лонгобардскимъ, а затѣмъ и бургундскимъ правомъ (последнимъ, впрочемъ, не ранѣе VI в.) запрещеніе мужьямъ давать женамъ въ утренній даръ—первое болѣе четвертой части имущества, а второе—болѣе трети *).

Законодательство стремится также установить опредѣленный срокъ для права жены требовать уплаты ей morgengabe. Въ большинствѣ земскихъ правъ этотъ срокъ равняется году и дню со времени заключенія супружескаго союза **).

Одновременно совершившееся мало по малу приниженіе большинства сельскаго населенія къ крѣпостному состоянію, дѣлая или крайне затруднительнымъ или совсѣмъ невозможнымъ свободное дареніе мужемъ женѣ недвижимаго имущества, которое при натуральномъ хозяйствѣ является наиболѣе распространеннымъ объектомъ вещнаго права, тѣмъ самымъ необходимо и неизбежно ведетъ въ концѣ концовъ къ ограниченію сферы дѣйствія института morgengabe одними лишь высшими классами общества. Такое ограниченіе прежде всего выступаетъ въ правѣ вестготскомъ, въ которомъ, какъ видно изъ приведенныхъ уже нами постановленій, какъ *lex Wisigothorum*, такъ и юридическихъ формулъ, уплата мужемъ утренняго дара имѣла мѣсто лишь въ случаѣ вступленія въ бракъ лица дворянскаго происхожденія.

То же ограниченіе выступаетъ нѣсколько позже и въ цѣломъ рядѣ земскихъ правъ Германіи и Швейцанціи и прежде всего въ

*) *Studii del diritto longobardo* Цезаря Нани. Schröder. Das ehe-liche Güterrecht Deutschlands, стр. 8.

**) См. Weinhold, стр. 272—3 и Osenbrüggen, Studien.

старинномъ Бернскомъ правѣ *). Тогда какъ въ нѣкоторыхъ земскихъ правахъ передача morgengabe вовсе запрещается въ случаѣ непринадлежности мужа къ рыцарскому званію; въ другихъ, какъ, напр., въ Швабскомъ и Саксонскомъ зеркалахъ она дозволяется, но условно, въ томъ случаѣ, когда предметомъ ея является указанная въ законѣ движимость, обыкновенно рабочей скотъ **).

Рядомъ съ перемѣнами, произведенными въ институтѣ утренняго дара законодательной властью, происходятъ и такія, которыя свидѣлствуютъ о постепенномъ исчезновеніи въ народномъ сознаніи прежняго представленія о нихъ. Эти перемѣны всего рѣзче выступаютъ въ обычномъ правѣ швейцарскихъ общинъ. Въ однихъ мѣстностяхъ понятіе объ утреннемъ дарѣ, какъ о платѣ за дѣвственность, на столько падаетъ, что является возможность уплаты его выходящимъ замужъ вдовамъ въ формѣ особаго вида даренія, не безъ ироніи названнаго народомъ, къ противоположность утреннему дару, даромъ вечернимъ (abendgabe). Та же причина, съ другой стороны, ведетъ къ возникновенію начала обдариванія утреннимъ даромъ вдовою вступающаго съ нею въ бракъ юноши, равно и къ установленію системы взаимнаго обмѣна подарками между женихомъ и невѣстою въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью.

Чтобы подкрѣпить нѣкоторыми примѣрами каждое изъ выставленныхъ мною положеній, я приведу слѣдующіе факты. Какъ распоряжки нѣкоторыхъ общинъ кантона Цюрихъ (я разумѣю общину Münchaltorf), такъ и земское право округа Davos въ Граубюнденѣ знаютъ институтъ abendgabe, или вечерняго дара, платимаго мужемъ вышедшей за него замужъ вдовѣ. Въ Баварскихъ и Австрійскихъ общинныхъ распорядахъ уплата вдовой утренняго дара женившемуся на ней юношѣ встрѣчается весьма часто. То же правило находимъ мы въ «уставѣ о наслѣдованіи» мѣстечекъ Flaach и Volken, — уставѣ, составленномъ въ 1658 г. Одинаковое допущеніе къ полученію утренняго дара мужа и жены выступаетъ въ земскомъ правѣ Аппенцеля (äussere Rhoden,

*) Weinhold, стр. 272 примѣч.

**) Weinhold., 272.

ст. 99), а на обычай взаимнаго обдариванія другъ друга въ утро, слѣдующее за первой брачной ночью, одинаково указываютъ постановленія земскаго права общины Wattenwyl въ кантонѣ и округѣ Kloster, нынѣ составляющемъ часть кантона Граубюнден^{*)}.

По мѣрѣ того, какъ падало въ народѣ прежнее возрѣніе на morgengabe, какъ на плату за потерю дѣвственности выходящей замужъ дѣвушкой, укрѣплялся новый взглядъ на нее, какъ на обезпеченіе мужемъ жены на случай его смерти. При такомъ взглядѣ на утренній даръ не удивительно, если народъ сталъ мало по малу смѣшивать его съ приданымъ, результатомъ чего явилось въ концѣ концовъ сліяніе обоихъ видовъ даренія въ такъ называемомъ «douaire» средневѣковыхъ кутюмовъ. Въ отдѣльной отъ приданого формѣ morgengabe удержалась до нашего времени лишь въ семейномъ правѣ царствующихъ династій, или въ такъ называемомъ privalfürstenrecht, что и не удивительно послѣ сказаннаго нами о постепенномъ ограниченіи законодательствомъ среды дѣйствія этого института однимъ лишь высшимъ сословіемъ. Недавнимъ примѣромъ фактическаго осуществленія этого средневѣковаго обычая является уплата нынѣшнимъ русскимъ императоромъ своей невѣстѣ 50,000 р. с. въ утренній даръ, или morgengabe.

Если анализу постановленій обычнаго права отдѣльныхъ мѣстностей Германіи и другихъ странъ, заселенныхъ въ большей или меньшей степени нѣмецкой національностью, и удалось выяснитъ дѣйствительную природу института утренняго дара, то этимъ анализомъ еще не затронуть вопросъ о томъ, каковъ источникъ происхожденія изучаемаго нами института. Названный вопросъ остается открытымъ и путь къ рѣшенію его не можетъ быть проложенъ иначе, какъ съ помощью изученія скудныхъ свидѣтельствъ о существованіи у другихъ народовъ, помимо германцевъ, съ одной стороны, самого утренняго дара, а съ другой однохарактернаго съ нимъ института вознагражденія женщины не мужемъ, а любовникомъ за потерю ею дѣвственности.

^{*)} Osenbrüggen. Studien, стр. 176, 177 и 178

Въ противность большинству писателей, настаивающихъ на исключительно германскомъ характерѣ института morgengabe, я позволю себѣ утверждать, что послѣдній можетъ быть найденъ у уцѣлѣвшей вѣтви иберійской семьи — басковъ, а также въ обычномъ правѣ славянъ, наконецъ, что весьма аналогичныя ему явленія могутъ быть отмѣчены какъ въ греческой, такъ въ римской жизни. Существованіе утренняго дара у басковъ доказывается «кутюмами» *Marciac's*, въ которыхъ мы читаемъ: «Буде мужъ получить за женою въ приданое 1,000 солидовъ, ему слѣдуетъ дѣть женѣ 5 солидовъ тулизскихъ, какъ свадебный даръ (*cadeau de pose*), за исключеніемъ того случая, когда на этотъ счетъ будетъ заключено супругами предварительное соглашеніе (отмѣняющее обычай)» *).

Слѣды существованія morgengabe въ обычаяхъ древнихъ Кельтовъ, какъ континентальныхъ, такъ и островныхъ, доказываются, съ одной стороны, обычнымъ правомъ Бретани, съ другой древними валлійскими и ирландскими законами. Обращаясь прежде всего къ первому, мы находимъ въ такъ называемой *très ancienne coutume de Bretagne* правило, что жена приобрѣтаетъ такъ называемый въ ней «*douaire*», — тѣмъ, что кладетъ ногу въ постель: «*femme gagne son douaire à mettre son pied au lit*». Въ этомъ текстѣ полученіе женою извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ прямо поставлено въ зависимость отъ факта вступленія ею въ отправленіе супружескихъ обязанностей, а мы видѣли уже выше, что эта черта и составляетъ отличительную особенность утренняго дара; вотъ почему вслѣдъ за не разъ уже приводимымъ мною португальскимъ ученымъ *Jordao* я позволю себѣ переводить встрѣчающійся въ бретонскомъ обычномъ правѣ терминъ «*douaire*» словами «утренній даръ».

Обычное право южнаго Уэльса (въ древности обозначаемаго наименованіемъ *Dimetia*) въ числѣ другихъ видовъ даренія мужемъ женѣ знаетъ и такъ называем. на гаэльическомъ языкѣ «*cowyll*», переводимый на англійскій языкъ издателями старинныхъ законовъ Уэльса словомъ *covered*, или даръ одѣяла. Этотъ даръ, согласно подлинному выраженію такъ называемаго *Dime-*

*) Lagrèze, Histoire du droit dans les Pyrénées, стр. 145.

tian Code, платится мужемъ женѣ за то, что послѣдняя ложится въ постель *). По справедливому замѣчанію Вальтера и Königs-warter'a, cowyll, поэтому, есть не иное что, какъ утренній даръ, или morgengabe.

Cowyll, о которомъ только что была рѣчь, встрѣчается и въ законодательныхъ памятникахъ сѣвернаго Уэльса (Venedotia), при чемъ въ законѣ прямо опредѣляется: «cowyll есть плата, получаемая женою за ея дѣвственность» **). Передача cowyll'я имѣетъ мѣсто въ присутствіи родственниковъ жены на слѣдующее утро послѣ первой брачной ночи и при томъ лишь тогда, если жена оказалась дѣвственницей; въ противномъ случаѣ ей не только ничего не дается, но она еще съ позоромъ отсылается къ роднымъ.

Въ Ирландіи утренній даръ составляетъ одно цѣлое съ калымомъ, такъ называемаго coibche, часть котораго, подъ названіемъ loglanamnaís или tindser поступала къ главѣ семейства невѣсты, а другая въ руки этой послѣдней. Эта вторая часть, сообщившая свое названіе и всему дару, есть не болѣе какъ ирландскій cowyll, на что указываетъ и самое наименованіе его coibche, другими словами, какъ утренній даръ, или morgengabe ***).

Переходя отъ кельтовъ къ славянамъ, мы находимъ въ современныхъ намъ русскихъ обычаяхъ, нѣкоторые слѣды существованія у насъ нѣкогда morgengabe. Въ очеркахъ семейныхъ отношеній по русскому обычному праву, изданныхъ г. Смирновымъ, я встрѣчаю слѣдующее любопытное указаніе. Въ одной свадебной пѣсни поется, что женихъ выкупаетъ у дѣвушки ея вѣно (или вѣнокъ). Послѣдній, какъ извѣстно, есть символъ дѣвственности; слѣдовательно, покупка его женихомъ у невѣсты равнозначительна покупкѣ у нея дѣвственности, а такая покупка совершалась, какъ намъ извѣстно, уплатой утренняго дара. Поэтому я согласенъ съ г. Смирновымъ, что въ такомъ упоминаемомъ слѣдуетъ видѣть намекъ на уплату ей нѣкогда

*) Leges Wallicae, Dimetian Code, стр. 233.

**) Ibid. Venedotian Code, стр. 44, ст. 3.

***) Manners and customs of the ancicot Irish Ocurry, предисловіе Суливана.

утреннего дара. Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляетъ меня въ особенности то соображеніе, что однохарактерный съ описываемымъ выкупъ мужчиною вѣнка дѣвушки упоминается во многихъ общинныхъ распорядахъ Аппенцеля и другихъ кантоновъ Швейцаріи, при чемъ размѣръ платимаго за вѣнокъ (Klänzli) выкупа, какъ разъ тотъ, какой земскимъ правомъ Аппенцеля опредѣляется для утренняго дара *).

Со временемъ, справедливо змѣчаетъ г. Смирновъ, вѣнокъ замѣненъ былъ повязкой. Это тѣмъ менѣе способно удивить насъ, что и въ Норвегіи, какъ мы видѣли, повязка является символомъ дѣвственности. Понятно послѣ этого, какое значеніе имѣеть встрѣчающееся до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Россіи отдаваніе женихомъ извѣстныхъ подарковъ невѣстѣ, послѣ полученія отъ нея повязки. Очевидно, мы имѣемъ въ этомъ фактъ не болѣе, какъ остатокъ нѣкогда распространеннаго въ нашемъ быту утренняго дара.

Не мало данныхъ въ пользу признанія факта существованія утренняго дара и въ юридическомъ быту славянскихъ народностей заключаетъ въ себѣ старинное земское право Польши, менѣе городского подвергшееся вліянію германскаго права. По Вислицкому статуту Казимира В. отъ 1347 г. мужъ обязанъ былъ дѣлать женѣ извѣстные подарки на другой день послѣ свадьбы. Эти подарки являются въ Вислицкомъ, равно и въ позднѣйшемъ по отношенію къ нему Вартенскомъ статутѣ однимъ изъ видовъ дареній, дѣлаемыхъ мужемъ женѣ и извѣстныхъ подъ названіемъ «выправы» (ragarhernalia). «Обычай давать подарки женѣ въ день, слѣдующій за свадьбой, по справедливому замѣчанію Спасовича **), долженъ быть признанъ очень древнимъ». Въ позднѣйшемъ періодѣ правового развитія польскаго народа, онъ, подобно нѣмецкой morgengabe, встрѣчается лишь въ дворянскомъ классѣ, между польской шляхтой и княжескими родами, въ подтвержденіе чего могутъ быть приведены слѣдующія свидѣтельства. Оржельскій, писатель XVI в., говоритъ: «Того же дня король (Стефанъ Баторій) прислалъ королевѣ

*) Osenbrüggen. Studien, стр. 80.

**) Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, 1857 г., стр. 34.

(Аниѣ Ягеллонкѣ) богатые дары: дорогія кольца, браслеты, запястья, ожерелья и ковшъ золотой, наполненный португальскими золотыми монетами». Къ этому разсказу Оржельскій прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: «у шляхты есть обычай, что мужъ даетъ женѣ подарки послѣ первой проведенной съ нею ночи». Начиная съ Сигизмунда III, замѣчаетъ г. Спасовичъ, взамѣнъ такого *donum nuptiale* сеймъ назначалъ королевамъ по двѣ тысячи золотыхъ ежегоднаго дохода съ соляныхъ копей Бохненскихъ и Величскихъ *).

Однохарактерность польской «выправы» съ нѣмецкой *morgengabe* слѣдуетъ уже изъ того обстоятельства, что согласно свидѣтельству Оржельскаго, передача утренняго дара мужемъ женѣ имѣла мѣсто, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Германіи, послѣ первой проведенной брачной ночи. Съ другой стороны, дѣйствительная природа утренняго дара, какъ вознагражденія за теряемую женою дѣвственность, ясно выступаетъ изъ факта существованія такъ называемаго «вѣнца», обозначаемаго въ латинскихъ памятникахъ наименованіемъ «*crinile*». Подъ «вѣнцомъ», какъ видно изъ постановленій короля Александра отъ 1505 г., слѣдуетъ разумѣть подарокъ, дѣлаемый наслѣдниками мужа безприданной вдовѣ въ томъ случаѣ, если ею является вступившая въ супружество дѣвушка. Выраженіе закона: «*dum aliquis copulat sibi matrimonialiter virginem seu puellam*» указываетъ прямо на то, что *crinile* имѣло значеніе вознагражденія за лишеніе невѣсты дѣвственности. Вотъ почему вступившая во второй бракъ и вторично овдовѣвшая жеащина, даже въ томъ случаѣ, если не имѣла приданого, не получала вѣнца отъ наслѣдниковъ своего мужа.

Переходя отъ Кельтовъ и Славянъ къ Индусамъ, мы безъ труда открываемъ слѣды существованія у нихъ въ древности отличнаго отъ приданого утренняго дара въ одной изъ шести составныхъ частей обособленнаго женскаго имущества (*stridhana*) въ такъ наз. *ṣulka*, которую переводчикъ Яджнавалькѣи Штенцлеръ и передаетъ на нѣмецкій языкъ словомъ «*Morgengabe*» **).

*) Ibid., стр. 35.

**) Jolly, Ueber die rechtliche Stellung der Frauen bei den alten Indern, стр. 23.

У Грековъ и Римлянъ мы не встрѣчаемъ утренняго дара, но тѣмъ и другимъ одинаково извѣстна плата за отнятую у дѣвушки дѣвственность. Въ Греціи названіе ей «*theoretum*», у Римлянъ она передается описательно: «*illud, quod prima pro nocte datur*» *).

Подобіе римской или греческой платѣ за дѣвственность встрѣчается въ средневѣковомъ законодательствѣ нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, при чемъ эта плата обозначается тѣмъ же наименованіемъ, что и утренній даръ, платимый мужемъ женѣ, а именно въ Уэльсѣ—словомъ *cowyll*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средневѣковой Швейцаріи (я разумѣю Цюрихскую грамоту отъ 1525 г. и Базельскіе средневѣковые обычаи) терминомъ *morgengabe* **). Не есть-ли это прямое указаніе на то, что плата за дѣвственность вносилась виновнымъ одинаково, какъ въ томъ случаѣ, когда утратившая ее женщина становилась законною женою, такъ и въ томъ, когда подобный исходъ не имѣлъ мѣста? Такая плата встрѣчаетъ полнѣйшее подобіе себѣ въ той, которая, какъ было указано мною прежде, требовалась вавилонянами съ лицъ, лишившихъ ихъ дѣвственности? Напомню читателю, что такой взносъ поступалъ сперва въ пользу храма, въ которомъ былъ произведенъ самый актъ, а позднѣе въ пользу лишенной дѣвственности женщины. Постоянное восхожденіе до древнѣйшихъ формъ отчужденія женщиной ея дѣвственности открываетъ намъ, какъ я думаю, настоящую природу института *morgengabe*. Этотъ институтъ не стоитъ ни въ какой исключительной связи съ германскимъ духомъ, такъ какъ встрѣчается у разноплеменныхъ съ нѣмцами народовъ. Возникновеніе его объясняется ограниченіемъ однѣми женами первоначально принадлежавшаго всеѣмъ женщинамъ права на вознагражденіе за отнятую у нихъ дѣвственность,—права, источникъ котораго можетъ въ религіозныхъ представленіяхъ о сакраментальномъ характерѣ, какой имѣетъ актъ первоначальнаго протитуированія себя женщиной.

Этотъ характеръ, какъ мы видѣли, въ свою очередь былъ

*) *Le Morgengabe Portugais*, стр. 10 примѣчанія.

**) *Osenbrüggen, Studien*, стр. 79.

обусловленъ современной его возникновенію формой отношеній между полами,—формой переходной отъ безпорядочнаго полового сожитія къ индивидуальному браку. На этой ступени развитія женщина уже рассматривается, какъ объектъ имущественнаго права одного какого нибудь лица, но ея дѣвственность принадлежитъ всему племени. Поэтому она призвана лишить себя послѣдней публично въ храмѣ жрецу или первому встрѣчному, который въ этомъ случаѣ взносить извѣстный выкупъ, поступающій въ пользу самой женщины. Изъ этого взноса, говоритъ (какъ мы видѣли) Валерій Максимъ, кароагенянки составляли себѣ приданое. Что значитъ это свидѣтельство? Не то-ли, что поступающее въ этомъ случаѣ въ распоряженіе кароагенянки имущество продолжало составлять ея личную собственность, *resilium*, точь въ точь, какъ это было впослѣдствіи и съ утреннимъ даромъ. Я, по крайней мѣрѣ, склоняюсь въ пользу такого толкованія и, заканчивая изложеніе вопроса объ утреннемъ дарѣ, позволю себѣ формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ полученные мною выводы.

Утренній даръ есть примѣняемое къ одной лишь законной женѣ вознагражденіе за потерю дѣвственности. Возникновенію его предшествуетъ эпоха выкупа послѣдней не можемъ только, но всякимъ лицомъ, публично лишавшимъ невинности ту или другую дѣвушку, освященнаго религіей обычая.

Ограниченный съ теченіемъ времени одними случаями установленія законнаго брака, институтъ утренняго дара мало-помалу теряетъ въ народномъ сознаніи свой первоначальный характеръ—выкупа дѣвственности и смѣшивается нерѣдко съ приданнымъ, какъ легальнымъ способомъ имущественнаго обезпеченія женщины. Неудивительно поэтому, если рано или поздно онъ сливается съ нимъ во едино въ такъ называемомъ средне-вѣковыми кутюмами *douaire*.

Вызванная переменами въ имущественномъ правѣ политика народныхъ вождей по отношенію къ утреннему дару состояла въ уменьшеніи размѣровъ послѣдняго и ограниченіи сферы его дѣйствія однимъ лишь высшимъ сословіемъ.

Результатомъ такой политики было раннее сравнительно исчезновеніе *morgengabe* изъ быта низшихъ классовъ общества и

удержаніе его въ XV и XVI вв. семейнымъ правомъ дворянскихъ, а въ наше время однихъ лишь княжескихъ родовъ.

Изложенный здѣсь взглядъ на источникъ и исторію института утренняго дара принадлежитъ автору. Въ защиту своей теоріи я могу сказать, что она, не противорѣча фактамъ, не требуетъ въ то же время совершенно произвольнаго признанія новаго привходящаго въ жизнь начала, какого - то преимущественнаго, какъ думали германисты, уваженія нѣмецкой національности къ цѣломудрію и педагогическаго стремленія по возможности поддержать послѣднее въ женской половинѣ общества.

Всякое объясненіе факта возникновенія тѣхъ или другихъ институтовъ психическими особенностями племени рано или поздно оказывается несостоятельнымъ. Археологія права, обогащая постепенно изслѣдователя новыми данными, заставляетъ его отступить отъ прежней узко-національной точки зрѣнія, краснорѣчиво опровергаемой не нуждающимся въ комментаріяхъ фактъ существованія изучаемаго имъ учрежденія у разноплеменныхъ народовъ. Приходится волей—неволей давать общему явленію столь же общее объясненіе.

19

СПбГУ

Оглавленіе.

I. Слѣды безпорядочнаго полового сожитія	1
II. Общеніе женъ	15
III. Формы вымиранія безпорядочнаго полового сожитія .	24
IV. Полиандрія. Снохачество. Левиратъ	52
V. Полигамія и моногамія.	69
VI. Древнѣйшіе способы заключенія брачнаго союза. .	81
VII. Различныя виды дареній между лицами, вступающими въ бракъ, ихъ семьями и родами.	133

СПбГУ

00068951

ЮФ СПбГУ